

МОНАШЕСТВО ГИЛЬОМА

I

Угодно ль будет господам честным
Внять песне о деяниях былых?
Жонглеру знать ее сам бог велит.
Хранится свиток с нею в Сен-Дени,
5 Хоть много лет никем был не раскрыт.
Достойный муж — тот, кто ее сложил.
В ней речь идет о сыне Эмери,
Которого Гильомом нарекли,
И о больших трудах, совершенных им.
10 Бароны, уж не раз слыхали вы,
Как был Гильом в сраженьях сарацин
И как Тибо, король-альморавид,
Был им лишен Орабль, своей жены,
А заодно и всей своей земли.
15 Вам ведомо, какой урон враги
Под Алискансом графу нанесли:
Вивье, его племянник, там убит;
Берtran к неверным в руки угодил;
Гишар, Жирар, Гелен в плenу у них.
20 Вы знаете, как граф сумел спастись,
Оранжа, где нашел Гибор, достиг,
Поехал в Лан, и там наш властелин
Ему на помощь войско снарядил;
Как Ренуар, что им был так любим,
25 Отправился язычников громить,
И как Бертрана он освободил,
И как его, ввиду заслуг таких,
Граф на своей племяннице женил
И в лен весь Порпальяр дал молодым;
30 Как, наконец, Гибор пресеклись дни,
И граф Гильом чуть не зачах с тоски.
А мы о том вам рассказать должны,
Как он отрекся от сует мирских,
Смиренno принял иноческий чин
35 И отбыл в Анианский монастырь.

Усерднее из смертных ни один
 Царю небес от века не служил,
 За что простились граfu все грехи
⁴⁰ И в рай дано по смерти вознестись.
 Внемлите ж песне с пользой для души.

II

Мы о Гильоме нынче вам споем
 И о трудах неслыханных его.
 Когда сей мир покинула Гибор,
⁴⁵ Подумал граф Гильом Короткий Нос,
 Что бьет славян и сарацин давно,
 Сразил немало доблестных бойцов
 И время замолить грехи пришло.
 Теперь, когда родни лишился он,
⁵⁰ Ему уже не до мирских забот
 И лучшее жить в обители святой.
 В подробности входить нам не расчет.
 Решил уйти от мира граф Гильом,
 А все свои владенья и добро —
⁵⁵ Оранж, что многолюден и хороши,
 Дворец Глорьетский, где держал он двор,
 И Порпальяр с Тортосой заодно,—
 Оставил Ренуару под присмотр.
 Однажды граф до первых петухов
⁶⁰ Собрался в путь, не известив о том
 Своих сержантов и дворян-юнцов.
 Знал про его отъезд один господь,
 Царь наш небесный Иисус Христос.
 Гильом покинул Порпальяр тайком.
⁶⁵ Он в шлеме и броне, при нем клинок,
 Под ним горячий чистокровный конь.
 В обитель Анианскую ведет
 Дорога, что заброшена давно.
 По ней и едет граф Гильом всю ночь —
⁷⁰ На месте быть намерен он с зарей.
 Меж тем весь Порпальяр объяла скорбь —
 Хватились там сеньора своего.
 Вассалы молвят: «Где наш граф, где тот,
 Кто всех людей отвагой превзошел,
⁷⁵ Кто оделял нас, голяков-юнцов,
 Плащами меховыми и казной,
 Оружье нам дарил и скакунов?
 Гильома нам вовек не видеть вновь —
 Охоту жить он потерял с тех пор,
⁸⁰ Как свел Гибор недуг тяжелый в гроб,
 А с ней Элис, племянницу его».

- Кто голосит, кто онемел от слез,
 Кто кудри на себе от горя рвет,
 Да только прок от этого какой?
⁸⁵ Хоть плачь, хоть нет, а графа не вернешь.
 Что я могу еще сказать о нем?
 Вот, мыслями лишь к богу обращен,
 Он прибыл в монастырь, чуть рассвело,
 С молитвою шагнул через порог;
⁹⁰ Привратник же пришел в испуг большой
 И молвил: «Матерь божья, ну и гость!
 Каким его к нам чертом занесло?»
 Гильом расстался у ворот с конем,
 А сам вступил под монастырский свод
⁹⁵ И братию велел собрать во двор.
 Узнайте же, как Гильом Короткий Нос
 По чину был в монахи пострижен,
 За рыбою отправился потом
 И чуть не пал в лесу от рук воров.

III

- ¹⁰⁰ Граф в Аниану прибыл наконец,
 Вошел туда в печали и тоске,
 И помышляя только о творце.
 Привратник же изрядно оробел.
 Воскликнул в страхе он: «Царю небес,
¹⁰⁵ Зачем к нам прибыл этот человек?
 Не видел я с рождения досель
 Ни тела крепче, ни груди мощней,
 Ни рук и ног длинней, ни шире плеч.
 Сдается мне, он — житель адских бездн,
¹¹⁰ Сам Вельзевул иль чуть помельче бес,
 Пусть в Монтагю он ввергнется навек!
 Такой к нам не заглядывал поднесь.
 Где, матерь божья, он рожден на свет?»
 Граф хорошо рассыпал эту речь,
¹¹⁵ Однако слова не сказал в ответ,
 Смиренно в монастырь вошел затем.
 Но как ни спешен был его отъезд,
 Граф кое-что в дорогу взять успел —
 Шелк и парчу, и бархат, и багрец,
¹²⁰ И десять сотен марок в серебре,
 Шлем золотой, и Жуайёз, свой меч,
 Не раз ему служивший на войне.
 Встарь Карл Великий тем мечом владел.
 Дары на выючном граф привез коне.
¹²⁵ Собрался во дворе капитул весь,
 Пришел аббат, что был и стар, и сед,

Но чуть предстал пред братией пришлец,
Безмерный страх монахов одолел.
Граф им поклон — они бежать в ответ,
¹³⁰ От ужаса попрятались скорей
В подвалах, кельях, погребах — везде,
Где только поукромней место есть,
И шепчутся: «Пришел нам всем конец.
Не человек, а сам Антихрист здесь.
¹³⁵ От рук его нас ожидает смерть».
Когда с недоуменьем граф узрел,
Что никого вокруг из братии нет,
Промолвил он: «Всеправедный творец,
Какой попутал этих дурней бес?
¹⁴⁰ Не повредились ли они в уме?
Чтоб им закончить дни свои в петле!»
Тут устыдился он своих речей.
«Что я сказал, о господи, и где?
Мне, отче наш, прости невольный грех.
¹⁴⁵ Монахами я с толку сбит совсем».

IV

Когда явился в Аниану граф,
Его приезд всю братию распугал.
Один стоит он посреди двора:
Исчезли настоятель и келарь,
¹⁵⁰ Ни послушника нет, ни чернецца,
И слуги разбежались кто куда —
Попасть боятся гостю на глаза
И шепчутся: «Да это ж сатана!
Пусть в пекло угодит привратник наш
¹⁵⁵ За то, что впущен им сюда чужак».
Но зря они привратника честят:
Приезжим так напуган он и сам,
Что рад бы в Монпелье оттоль сбежать.
Тут граф сердиться начал и сказал:
¹⁶⁰ «Царю небес, чьего мы ждем суда,
В монастыре мечтал загладить я
Свои грехи, которым нет числа,
А здесь никто не хочет знать меня,
Хоть никому не сделал я вреда.
¹⁶⁵ Но Петр-апостол мне солгать не даст:
Не помешают мне монахом стать,
Молить о снисхождении творца
И братье помогать в ее делах,
Чтобы меня, кто так в грехах погряз,
¹⁷⁰ Сгубил так много добрых христиан,
Слал рыцарей отважных столько раз

- На смерть от сарацинского меча
 В жестоких нескончаемых боях,
 Бог не низринул по кончине в ад».
- ¹⁷⁵ У графа слезы потекли из глаз.
 Он рек: «Меня, о боже, не оставь!» —
 Пошел к воротам, привязал коня,
 Потом вернулся в монастырь опять,
 Перед распятием на колени пал,
- ¹⁸⁰ Молясь, чтоб дал всеправый судия
 Кров и приют ему в святых стенах
 И был король Людовик жив и здрав,
 Страны французской властелин и страж.
 У графа льются слезы в три ручья.
- ¹⁸⁵ Тут высунул из кельи нос аббат,
 Увидел, что пришелец, весь в слезах,
 Склонился у подножия креста.
 Монахов старец принял скликать,
 Им выполнить пришлось его приказ,
- ¹⁹⁰ И вскорости капитул собрался,
 Со всех сторон приезжего обстав.
 Поднялся граф, на братью бросил взгляд,
 И речь повел аббат в таких словах:
 «Сеньор, молю вас нам не делать зла.
- ¹⁹⁵ Кто вы такой? Вельможа? Государь?
 Сдается мне, ваш род высок весьма».
 С сердечностью Гильом ответил так:
 «Сеньор аббат, мне соизвольте внять.
 Обители хочу я лишь добра,
- ²⁰⁰ И мне таиться смысла нет от вас.
 Я — граф Гильом Железная Рука,
 Сын Эмери Нарбоннского и брат
 Отважного Бернара де Брабан.
 Мне братья также Бев, Аймер-смелчак,
- ²⁰⁵ Эрналт, рыжеволосый бородач.
 Гнетет меня мирская суeta,
 Мной совершено, к тому же, много зла —
 Никто не делал больше никогда.
 Вот я и прибыл в Аниану к вам,
- ²¹⁰ Чтоб иноческий чин у вас принять.
 Я десять сотен ливров серебра
 С собой на нужды здешней братии взял,
 При мне скакун, испытанный в боях,
 Шлем, добрый меч, двухслойная броня,
- ²¹⁵ Чтоб охранять обитель от врага,
 Коль скоро в том представится нужда.
 Навечно вам я отдаю свой вклад».
 Аббат послушал и возликовал:

«Угодны ваши речи небесам.

²²⁰ Мы думали, что нам несдобровать —
В такой, сеньор, вы нас повергли страх.
Я в монастырь принять вас буду рад».
Ему не стала братья возражать,
Гнев графа на себя навлечь боясь,

²²⁵ Но меж собой шептаться начало:
«Зачем, о боже, нам такой монах?
Детины мир рослее не видал.
Кто с ним заспорит, тот сошел с ума:
Взмахнет он кулаком, и нет тебя».

²³⁰ Что я еще могу вам рассказать?
С тяжеловоза сняли графский дар,
Убрали в ризницу монастыря,
Снесли броню, и шлем, и меч туда же
И отвели в конюшню скакуна.

²³⁵ Велел готовить трапезу аббат,
А пришлеца раздели догола,
Ему омыли тело с плеч до пят,
Обрили лик, остригли волоса,
И подали монашеский наряд,

²⁴⁰ И объяснили орденский устав;
Когда же братье в рясе он предстал,
Хотя из этой рясы без труда
Скроить бы можно пять обычных ряс,
Ударили во все колокола.

²⁴⁵ За стол уселась братья в попыхах.
Там вдоволь было всяких вин и яств.
Насытился Гильом с устатку всласть:
Съел столько, сколько трое не съедят,
И выдул чуть ли не сетье вина,

²⁵⁰ А иноки за ним исподтишка
Следили и шептались: «Вот так хват!
Святой и благоверный муж Рикард,
Вовек не прокормить такого нам!»

V

Так зажил граф в обители смиренной.

²⁵⁵ Он отказал ей все свое именье,
Все отнятые у неверных земли
И стал ходить в монашеской одежде —
Подряснике, сандальях и скуфейке,
К заутрене являться до рассвета,

²⁶⁰ Молиться богу и Марии-деве —
Да ниспошлют душе его спасенье.
Но братье граф пришелся не по сердцу:
Прожорлив, дескать, он сверх всякой меры,

Ест больше трех монахов благочестных.
²⁶⁵ С подрясником и капюшоном вместе
На рясу чернецу идет примерно
Пять-шесть локтей дерюги грубошерстной,
А новичку неси пятнадцать верных.
Дается черноризцу ежедневно
²⁷⁰ На прокормление лишь краюха хлеба,
Всего бутыль вина ему потребна,
А граф Гильом, насколько мне известно,
Сетье вина мог выпить в два присеста,
Да сыру съесть головок пять, не меньше,
²⁷⁵ Да лебедем с павлином пообедать,
Да подкрепиться поросенком целым.
Монахов это исполняет гневом.
Украдкою они друг другу шепчут:
«Мария-дева, по миру намерен
²⁸⁰ Пустить нас этот дьявол здоровенный!
Он доведет нас всех до разоренья,
И запустеет монастырь наш бедный,
А мы голодной смерти не избегнем.
Жизнь, видно, в нем поддерживают бесы,
²⁸⁵ Затем что уж пора, господь свидетель,
Ему давно бы провалиться в пекло,
Иль в Тибре утонуть, иль в море Черном!»
Но граф Гильом речей не слышал этих,
А слышал, так не придал им значенья.
²⁹⁰ В подробности вдаваться здесь невместно.
Скажу лишь: отнеслись к нему враждебно
Аббат и братья, чтоб их взяли черти!
А вот сержантам стал Гильом любезен —
На их кормление не жалел он денег,
²⁹⁵ Кафтаны и штаны дарил им щедро,
Зато и чтим был ими бесконечно
В отличие от иноков злосердых.
Услышьте же, как эти лицемеры
Замыслили Гильома скануть со свету,
³⁰⁰ Да разразит их сын пречистой Девы!

VI

Песнь добрую мы ныне вам споем
О том, как граф Гильом Короткий Нос
Ушел от мира в монастырь святой,
Был в рясу с капюшоном облачен,
³⁰⁵ Стал господу молиться день и ночь,
К заутрене вставать до петухов.
Не умолчим мы также и о том,
Как невзлюбила братия его,

Затем что, монастырь вводя в расход,
³¹⁰ Ел больше он, чем трое чернечев,
 Был тороват и в малом и в большом,
 Слуг и сержантов оделял казной,
 Чем и сумел за самый краткий срок
 Себе снискать их дружбу и любовь
³¹⁵ Монахам остальным на страх и зло.
 Аббат отец Анри, старик седой,
 Собрал их как-то в месте потайном,
 И молвили они: «Как быть, сеньор,
 Нам с этим чертом, что у нас живет?
³²⁰ Не уберем его — все пропадем».
 Аббат в ответ: «Я мнения того ж,
 Но не могу придумать ничего,
 Что от него избавить нас могло б».
 Они ему: «Наш замысел таков.
³²⁵ Нам вскоре предстоит Великий пост,
 А после Пасха, светлый день Христов.
 Мы скажем графу, чтобы он помог
 Нам обеспечить монастырь едой,
 Его рыбачить на море пошлем.
³³⁰ Он через дол Сигре туда пойдет,
 А там пятнадцать зверствуют воров,
 Не отпускают с миром никого,
 И если денег графу дать с собой,
 Живым он не вернется ни за что.
³³⁵ Тогда-то мы свободно и вздохнем».
 Внемлите ж, господа, как обречен
 Изменниками на смерть был Гильом
 И сколько мук, спаси его господь,
 По милости их принял он потом.
³⁴⁰ Увы, чем чаще мы творим добро,
 Тем легче ближний нас предать готов.
 Итак, споем мы о беде большой,
 Что претерпел Гильом, лихой барон.

VII

Не только с виду стал монахом граф.
³⁴⁵ Молитву он творил на дню сто раз,
 Чтоб сохранил его господь от зла.
 Однажды мимо стен монастыря
 Какой-то знатный путник проезжал.
 Поесть он попросил у келаря,
³⁵⁰ Но скучно накормил его келарь.
 От гнева граф чуть не сошел с ума
 И рек: «Да разразит господь тебя!
 Неси немедля белый хлеб сюда,

Тащи побольше мяса и вина,
³⁵⁵ Чтоб было что приезжему подать.
 Не в меру братья здешняия скупа,
 И ваш устав не годен никуда,
 Коль так тут неприветливы к гостям».
 Разгневанный келарь в ответ сказал:
³⁶⁰ «Я не намерен слушаться глупца.
 По-вашему не будет никогда.
 Вас самого не прокормить никак —
 Пять волопасов столько не съедят».
 Граф сгреб его, как следует потряс,
³⁶⁵ Ключи у скопидома отобрал,
 Бегом спустился с ними в погреба,
 Принес оттуда всяких вин и яств,
 Употчевал всем этим гостя всласть,
 А после речь повел в таких словах
³⁷⁰ И к келарю, и к прочим чернецам:
 «Пусть, шлюхины сыны, вам бог воздаст
 За то, что здесь куском меня корят!
 Я, видно, очень не по нраву вам,
 Коль вы со мною говорите так.
³⁷⁵ Но я клянусь вам именем творца,
 На свете нет такого смельчака,
 Которому спустил бы дерзость я.
 Трусливые воючки, стыд и срам
 Тому глупцу, что ждет от вас добра!»
³⁸⁰ Монахи молча выслушали брань,
 В ответ не проронили ни словца
 И в страхе разбежались кто куда.
 Аббат и сам бы рад удрачить в Кларван,
 Но все ж уверещавать Гильома стал:
³⁸⁵ «Сеньор, не надо голос возвышать.
 Мы все тут братья пред лицом Христа.
 Не гневайтесь на нас по пустякам,
 А мы исполним ваш любой приказ.
 Я позову всех иноков назад
³⁹⁰ И попрошу, коль вы велите, сам
 За грубость их прощения у вас».
 Тут разом у Гильома злость прошла,
 Раскаялся в своих словах смельчак
 И рек: «Благодарю, отец аббат.
³⁹⁵ Обидчиков своих прощаю я,
 А коль нарушил орденский устав,
 Готов епитимью от вас принять».
 Утихла вновь в обители вражда,
 Чему был каждый инок очень рад,
⁴⁰⁰ И села братья трапезу вкушать.

Чтил орденский устав Гильом всегда,
Смиренно вел с монахами себя,
Но в тех, а там их было больше ста,
Лишь ненависть и злобу возбуждал,
⁴⁰⁵ Хоть в этом был отнюдь не виноват.

VIII

- Живет Гильом в святом монастыре,
Но в братье вызывает только гнев,
Хоть десять сотен ливров отдал ей —
Все, что, приехав, при себе имел.
⁴¹⁰ Одно лишь у монахов на уме —
Как бы покончить с графом поскорей.
Собрали без него капитул весь.
Они тайком в один прекрасный день
И повели там о Гильоме речь:
⁴¹⁵ «Сеньор аббат, он нас извел совсем.
Не смеем пикнуть мы при нем теперь.
Пусть уберется этот черт отсель,
Живет за морем Чermным, а не здесь.
Нас от него избавьте наконец».
⁴²⁰ «Но как?» — аббат промолвил им в ответ.
Они ему: «Вот как, святой отец.
Пошлите графа на море затем,
Чтоб рыбы братье наловил он в сеть.
Не может быть, чтоб он ответил «нет»
⁴²⁵ И ваше повеление презрел:
Им послушанья принесен обет,
И вы — аббат, а он — простой чернец.
Пойдет он к морю через дол Сигре,
А там воров пятнадцать человек
⁴³⁰ Жестоко грабят всю страну окрест.
Любого, кто б им ни попался встречь,
Будь то монах, аббат, виллан, купец,
Они хватают и влачат на смерть.
Сужден и графу этот же удел.
⁴³⁵ Он так упрям, что не отдаст кошель.
Тогда его убьют и стащат в лес,
И докучать он нам не станет впредь».
Аббат сказал: «Разумен ваш совет.
Так нами с рук и будет сбыт наглец».
⁴⁴⁰ Вот отыскал Гильома лицемер —
У храмовой колонны граф сидел.
Аббат и говорит: «Внемлите мне.
Я вам епитимью назначу днесь.
Отправьтесь завтра на море чуть свет,
⁴⁴⁵ Чтобы оттуда рыбы нам привезть.

Но надо пересечь вам дол Сигре,
 А там теперь разбойничий вертец —
 Нагнали воры страху на людей».
 Встал граф и рек: «Я двинусь на заре.
⁴⁵⁰ Скажите лишь, мне ехать на коне
 Иль я отбыть отсюда должен пеш?»
 Аббат ему: «Найдите-ка себе
 Слугу покрепче, лошадь покрупней,
 И в путь, но так, чтоб в стан к ворам не лезть».
⁴⁵⁵ Гильом воскликнул: «Мне ль воров робеть!
 Велите только мой доспех принесть,
 Да мне броню под рясу дайте вздеть,
 Да меч на пояс прицепить как след,
 И всем ворам, как нрав их ни свиреп,
⁴⁶⁰ Я голову сниму немедля с плеч».
 Аббат ему: «Спаси вас царь небес
 От мысли впасть в такой великий грех!
 Негоже браться иноку за меч».
 От гнева изменился граф в лице
⁴⁶⁵ И так спросил, вконец рассвирепев:
 «Неужто мне и моему слуге
 Безропотно насилие терпеть
 И даже дать себя на смерть обречь?»
 — «Нет, но просить пощады поскромней».
⁴⁷⁰ «Ну, хорошо, попросим, — рек храбрец. —
 А если все же нам откажут в ней?»
 — «Тогда вам остается умереть
 И мученический приять венец.
 Но не должны вы крови лить вовек —
⁴⁷⁵ На это наш устав кладет запрет».
 Тут граф чуть не сошел с ума совсем
 И возгласил: «Пусть в пекле у чертей
 Горит устав столь строгий вместе с тем,
 Под чьим пером родился он на свет.
⁴⁸⁰ Отдам я все, что у меня в мошне,
 Но мне свидетель тот, кому творец
 Неронов луг вовек блести велел,
 Что коль мою заденут воры честь,
 Не до устава будет тут уже:
⁴⁸⁵ Я докажу, что драться встарь умел».

-

IX

«Отец мой, — граф аббату говорит, —
 Я ваш чернец и вас обязан чтить.
 Вы наставлять меня во всем должны;
 Я — делать все, что ни велите вы.
⁴⁹⁰ Я знаю, что не всеми здесь любим,

Но раз капитул так постановил,
 Готов я братье рыбы наловить.
 Ее получит столько монастырь,
 Что всю мы и до Пасхи не съедим.

⁴⁹⁵ Но без оружья как воров отбить?
 Что если вдруг потребуют они
 Отдать и весь улов, и лошадь им?»
 «Отдайте», — настоятель процедил.

Гильом опять: «А как мне поступить,
⁵⁰⁰ Коль я подвергнусь нападению их?
 Ведь я же ими быть могу убит».
 Аббат ему: «О вас мы воскорбим».

А граф: «Советы ваши хороши!
 Угодно, значит, вам, чтоб дни свои
⁵⁰⁵ Я сам пресечь злодеям пособил?
 Ужель я им не вправе отомстить?»
 Аббат в ответ: «Оставьте эту мысль.
 Так я велю и наш устав велит».

Гнев чуть рассудка графа не лишил.

⁵¹⁰ Он молвил: «Надлежит бойцам лихим
 Не в ваши скучные монастыри,
 Где строг устав без меры и нужды,
 А в рыцарские ордены идти.

Там не мешают нехристей громить,

⁵¹⁵ Вести за веру божию бои
 И кровью искупать свои грехи,
 Чтоб обрести спасение души.
 Монахи же хотят лишь есть да пить,
 Молитвы повторять да петь псалмы,

⁵²⁰ Да дрыхнуть от заката до зари,
 Чтоб не спустить случайно лишний жир.
 Вы не перестаете мне твердить,
 Чтоб тем ворам, чья шайка край зорит,
 Удар в ответ не смел я нанести,

⁵²⁵ Каких не натерплюсь от них обид,
 Но только о пощаде их молил.
 А я ручаюсь вам Петром святым,
 Что не намерен ваш устав блюсти,
 Коль им моя понадобится жизнь».

⁵³⁰ Аббат послушал, головой поник,
 Но все-таки Гильому повторил:
 «Сеньор, устав страшитесь преступить!»

X

«Святой отец, — аббату граф ответил, —
⁵³⁵ Меня вы обречете на бесчестье,
 Мне запретив с собою взять доспехи:

Броню, и меч, и шлем остроконечный.
 Чем защищаться мне от нападенья?
 Бог видит, опозорюсь я навеки,
 Позволив плащ с меня сорвать злодеям.
 540 К тому же, если без одежды верхней
 Мне щеголять придется в дождь и ветер,
 Я скоро занедужу непременно».
 Аббат ему: «Пустые опасенья!
 Бой затевать из-за плаща не смейте.
 545 Один отнимут — три вам дам взамен я».
 Граф молвил: «Коль побоям я подвергнусь,
 Что возместит мне мой ущерб телесный?»
 — «Сознанье, что страдаете за веру».
 Граф рассердился: «Вот так утешенье!
 550 Для вас — святой Иларий мне свидетель! —
 Не больше значу я, чем лист на ветке.
 Пусть ваш устав утащат черти в пекло!
 Но господом, что Ноя спас в ковчеге,
 Клянусь, что каждый, кто меня заденет,
 555 Поплатится немедленно за это,
 Пусть даже буду я в убийстве грешен».
 Аббат от страха стал изрядно бледен —
 Вдруг да сорвет на нем гневливец сердце.
 Чтобы не видеть, как он багровеет,
 560 И очутиться в Риме иль Бокере,
 Все б отдал старец, чем богат был Цезарь.
 Восчувствовала братья сильный трепет,
 Попряталась по погребам и кельям,
 А граф к аббату обратился с речью
 565 И у него спросил недоуменно:

XI

«Как мне вести себя, отец аббат,
 Коль станут капюшон с меня сдирать?»
 — «Беспрекословно снять его с себя,
 Не мысля даже про отпор ворам.
 570 Возьмут один — я дам вам двадцать два».
 Гильом в ответ: «Согласен, коли так,
 И выполню покорно ваш наказ.

XII

Но что мне делать, если отберут
 И рясу грубошерстную мою,
 575 Что схожа цветом с вороном в лесу?»
 — «Отдать ее ворам, и ни гу-гу,
 А коль сгрубите им, я наложу
 На вас строжайшую епитимью».

— «А коль мне тати рану нанесут?»
 580 — «Воздастся им за этот грех в аду». Граф молвил: «Ждать я столько не могу
 И вам Петром-апостолом клянусь,
 Что за сто тысяч ливров никому
 Царапины малейшей не прощу,
 585 Хоть этим ваш устав и преступлю». Смолчал аббат, ответить не дерзнул.

XIII

Смельчак Гильом вопрос аббату задал:
 «Скажите мне,— творцом вас заклинаю! —
 Что делать, если вздумается татям
 590 Сорвать с меня удобный мой подрясник?» — «Его отдать им, не сопротивляясь.
 Возьмут один — я вам вручу двенадцать». Граф за свое: «Ответьте, Христа ради,
 Как быть мне все же, коль меня ударят».
 595 Аббат ему: «Я снова повторяю:
 Бой затевать не помышляйте даже.
 Нам это возбраняется уставом». А граф: «Ваш орден я ни в грош не ставлю,
 Коль слуг своих на смерть он обрекает.
 600 Пусть тот, кем он основан, в пекло канет!
 А я — и мне солгать не даст создатель! — Наперекор вам все-таки считаю,
 Что низок тот, кто срам терпеть согласен,
 Кто не ответит на удар ударом». 605 Потупился аббат, внимая графу,
 В ответ ни слова не сказал со страху.
 Рад был бы бочку золота отдать он,
 Чтоб только поскорей оттоль убраться
 В Нарбонн, а то, пожалуй, и подале.

XIV

610 Аббату граф Гильом неустрашимый
 Смиренно и учтиво поклонился,
 Сказал разумно и красноречиво:
 «Что делать мне, святой отец, скажите,
 Коль воры шубу у меня отнимут?
 615 Сейчас зима с ветрами ледяными.
 Без теплой шубы мне придется лихо.
 Уж лучше тридцати лишиться ливров». Аббат в ответ: «Вы шубу отدادите
 И платье все, включая власяницу.
 620 Взамен одной пятнадцать вам дадим мы». А граф: «Я этак разорю обитель.

К тому ж, когда усну я сном могильным,
Богатство ваше мне не пригодится. . .
 Коль я умру, лишь вы тому причина
 625 Да братья,— покарай ее всевышний! —
Которой я безмерно ненавистен.
И все же я ловить отправлюсь рыбу,
А если в руки уложу убийцам,
Пусть будет так, раз вы того хотите».

630 Аббат в ответ: «Искупите грехи вы,
За орден наш святой принял кончину.
Но не сражайтесь, что бы ни случилось.
Гласит устав святого Бенедикта,
Что зла монах не должен делать ближним

635 И к ним не вправе применять насилье,
А нарушать устав не может инок».

Гильом в ответ: «Да разразит зиждитель
Того, кем был такой устав написан!
Его я почитаю трусом низким.

640 Лишь рыцарские ордены мне милы:
Там ты обязан с нехристями биться,
С мечом в руках вторгаться к сарацинам
И обращать их в нашу веру силой,
А не коснуться в ограде монастырской,

645 Есть, пить, да обрасти ненужным жиром,
Да от безделья дрыхнуть за молитвой.
Но мне свидетель бог наш, сын Марии,
Что если руку на меня поднимут
Те воры, о которых здесь я слышал,

650 Презрю я ваш устав миролюбивый
И отучу их над людьми глумиться».

Аббат смолчал и проглотил обиду:
Хоть дай ему все золото России,
На графа не решился б он прикинуть.

XV

655 Аббату своему Гильом промолвил:
«Святой отец, как поступить я должен,
Коль шайка сапоги мои присвоит?
Они мне велики, в них ноги тонут,
Их потерять я опасаюсь очень,

660 А все ж в лесу без них мне будет плохо».

Аббат в ответ — молчать не смел он дольше:
«Отдайте их, не говоря ни слова;
Чулки, равно как и подвертки — тоже».

Гильом ему: «Вы надо мной смеетесь!

665 Земля покрыта ледяною коркой.
Без обуви я до смерти промерзну,

Да и не свычно мне по камням острым
Ходить босым, как ваши слуги ходят.
А чем мне будет воздано, коль скоро
⁶⁷⁰ Я дни свои в мучениях окончу?»
Аббат в ответ: «Вас будут чтить глубоко.
Мы вас проводим колокольным звоном,
По вам отслужим чин заупокойный,
Вам рай отверзнуть господа попросим».
⁶⁷⁵ Гильом ему: «Благодарю покорно!
Не слишком-то поможет мне ваш орден.
Но Петр-апостол и святой Георгий
Свидетели мне в том, что если воры
Расправиться задумают со мною,
⁶⁸⁰ Уж тут меня устав не остановит».
Струхнул аббат, дослушал графа молча,
А тот возобновил свои расспросы.

XVI

Гильом к аббату обратился с речью,
Спросил его учтиво и смиренно:
⁶⁸⁵ «Святой отец, клячусь святым Никезом,
Я, право же, не знаю, что мне делать,
Коль воры снять с меня штаны затеют:
Ведь выставлять слуге христовой веры
Негоже напоказ срамное место.
⁶⁹⁰ Вторично мне на свет родиться легче,
Чем претерпеть такое поношенье!
К тому ж, и для здоровья это вредно:
Сейчас зима коварная — не лето».
Старик-аббат послушал эти пени,
⁶⁹⁵ Под капюшоном не сдержал усмешку
И графу наставительно ответил:
«Клянусь вам моего отца спасеньем,
Такого я и сам не потерпел бы.
Коль снять штаны с вас вздумают злодеи,
⁷⁰⁰ Дать волю можно праведному гневу
И, уставные преступив запреты,
Посильно оказать сопротивленье.
Так измываться над монахом — мерзко».
Гильом ему: «Благодарю, отец мой!
⁷⁰⁵ Раз вы на бой мне дали дозволенье,
С меня мои штаны сдерут не прежде,
Чем силою с ворами я померюсь,
И можете мне на слово поверить,
Что с ними добр не буду я чрезмерно».
⁷¹⁰ Аббат ответил: «Это ваше дело».
А граф: «Воров я проучу успешней,

Коль разрешат мне взять с собой доспехи».
 Аббат сказал: «Я разрешил бы это,
 Да от устава отступить не смею».

⁷¹⁵ Тут кончилась их долгая беседа,
 Но вам, бароны, мы должны поведать,
 Какое славный граф придумал средство,
 Чтоб облегчить себе с ворами встречу.
 Был местным мастером златокузнецким

⁷²⁰ Гильому сделан пояс драгоценный,
 Какого не носил и Юлий Цезарь.
 На пряжке цельной и тяжеловесной
 Из золота, которого светлее
 Не сыщешь даже в аравийских землях,

⁷²⁵ Смарагды, лалы, яхонты горели,
 А сам ремень, через нее продетый,
 Каирским шелком был расшит чудесно
 И золотыми бляхами усеян.
 Гильом за пояс дал сто ливров целых.

⁷³⁰ Был для монаха тот богат не в меру,
 Но граф им обзавелся не без цели:
 Увидев пояс, воры несомненно
 Его отнимут со штанами вместе,
 А уж тогда не минет их возмездье.

XVII

⁷³⁵ Заказан граffом пояс для себя.
 Красив тот пояс и на вид богат.
 Мир лучшего не видел никогда.
 Каменья дорогие без числа
 На пряжке золотой огнем горят.

⁷⁴⁰ В сто су простой шпенек на пряжке встал.
 Ремни надежны — их не разорвать.
 Блях золотых на них десятка два.
 Такого не носил и сам Роланд,
 Таким любой прельстился б государь.

⁷⁴⁵ Им обзавелся доблестный маркграф
 На случай, если угодит к ворам:
 Тогда ему тот пояс повод даст
 Сопротивление татям оказать,
 Затем что графу разрешил аббат

⁷⁵⁰ Нарушить строгий орденский устав
 И отплатить ударом за удар,
 Лишь коль штаны с него начнут снимать.
 Граф за работу деньги отсчитал —
 В сто ливров обошлась ему она —

⁷⁵⁵ И пояс прочно прикрепил к штанам.
 Кто б ни бросал на этот пояс взгляд —

Монах, аббат, иль рыцарь, иль сержант,
Любой, над кем синеют небеса,
Завидовать Гильому начинал,
⁷⁶⁰ А этого-то и хотел смельчак:
Чем извергов скорей штаны прельстят,
Тем шайку будет проще покарать.
Огладил граф Гильом себе бока,
И мыслями раскинул не спеша,
⁷⁶⁵ И про себя украдкой молвил так:
«Мои штаны, с меня не снимут вас.
Свидетель мне блаженный Грациан,
Кто на меня в Сигре дерзнет напасть,
Тому быть лучше в Монпелье, чем там».
⁷⁷⁰ Граф под вечер употчевался всласть,
И ублажить его старался всяк.
Его боялась братья раздражать,
Затем что знала: для монастыря
Поедет рыбу он ловить с утра;
⁷⁷⁵ Монахам же — господь их покарай! —
Сбыть графа с рук хотелось навсегда.
Они мечтали, как сказал вам я,
Чтоб воры изрубили храбреца
Иль утопили заживо в волнах.
⁷⁸⁰ Без нужды граф не делал ближним зла,
Особенных грехов не совершал,
Но был поесть и выпить не дурак,
Умом не скуден, сердцем смел и прям,
Щедр к рыцарям, у коих пуст карман,
⁷⁸⁵ Ко всем отзывчив, с кем стряслась беда,
И этим братье ненавистен стал.
Недаром ведь в народе говорят,
Что негодяю, чья душа черна,
Мил человек достойный лишь тогда,
⁷⁹⁰ Когда его втоптать он может в грязь;
А если тот ему не по зубам
И вред чинить в открытую нельзя,
Он жертву пробует оклеветать,
Чтоб засудить и разорить дотла,
⁷⁹⁵ Как делает из алчности подчас
Иной прево, баллы иль кастелян,
Что вас берет за-приставы зазря
И грабит дочиста иль шлет на казнь.
Да ввергнет бог мздоимцев этих в ад!
⁸⁰⁰ Вот так же братья с графом обошлись,
Его в вертеп разбойничий послав,
Хоть был Гильом пред ней не виноват.
Но коль спасет его рука творца,

С лихвой воздаст храбрец своим врагам.
⁸⁰⁵ Он спал, пока не поредела тьма,
 Когда ж на небе занялась заря,
 Пришел аббат и графа растолкал:
 «Сеньор Гильом, в дорогу вам пора»,
 А тот ответил: «Еду сей же час»,
⁸¹⁰ Оделся и обулся в попыхах,
 Однако не забыл свой пояс взять —
 Задешево его он не продаст.
 Граф мессу отстоял, накинул плащ.
 Собрался в путь с ним послушник-слуга.
⁸¹⁵ Аббат ему дал выючного коня,
 Чтоб с моря разом весь улов забрать,
 И молвил: «Вот вам полная киса —
 В расходах вас я не хочу стеснять.
 Коль этого не хватит кошеля,
⁸²⁰ Мне дайте знать — второй пришлю я вам,
 Быть не должно у вас нужды в деньгах».
 Воскликнул граф: «Вот мудрые слова!»
 Не стал он дольше ни минуты ждать,
 Вскочил в седло, слугу вперед послал
⁸²⁵ Пусть в поводу ведет его одра.
 Гильом — не знал он, что такое страх,—
 Спросил аббата: «Можно ль ехать нам?»
 И с облегчением тот ответил: «Да».

XVIII

«Святой отец,— промолвил граф Гильом,—
⁸³⁰ Я отправляюсь на берег морской
 И, если мне удачу бог пошлет,
 Улов доставлю вскорости домой.
 Однако мне известно с ваших слов,
 Что пересечь я должен буду дол,
⁸³⁵ Где терпит много бед честной народ
 От шайки из пятнадцати воров.
 Я помню также, что давать отпор
 Строжайше вами мне запрещено,
 Да без оружья и не дам его..
⁸⁴⁰ Быть может не увидимся мы вновь,
 И если делом иль хотя б словцом
 Пред вами грешен я, отец святой,
 Молю меня простить ради того,
 В чьей вышней воле наши дух и плоть.
⁸⁴⁵ А коль робею я — нет дива в том:
 Прикончить безоружного легко».
 «Вам ехать,— рек аббат,— пора давно.
 Не тронут вас разбойники, даст бог,

А я простить вам все грехи готов».
⁸⁵⁰ Тут в путь пустился граф Гильом лихой,
 И засмеялись иноки тайком
 В надежде, что теперь погибнет он.
 Но знайте, что через короткий срок
 Воздастся за коварство им с лихвой.

XIX

⁸⁵⁵ Простился граф с аббатом наконец,
 И отправляться тот ему велел.
 Как подобает иноку, одет,
 Везя поклажу сзади на луке,
 Он выехал из монастырских стен.
⁸⁶⁰ Благословил его привратник вслед,
 Затем что к графу сердцем прикипел:
 Гильом к нему был неизменно щедр,
 Вина ему в подарок не жалел,
 Всегда совал кусок, что повкусней.
⁸⁶⁵ Увидев, что собрался граф в отъезд,
 Заплакали навзрыд сержанты все.
 Граф всех милей им был в монастыре:
 Делился с ними он казнью своей,
 Снабжал их новым платьем при нужде.
⁸⁷⁰ Клясть принялись они что силы есть
 Монахов, что Гильома шлют на смерть,
 И сами с ним отправились бы в лес,
 Дабы его от татей оберечь,
 Когда б аббат, прия в немалый гнев,
⁸⁷⁵ Намеренья такие не пресек.
 Слуг сильно обозлил его запрет.
 Они шептаться начали везде:
 «Да защитит Гильома царь небес,
 Чтоб граф вернулся невредим и цел!
⁸⁸⁰ Он нас поил, и одевал как след,
 И всякую оказывал нам честь».
 От всей души о графе всяк скорбел,
 А это означает, что к себе
 Сумел он тороватостью привлечь
⁸⁸⁵ Всех добрых и бесхитростных людей.
 Зато и ненавидим был вдвойне
 Он теми, кто душой погряз во зле.
 Но в это здесь вникать расчета нет,
 И лучше вам о том споем мы песнь,
⁸⁹⁰ Как к морю граф поехал на коне,
 А впереди идти велел слуге.
 Из Анианы двигаясь весь день,
 Они воров не встретили нигде,

Но вряд ли столь же повезет им впредь.
⁸⁹⁵ Граф долго ехал по лесной тропе,
 От скуки то шутил, то гимны пел,
 Со спутником о том о сем вел речь,
 А послушник-слуга ему в ответ
 Все выложил, что было на душе.
⁹⁰⁰ Промолвил он: «Сеньор, внемлите мне.
 Клянусь святым Денисом, не во вред
 Пойдет вам то, что я скажу теперь.
 Я знаю, почему аббат-злодей
 Доспехи не позволил вам надеть:
⁹⁰⁵ Не любят вас — свидетель мне творец! —
 За вашу доброту и щедрость здесь,
 И лишь одно у братьи на уме —
 Как бы от вас отделаться скорей.
 Но богом, что был распят и воскрес,
⁹¹⁰ Молю, не отвергайте мой совет.
 Оружие нам нужно приобрести,
 Быть при мечах, при копьях и в броне.
 Кто безоружен, с тем, как он ни смел,
 Расправится легко любой наглец».
⁹¹⁵ А граф: «Кто б ни родил тебя на свет,
 Ты все равно смельчак и удалец.
 С большой охотой внял бы я тебе,
 Да орденский устав страшусь презреть —
 Ведь я же послушанья дал обет.
⁹²⁰ Но знай: теперь я друг тебе навек,
 Коль скоро суждено мне уцелеть».
 Так речь они вели наедине
 До самого прибытия в дол Сигре.

XX

Без остановки к морю граф спешит
⁹²⁵ В сопровожденье верного слуги.
 Ведут беседу мирную они,
 Хоть им опасность страшная грозит.
 Они ничем не вооружены.
 Один лишь меч неточенный при них —
⁹³⁰ Слуга его в дорогу прихватил.
 Сдержать не хочет послушник язык,
 Капитул и аббата костерит
 За то, что без меча и без брони
 Граф послан ими в лес к ворам лихим:
⁹³⁵ «Они к нему исполнены вражды,
 И как теперь я вижу, нужно им,
 Чтоб он от рук разбойников погиб».
 Услышал граф, как послушник скорбит,

- И ободрил его в словах таких:
⁹⁴⁰ «Шагай быстрей, а страх пустой отринь
 И верь: создатель неба и земли
 Поможет нам вернуться в монастырь,
 И уж тогда смеяться будем мы,
 А доброхоты наши — слезы лить».
- ⁹⁴⁵ Нигде не задержавшись ни на миг
 И никого не встретив по пути,
 Они вдвоем в дремучий лес вошли.
 Тот лес ворам пристанищем служил,
 И был там ими путник не один
- ⁹⁵⁰ Ограблен, изувечен иль убит.
 Граф рек слуге: «Иди-ка впереди
 Да песню позвончее затяни.
 Куда способней под нее идти
 Нам будет здесь, где всюду мрак и тиши».
- ⁹⁵⁵ Слуга воскликнул: «Боже упаси!
 Грех этак надо мной, сеньор, шутить.
 Я вам клянусь Викентием святым;
 Все золото Кларвана мне вручив,
 Меня бы все ж не упросили вы
- ⁹⁶⁰ Не то что петь — словцо произнести,
 Так с перепугу пот меня прошиб,
 Так стынет в жилах кровь и плоть дрожит,
 Так шевелятся волосы мои».
 Изрядно он Гильома рассмешил.
- ⁹⁶⁵ Граф молвил: «Ладно, брат, тогда молчи».
 Дол без помех они пересекли.
 Царили там спокойствие и мир,
 А шайки воровской и след простыл —
 В тот день была она в местах других.
- ⁹⁷⁰ Спешит Гильом, господь его храни!
 Он дол Сигре оставил позади,
 И посветлел у послушника лик.
 Бедняга вряд ли б радостнее был,
 Все золото Востока получив.
- ⁹⁷⁵ С веселым смехом графу он кричит:
 «Я вам, сеньор, клянусь творцом благим,
 Что петь готов — мне прикажите лишь».
 Гильом с улыбкой поблагодарил:
 «Спасибо, брат, тебе от всей души!»

XXI

- ⁹⁸⁰ Железная Рука в пути не медлит.
 Он со своим слугой все дальше едет,
 Минует лес дремучий без помехи,
 Не угодив к разбойникам свирепым,—

В тот день они ушли в другое место,
⁹⁸⁵ Но если не поможет царь небесный,
 Гильом их на пути обратном встретят
 К большому горю всех, кто сердцем честен.
 Вот выехал он наконец на берег,
 Что лодками рыбачьими усеян.

⁹⁹⁰ Граф вытащил и приготовил сети,
 Чтобы рыбью разжиться поскорее —
 Ему домой вернуться не терпелось.
 Тут рыбаки со всех сторон приспели,
 За рясу графа ухватили крепко.

⁹⁹⁵ Те гонят чужака, другие держат,
 И все горланят кто как разумеет:
 «Пошел отсюда!.. Нет, постой маленько!
 Ты рыбки хочешь? На, леща отведай!»
¹⁰⁰⁰ Под капюшоном спрятал граф усмешку
 И молвил рыбакам: «Господь свидетель,
 Меня, друзья, задушите вы этак.
 Монах из Анианы я, поверьте,
 И послан к вам за рыбью, затем что

¹⁰⁰⁵ Сюда другие ехать не хотели;
 А так как низок родом я и беден,
 Аббат и дал мне это порученье,
 Иначе бы не очутился здесь я.
 Но знайте, у меня с собой есть деньги,

¹⁰¹⁰ И я скупить весь ваш улов намерен».

¹⁰¹⁰ Сказали рыбаки: «Благое дело!» —
 И рыбы нанесли ему поспешно.
 Тут граф Гильом сошел с коня на землю,
 Кису достал, и развязал мгновенно,
 И к послушнику обратился с речью:

¹⁰¹⁵ «Теперь от нас зависят люди эти —
 На рыбу мы назначим сами цену,
 Да вот беда — она мне неизвестна.
 Поэтому заплатим пощедрее,
 Чтоб не прослыть скупцами в крае здешнем».

¹⁰²⁰ Толпа возликовала, загадела:
 «Воздай монаху бог за милосердье!
 Когда б ни прибыл он на побережье,
 Его всегда снабдим мы рыбой свежей
 Задешево, а то и безвозмездно».

XXII

¹⁰²⁵ Купил всю рыбу без разбора граф:
 Краснобородку, камбалу, леща,
 Соленую треску и судака.

Грузить ее велел он на коня,
 И деньги стал отсчитывать слуга,
¹⁰³⁰ Но был нетороплив при этом так,
 Что граф Гильом терпенье потерял,
 Взял у него кису, что дал аббат,
 В подол свой деньги высыпал сполна,
 И пригоршнями начал их швырять,
¹⁰³⁵ И рыбакам промолвил: «Господа,
 Пусть всяк свое отсчитывает сам».
 Послушали они его слова,
 От радости чуть не сошли с ума,
 Друг другу шепчут: «Ну и щедр монах!
¹⁰⁴⁰ Высок рожденьем он наверняка:
 Обычно-то ведь братия скупа».
 И тут они давай ему кричать:
 «Сеньор, с лихвой вы уплатили нам.
 Почаще просим наезжать сюда.
¹⁰⁴⁵ Всегда мы рыбой обеспечим вас.
 Ввек вы нужды не будете в ней знать.
 Что ни окажется у нас в сетях —
 Все ваше, ничего для вас не жаль».
 Граф им в ответ: «Благодарю сто раз!»
¹⁰⁵⁰ Был некий честный горожанин там.
 Он бросил на Гильома долгий взгляд,
 По росту и могучим кулакам
 И шраму на носу его признал —
 Во Франции они встречались встарь.
¹⁰⁵⁵ Гильому он по-дружески сказал:
 «Сеньор, есть просьба у меня одна.
 Не откажите в ней ради Христа,
 Да сохранит он вас от бед и зла!»
 Промолвил граф: «Чтоб вам ответить «да»,
¹⁰⁶⁰ Я должен знать, в чем состоит она».
 А тот ему: «Отвечу сей же час.
 Мне не нужны ни замки, ни земля,
 Ни камни-самоцветы, ни казна,
 Ни куний мех, ни белый горностай.
¹⁰⁶⁵ Прошу лишь отобедать у меня —
 Подарков всех и всех житетских благ
 Такая честь дороже мне стократ».
 Граф молвил: «От души согласен я», —
¹⁰⁷⁰ И шаг направил в дом, куда был зван.
 Хозяин там велел ковры постлать,
 Везде цветы расставить приказал,
 Усыпать ими двор и пол в сенях.
 Затем обедать подали гостям.
 Всего стояло вдоволь на столах.

- 1075 Хватало и кларета, и вина,
А яств и вовсе было счесть нельзя.
Когда же стали скатерти снимать,
Граф послушнику поглядел в глаза,
И тот, поняв его немой приказ,
- 1080 Все деньги, что не отдал рыбакам,
Хозяину вручил от графа в дар.
Но горожанин возразил в сердцах:
«Молю вас, граф, меня не обижать.
Когда б четыре месяца подряд
- 1085 Я кров и стол давал вам у себя,
То и тогда б не взял с вас ни гроша.
Я никогда не забывал добра,
А вы, когда в богатый ваш Оранж
Я нищ вернулся из заморских стран,
- 1090 Вновь на ноги мне пособили встать.
Запомнилась мне ваша доброта.
О ней я не забуду и тогда,
Когда придет мне время умирать.
Пусть за нее всевышний вам воздаст!»
- 1095 Тут ниц хозяин перед графом пал,
К Гильомовым ногам прижал уста;
Храбрец же поспешил его поднять
И так ему промолвил, весь в слезах:
«Друг, ты и честен, и умом не слаб.
- 1100 Я впрямь Гильом Железная Рука,
Но этого, прошу, не разглашай,
Молчи о том, что здесь меня видал».
Ответил тот: «Сеньор, клянусь молчать».
Достал две марки золотом смельчак
- 1105 И подарил хозяйке, уходя:
«Примите это, госпожа, пока
Я не смогу вам лучше доказать,
Сколь велика признательность моя».
Она в ответ: «Дай бог здоровья вам!»
- 1110 Граф выслушал ее, сошел с крыльца,
С хозяином по-брратски обнялся
И поблагодарил его опять,
А тот в ответ: «Пусть вышний судия
Вас не позволит погубить ворам,
- 1115 Которые в Сигре разбили стан.
Я вас туда готов сопровождать».
Граф молвил: «Нет, о том и не мечтай», —
И знаком показал слуге: «Пора!» —
И в монастырь отправился назад.
- 1120 Но прежде чем прибудет он туда
И примет рыбу от него келарь,

У татей граф окажется в руках
И смерти избежит не без труда.

XXIII

Граф медлить с возвращением не может.
¹¹²⁵ Он в путь собрался со своим слугою,
И господа хозяин добрый молит
От смерти графа уберечь в дороге —
Пусть он еще послужит вере божьей.
 Все дальше едет граф без остановки,
¹¹³⁰ Прибыть скорее в Аниану хочет,
Чтоб обеспечить братью пищай постной,
Но до того как в монастырь вернется,
Натерпится еще он страха вдоволь
И чуть не распростится с головою.
¹¹³⁵ Все золото Испании б он отдал,
Чтоб только быть сейчас вооруженным.
Разбойники — срази их длань господня! —
В лесу жестоко грабят люд прохожий,
И графа, коль всевышний не поможет,
¹¹⁴⁰ Они захватят и потом прикончат,
Затем что не способен он к отпору —
Нет у него оружья никакого,
А татей — полтора десятка ровно.
 Да сохранит Гильома та, в чьем лоне
¹¹⁴⁵ Облекся всеблагой спаситель плотью!
Вселил в монахов граф такую злобу,
Что те со свету сжить его готовы
И в лес послали с этой целью только,
Хотя он их ничем не обездолил
¹¹⁵⁰ И перед ними лишь в одном виновен —
В том, что вводил их в лишние расходы.
Граф со слугой в дороге пробыл долго,
И вот он наконец в безлюдном доле.
 Дубы, осины, буки там высоки
¹¹⁵⁵ Извилисты тропинки, круты склоны.
Белец, перекрестившись, графу молвит:
«Сеньор, клянусь Еленою святою,
Мне сердце говорит, что близко воры.
Дрожь бьет меня, и пот прошиб холодный.
¹¹⁶⁰ Свидетель мне весь сонм святых бретонских,
Уж лучше я сожгу всю братью скопом,
Чем безоружным окажусь тут снова».
Гильом ему ответил: «Брат, не бойся.
¹¹⁶⁵ Коль бог, людей создавший, соизволит,
Мы не погибнем в этом доле темном».

Узнайте же, что вышло у Гильома
С разбойниками, покарай их, боже!

XXIV

Граф едет шагом по лесной тропе
На крепкой выючной лошади своей,
¹¹⁷⁰ Слова такие говорит слуге:
«Не хочешь ли ты песню, брат, запеть,
Чтоб ею хоть чуть-чуть меня развлечь,
Пока мы не минуем этот лес?»
Сказал белец, на графа поглядев:
¹¹⁷⁵ «Сеньор, вы, право, не в своем уме.
Клянусь святым Денисом, в жизни здесь
Не запоет разумный человек.
Дай мне сто ливров золотом — и те
Меня не согласят тут зашуметь,
¹¹⁸⁰ Затем что может шум воров привлечь».
Граф посмеялся над слугой в душе,
Но рек с улыбкой кроткой на лице:
«А все же мне напрасно не перечь
И сделай, брат, что я тебе велел.
¹¹⁸⁵ Запой повеселей да позвучней,
А страх отбрось — причин страшиться нет:
Бог даст, уйдем спокойно мы отсель». —
«Сеньор, извольте, — послушник в ответ. —
Злодеев для меня ваш гнев етрашней».
¹¹⁹⁰ Запел слуга тут песню наконец,
Но под нос, так, что не слыхать совсем,
И вновь повел Гильом такую речь:
«Любезный брат, ну что ж ты оробел?
Погромче пой, молю царем небес,
¹¹⁹⁵ Ни силы, ни стараний не жалей —
Я тихих песен с детства не терпел.
А до злодеев дела нет тебе:
Раз их тревожат по моей вине,
Со мной им и придется счеты свесть»:
¹²⁰⁰ «Сеньор, извольте», — уступил белец.
Возвысил голос он что силы есть,
Запел одну из древних славных жест.
Из чащи вольно вырвался напев,
Дол огласил и к небу полетел,
¹²⁰⁵ На лье иль больше слышен стал окрест.
Но видит тот, кто создал мрак и свет,
Не в добрый час раздалась эта песнь,
Затем что тати — в пекле б им сгореть! —
Назад как раз вернулись в дол Сигре.
¹²¹⁰ Они на замок сделали набег,

- И дворянин, что замком тем владел,
 А с ним жена и двое сыновей
 Ворами были вздернуты на рель.
 В ров брошены и там лежат на дне.
- ¹²¹⁵ Злодеи у хозяйствских дочерей
 Похитили девическую честь,
 Терзали их, кто сколько захотел,
 Все их добро присвоили себе —
 Одежду, и меха, и лошадей.
- ¹²²⁰ Вот шайка возвратилась в свой вертеп,
 Сочла добычу, села за обед,
 К деревьям близним привязав коней,
 Чтоб оказаться тотчас же в седле,
 Коль в том нужда появится у ней.
- ¹²²⁵ Разбойники — при шлемах и в броне,
 На поясе кинжал и добрый меч,
 Свинцом налитый шестопер в руке.
 Пятнадцать их, как я сказал уже.
 Едят они, рассевшись на траве,
- ¹²³⁰ Не знают меры в пище и питье.
 Опять им повезло при грабеже.
 Зовут их предводителя Гондрен.
 Отсель до моря Чermного нигде
 Злодея нет коварней и лютей.
- ¹²³⁵ Вовек он никого не пожалел,
 Да разразит его благой творец!
 Услышав, как запел невдалеке
 Слуга, что был невидим меж ветвей,
 Держать сквернавцы начали совет.
- ¹²⁴⁰ Один сказал: «Что там за дуралей?»
 Другой: «Ты прав. Кто здесь шумит — глупец».
 А третий: «Знать, его попутал бес».
 Четвертый молвил: «Отжил он свой век».
 Добавил пятый: «Смерть его удел».
- ¹²⁴⁵ Шестой: «Прирежем дурня — и конец».
 «Нет,— рек седьмой,— лишь оберем как след».
 Но возразил ему восьмой: «Зачем?
 Сдается, он — жонглер, один из тех,
 Чьи песни люди слушают везде —
- ¹²⁵⁰ И в городе, и в замке, и в селе.
 Расчета нет у нас чинить им вред.
 Я их повадки изучить успел.
 Сберет такой игрец су пять иль шесть
 И тут же их спускает в кабаке,
- ¹²⁵⁵ Пoет, покамест деньги есть в кисе,
 Да забавляет остальных гостей.
 А если, всласть напившись и поев,

Заметит он, что дно видать в мошне
 И расплатиться нечем как на грех,
¹²⁶⁰ С хозяином присядет в уголке,
 Попросит пособить ему в нужде:
 «Пойду-ка, брат, к торговцам я теперь
 Да их потешу за пяток монет;
 Ты ж под залог мне в долг пока поверь».

¹²⁶⁵ Даст он в залог какой-нибудь предмет —
 Штаны, виолу иль иную вещь,
 А нет, так просто слово долг принесть,
 И как трактирщик ни жестокосерд,
 Жонглера отпускают без помех,

¹²⁷⁰ И вновь идет искать того игрец,
 Кто рад за песню развязать кошель,
 Будь то священник, рыцарь иль купец.
 Жонглер другим и нравом не в пример:
 Поел — и распевает веселей,

¹²⁷⁵ Чем если б сорок марок поимел.
 Он телом здрав, затем что сердцем щедр.
 Что нам за смысл чинить бедняге вред?»
 Девятый рек: «Сразит нас божий гнев,
 Коль нищего мы обречем на смерть».

¹²⁸⁰ С ним согласились все: «Ты прав вполне».
 Тут их главарь Гондрен рассвирепел
 И разом спор разбойников пресек,
 Прикрикнув грозно на своих людей:
 «Читать довольно проповеди мне!

¹²⁸⁵ В седло, и парня донага раздеть!
 Тот, кто блюдет Неронов луг поднесь,
 Свидетель мне: любой жонглер — хитрец
 И ни за что не спустит денег всех,
 А денег у него подчас не счесть,

¹²⁹⁰ Равно как в дар полученных одежд.
 В погоню, и схватить его живей!»
 Гондрену возражать никто не смел.
 Помчались семь воров во весь карьер
 И скакунов не задержали бег,

¹²⁹⁵ Пока из чащи леса на коне
 Не выехал им граф наперerez.
 Возликовали все, его узрев:
 «Не зря ему мы поскакали встречь!
 На море ездил этот лицемер.

¹³⁰⁰ Он со слугой везет улов в мешке,
 И деньги есть у них в большом числе».
 Вскричали тати: «Стой, святой отец,
 И отдавай, коль хочешь уцелеть,
 Все, что везешь, и все, во что одет».

- ¹³⁰⁵ Граф им: «Из Анианы я чернец.
Грех зло мне делать, братья во Христе.
Страшитесь этим на себя навлечь
Заступников небесных наших месть».
Тут с остальными и Гондрен приспел.
- ¹³¹⁰ Узрела шайка, кто попал к ней в плен,
И сразу же сmekнул любой злодей,
Что над таким врагом взять трудно верх.
Так граф был статен, росл, широкоплеч,
Что самый смелый сник и побледнел.
- ¹³¹⁵ Друг другу шепчут воры: «Мир вовек
Не видел черноризца здоровей.
Он не монах, хоть в рясе и скуфье,
А исполин заморский, вот те крест!
По пуду будет в каждом кулаке.
- ¹³²⁰ Кого огреет он по голове,
Тот на ноги уже не встанет впредь».
Гондрен вскричал: «Вот я вас, пустомель!
До нитки все у них сдерите с тел».
Гильом смягчить воров не смог ничем.
- ¹³²⁵ Они, оставив графа в стороне,
Его слугу притиснули к земле,
Связали так, что в тело въелась вервь,
Швырнули на терновый куст затем.
От боли льет он слезы из очей,
- ¹³³⁰ Молясь: «В своей, о боже, доброте,
Не дай отцу Гильому умереть!
Я рад погибнуть, лишь бы граф был цел.
Он всех на свете лучше и добрей.
Нас защити, чистейшая из дев!»
- ¹³³⁵ Граф рек ворам, от гнева закипев:
«Вы божий преступаете запрет.
Молю вас тем, кто распят на кресте,
Мне моего слугу вернуть скорей».
Гондрен ответил злобно: «Что за спех?
- ¹³⁴⁰ И лучше ты, монах, свой нрав умерь:
Посбить нам и с тебя недолго спесь».
Творец, Гильома не покинь в беде,
Затем что безоружен наш храбрец,
А противостоит один толпе,
- ¹³⁴⁵ И может жизнь ему лишь бог сберечь!

XXV

Гильом один в лесу среди воров.
О послушнике он скорбит своем,
И богом молит отпустить его:
«Не множьте, господа, своих грехов!

- ¹³⁵⁰ Порукою мне Грациан святой,
Воздаст вам за обиду нашу бог.
А коль вы нас отпустите домой,
Сто су вам от себя я дать готов
Да наш аббат прикинет сверх того».
- ¹³⁵⁵ Чуть не свела с ума Гондрена злость.
Он закричал на графа во всю мочь:
«Черт побери, довольно вздор молоть!
Слезай-ка лучше с лошади долой —
С собою ты не уведешь ее,
- ¹³⁶⁰ Всю рыбу здесь оставил заодно.
Твои одежды мы с тебя сдерем,
И в монастырь ты возвратишься гол —
Пусть твой аббат тебе их купит вновь».
- Гильом в ответ: «Браниться-то почто?
¹³⁶⁵ С коня я слезть согласен и добром».
С седла на землю кротко граф сошел.
Гондрен велел: «С него сорвите все!»
Снял плащ с себя Гильом Короткий Нос,
Вручил его ворам без лишних слов.

XXVI

- ¹³⁷⁰ Сказал Гондрену граф неустрашимый:
«Молю вас сыном пресвятой Марии,
Все, что имеем мы, себе возьмите —
Никто от нас и слова не услышит,
Лишь отпустите нас домой в обитель».
- ¹³⁷⁵ Тать чуть ума от гнева не лишился,
Гильому молвил: «Ты — обманщик хитрый,
Гораздый на проишествия любые.
Недаром краской ты сейчас залился!
Не сочиняй, монах, мне басен лживых —
- ¹³⁸⁰ Насквозь я все твои уловки вижу.
Мне стоит в монастырь с тобой явиться,
Как душу из меня ты разом выбьешь —
Вон у тебя какие кулачищи.
Будь проклят тот, кем ты в обитель принят!
- ¹³⁸⁵ Когда б сейчас — клянусь святым Денисом! —
Вручить тебе доспехи боевые
Да добрый меч, отточенный и длинный,
Я не дал ни гроша б за наши жизни —
Всех нас в куски ты изрубил бы мигом».
- ¹³⁹⁰ Гильом послушал, не сдержал улыбки
И про себя сказал слова такие:
«Так — бородой клянусь! — оно и было б,
Но я и без оружия вам всыплю,
Коль сохранит мне жизнь господь всевышний,

- ¹³⁹⁵ Да покарает он и в ад низринет
Аббата, коим предан я столь низко!»
Затем пред татем снова он склонился:
«Нас пощадить я вас молю Пречистой».
¹⁴⁰⁰ А тот: «Оставь-ка выдумки пустые
Да стаскивай с себя одежду живо,
Не то с тебя ее сорвем мы силой
От капюшона и до власяницы.
Ты наг придишь к воротам монастырским —
Пусть братья мнит, что ты ума решился».
- ¹⁴⁰⁵ Гильом в ответ: «Неужто вам не стыдно?»
«Поторопись,— в сердцах разбойник крикнул,—
Не то — клянусь святым, в Сполето читым! —
Мы голову с тебя немедля снимем».
Послушал граф Гильом, душой смирился
- ¹⁴¹⁰ И говорит: «Перечить я не мыслю,
Затем что наш устав бенедиктинский
Все отдавать велит, что б ни спросили».
Сказал он, капюшон и рясу скинув:
«Нельзя ль на этом и остановиться?»
- ¹⁴¹⁵ «Нет,— возопил злодеев предводитель,—
На это много не напьешь в трактире.
Все вещи отдавай нам до единой».

XXVII

- Стоит Гильом, ворами окруженный,
Один и пеш в лесистом темном доле.
¹⁴²⁰ Снял шубу он с себя беспрекословно,
Ее Гондрену-душегубу отдал.
Теперь на графе власяница только.
Его изрядно пробирает холод —
День выдался погожий, но студеный.
¹⁴²⁵ Граф молит: «Не оставь меня, о боже!
Приди, Мария дева, мне на помощь!
Аббат наш низко поступил со мною,
С собой мне взять доспехи не дозволив.
Коль я погибну, в том лишь он виновен;
- ¹⁴³⁰ А нет, так пожалеть ему придется,
Что не сбежал он загодя в Памплону».
Тут закричал Гондрен на графа громко:
«Давай и власяницу на пропой нам».
Граф главарю вручил ее покорно:
- ¹⁴³⁵ «Бери, злодей, безумный и жестокий.
Совсем меня оставили вы голым,
И я себе все тело обморожу.
Коль не поможет бог, конец мне скоро».
Захохотал разбойник, будь он проклят:

¹⁴⁴⁰ «Напрасно ты, монах, боишься хвори —
Не заболеет тот, кто так раскормлен.
Снимай и сапоги, слуга господень».
Ответил граф: «Сниму, коль вам угодно
Принять и этот новый грех на совесть».

XXVIII

- ¹⁴⁴⁵ Гнев сдерживает граф Гильом едва.
Свою одежду отдал он ворам,
Снял сапоги с себя, подвертки снял,
Остался и разут и полунааг,
Стоит на холоду, дрожит дрожмя,—
¹⁴⁵⁰ Лют ветер, и погода холодна.
Хохочут тати, бог их покарай!
Липь одному из них монаха жаль,
И увершает так он главаря:
«Довольно нам мытарить чернела.
¹⁴⁵⁵ Он без того разделся догола,
Исполнил добровольно твой приказ.
Клянусь святыми, честен он и прям.
Хоть рясу отдадим ему назад,
Чтоб с холоду не помер он у нас».
¹⁴⁶⁰ Сказали воры: «Речь твоя глупа».
«Трус, бог тебя срази! — вскричал главарь.—
На грош ему я не верну добра,
А если он померет — что за беда?
Смерть — вот награда за его дела.
¹⁴⁶⁵ Монахов не терпел я отродясь —
Не по заслугам жизнь у них сладка.
Ты только глянь, какой он здоровяк.
До Монпелье такого не сыскать.
Любая разлетится голова,
¹⁴⁷⁰ Коль угодит по ней его кулак.
Пошли! Возиться с ним нам не рука».
Но тут Гильом заговорил опять:
«Вы, удальцы, уйти спешите зря.
Одежда, что содрали вы с меня,
¹⁴⁷⁵ Мой конь и все, с чем прибыл я сюда,—
Порукой в этом мне святой Рикард!—
Не стоит пряжки моего ремня.
Сглупите вы, ее не отобрав.
Мне в сотню ливров обошлась она.
¹⁴⁸⁰ Нет дорогим камням на ней числа.
В середке, и в углах, и по краям
Смарагды, лалы, яхонты горят.
Все тридцать ливров им одним цена.
Мир пояса богаче не видал.

- ¹⁴⁸⁵ Его купил за сотню ливров я,
За десять сотен марок не отдан».
Вскричал Гондрен: «Коль так, его снимай».
«Но без него,— промолвил смелый граф,—
Штаны с меня спадут ко всем чертям».
- ¹⁴⁹⁰ «Получишь мой,— утешил атаман.—
Какой, к тому же, прок в твоих штанах?»
Гильом ответил: «Речь твоя глупа.
Грех без штанов монаху щеголять.
Я пояс не сниму — отцепиши сам».
- ¹⁴⁹⁵ «Охотно отцеплю», — воскликнул тать.
Залюбовалась поясом толпа.
Его бы каждый рад к рукам прибрать.
Все шепчутся: «Ну, до чего ж богат!
Никто вовек таким не обладал».
- ¹⁵⁰⁰ Гондрен, их предводитель, слез с седла,
Перед Гильром на колени встал,
Поспешно пояс начал отцеплять —
Взял за конец и потянул слегка.
От гнева граф чуть не сошел с ума,
- ¹⁵⁰⁵ От скорби и обиды задрожал.
Увидев пред собою наглеца,
Которым был ограблен без стыда,
Взмахнул пудовым кулаком смельчак,
Нанес врагу по голове удар.
- ¹⁵¹⁰ Был силой граф не скуден, сердцем храбр.
Разбойника он так согрел в сердцах,
Что раздробил ему затылок враз,
Кость теменную расколол до лба,
А также вышиб из орбит глаза,
- ¹⁵¹⁵ И мертвым пал злодей к его ногам.
Увидел граф, что татю смерть пришла,
Такие произнес над ним слова:
«Не в меру дерзок был ты, негодяй,
Когда, меня оставив без гроша,
- ¹⁵²⁰ Штаны — и те решил с меня содрать
Мне, иноку, на вечный стыд и срам».
Другим он молвил: «Ваш черед настал
Попробовать с меня мой пояс снять,
Но знайте, воры подлые, что вам —
- ¹⁵²⁵ Свидетель мне блаженный Грациан! —
За этот пояс я воздам сполна».
- Смекнули душегубы сей же час,
Что ждать пощады больше им нельзя,
И разом графу в спину и в бока
- ¹⁵³⁰ Ножи стальные принялись метать,
И панесли ему немало ран,

Откуда кровь обильно потекла.
 Качнулся граф и на колени пал.
 Коль не спасет его небесный царь,
¹⁵³⁵ Не избежит он лютого конца.
 Насели на Гильома воры так,
 Что ниц храбрец простирая на камнях,
 О них лицо и руки ободрал,
 И кровь с него струится в три ручья.

XXIX

- ¹⁵⁴⁰ Хоть граф Гильом на землю и повергся,
 Но на ноги опять вскочил немедля,
 И шайка снова на него насела.
 Он помолился: «Пресвятая дева,
 В чьем лоне в плоть облекся царь небесный,
¹⁵⁴⁵ Чья длань меня спасала от неверных
 В кровавых нескончаемых сраженьях,
 Защитой ныне будь мне от злодеев,
 Насильников бесстыдных и свирепых!
 О боже, если обречен я смерти,
¹⁵⁵⁰ Ворота рая предо мной отверзни!
 И все-таки клянусь святым Сильвестром
 И сномом всех угодников блаженных,
 Воров постигнет до ночи возмездье».
 Взял ближнего коня он за уздечку,
¹⁵⁵⁵ Сгреб седока, свалил с седла на землю,
 Ударил не мечом, как рыцарь честный,
 А просто кулачищем тяжеленным
 Да так, что лопнул у злодея череп
 И брызнул мозг Гильому на колени.
¹⁵⁶⁰ Храбрец промолвил: «Господи предвечный,
 Чрезмерной смерть моя была б потерей.
 Аббат, всему виной твоя измена —
 Ведь это ты меня на побережье
 За рыбою отправил без доспехов.
¹⁵⁶⁵ Будь меч сейчас при мне иль жердь покрепче,
 Из душегубов крошево б я сделал
 И постарался б так их исповедать,
 Чтоб больше им не нужен был священник».
 Вскричали воры: «Спятил инок этот!» —
¹⁵⁷⁰ На графа справа бросились и слева.
 Но чудо тут всеправый бог содеял.
 Становятся удары все сильнее,
 От них Гильому никуда не деться
 И защитить себя, к несчастью, нечем.
¹⁵⁷⁵ Однако указало в миг последний
 Ему благое небо путь к спасенью.

Он своего коня вблизи заметил,
И ногу вырвал у него из тела,
И над собой занес ее мгновенно.
¹⁵⁸⁰ А бедный конь упал в изнеможенье.

XXX

Упал в изнеможенье бедный конь.
Граф разом вырвал ногу у него,
Над головой своей ее занес,
Пустил, не медля ни минуты, в ход.
¹⁵⁸³ Разбойники пришли в испуг большой,
Друг другу говорят: «Свидетель бог,
Наверное монах с ума сошел.
Кого он стукнет, тот не встанет вновь.
Вы ж видите, как он могуч и росл».
¹⁵⁹⁰ Гильом бесстрашно ринулся вперед,
Стал бить врагов, как сам былбит дотоль,
Сразил на месте пятерых воров,
Троих свалил одним ударом с ног.
Удрали остальные в лес бегом,
¹⁵⁹⁵ И граф им громко закричал вдогон:
«Пусть, шлюхины сыны, возьмет вас черт!
Меня раздев, лишились вы всего:
Недешево вам встанет пояс мой».
Увидел сук невдалеке Гильом,
¹⁶⁰⁰ Схватил его, отбросил ногу прочь.
Злодеи в чаще спрятались лесной,
Но граф с суком в руках обрыскал дол
И — я могу вам поручиться в том —
Свалил всех татей, кроме одного,
¹⁶⁰⁵ Который соскочил с седла долой,
Пред графом пал, приник к земле лицом
И стал молить, от страха чуть живой:
«Сеньор, поверьте, я тут ни при чем.
Я не хотел, чтоб вам чинили зло,
¹⁶¹⁰ Не бил вас ни жёлезом, ни дубьем.
Вам самому увидеть довелось,
Как я Гондрена заклинал Христом
Вернуть вам из одежды кое-что.
Он отказал — и получил свое».
¹⁶¹⁵ Узнал Гильом того, кто с ними был добр,
Простил его, и встать ему помог,
И молвил: «Мы теперь друзья с тобой».
За послушником граф пошел потом,
С тернового куста его совлек.
¹⁶²⁰ Несчастный вскрикнул: «Боже вселагой,
Жив господин мой милый или мертв?

Ужель, на горе мне, не спасся он?»

— «Нет, не дал погубить меня господь.

Но как ты сам-то, брат? Наверно, плох?»

¹⁶²⁵ — «Раз вы опять со мной, мне хорошо».

Граф свой наряд монашеский нашел,

Одёлся, как велит устав святой,

Пошел взглянуть на тех, кому урок

Дал днесъ ногою конской и суком.

¹⁶³⁰ Кто из воров убит, кто оглушен.

Цена былой их силе ныне гроши.

Граф тех велел раздеть, кто жив еще,

И я могу добавить лишь одно —

Что у тропы, где графом дан был бой,

¹⁶³⁵ На дубе их повесили густом.

Петли избег лишь вор, что был прощен.

Всем остальным Гильом воздал с лихвой,

Чем доказал, что духом смел и тверд

Он пред лицом опасности любой,

¹⁶⁴⁰ За что хвалу творцу и вознесем.

XXXI

Граф сокрушил воров, избег их рук,

За что мы богу вознесем хвалу —

Он спас и графа, и его слугу.

Был строг и скор над пленниками суд:

¹⁶⁴⁵ Четырнадцать воров пошло в петлю,

Пятнадцатый сам вздернул их на сук.

Служить не пожелал он больше злу,

Возжал на честно жизнь дожить свою,

Пошел к Гильому, молвил смельчаку:

¹⁶⁵⁰ «Я выслушать меня, сеньор, прошу.

Грешил я много на своем веку,

В чем горько каюсь и о чем скорблю.

Но все ж, поняв, сколь мой порочен путь,

Душою обратился я к добру,

¹⁶⁵⁵ В согласье с божьей верой жить хочу,

Вам пособлять готов всем, чем могу,

И навсегда отныне зарекусь

Мытарить мирный христианский люд».

Ответил граф ему: «Хвала творцу!

¹⁶⁶⁰ А я с тобою щедро поделюсь

Добром, что шайка прятала в лесу.

Оно мое: я взял его в бою».

От графа принял бывший душегуб

Коней, одежду, с золотом кису

¹⁶⁶⁵ И поклонился от души ему.

Потом расстался с ним Гильом как друг,

И поселился он в родном kraю,
И зла по гроб не делал никому.
Но речь о граfe вновь я поведу
¹⁶⁷⁰ И о его деяньях расскажу.
Граф подошел к несчастному коню,
Чью ногу оторвал, попав в беду,
Как от меня услышали вы тут,
Он ею дать сумел отпор врагу.
¹⁶⁷⁵ Теперь на место он ее воткнул,
Колени преклонил, встал на траву
И обратил смиренную мольбу
К всеправому небесному царю.

XXXII

¹⁶⁸⁰ Колени преклоняет граф Гильом,
С надеждою возводит к небу взор
И молится: «Создатель всеблагой,
Кем был Адам из персти сотворен,
Кто Еву из бедра его извлек
И кто их поселил в раю земном,
¹⁶⁸⁵ Но сам оттуда выдворил за то,
Что сатана их в искушение ввел.
За первородный грех людской наш род
Наказан был, и в темный ад с тех пор
По смерти шли мы все до одного,
¹⁶⁹⁰ Все, даже те, кто делал лишь добро,
Как, например, твоих пророков сонм.
Но твой приход был нам предвозвещен,
И ты обрел во чреве Девы плоть,
И на кресте казнен за род людской.
¹⁶⁹⁵ На третий день воскрес ты, боже, вновь,
Спустился в ад, с ворот сорвал замок,
Своих друзей оттолъ увел с собой,
И на небо затем был вознесен.
Воистину ты наш отец и бог,
¹⁷⁰⁰ И я, вассал и сын покорный твой,
Молю, чтоб мой несчастный верный конь
Тобой был отувечья исцелен
И без труда и боли бегать мог.
Я, чтоб спастись, ноги лишил его».
¹⁷⁰⁵ Едва лишь граф молитву произнес,
Как снова к месту приросло бедро,
И затянулась рана без рубцов,
И конь сильнее стал, чем был дотоль.
¹⁷¹⁰ Вскочил с земли без промедления он,
Заржал, и взрыл копытами песок,
И поднял свой тяжелый груз легко.

Гильом опять взглянул на небосвод
 И молвил: «Выжить мне помог господь.
 Теперь в обитель я свезу улов,
¹⁷¹⁵ Дабы еда была у братьи в пост».
 Слуге сказал он: «Едем, друг, домой,
 А часть добычи ты себе возьмешь».
 «Пусть небо вам воздаст», — ответил тот
 И на коней взвалил добро воров,
¹⁷²⁰ И каждый конь, как ни был груз весом,
 До самой Анианы рысью шел.
 Теперь споем мы песнь, какой никто
 Не пел с тех пор, как правил Соломон,
 И станет вам известно из нее,
¹⁷²⁵ Как граф, что львиным сердцем наделен,
 В Провансе жил отшельником потом,
 После чего семь лет, за годом год,
 В палермской башне крепкой под замком
 Его держал язычник Синагон.

XXXIII

¹⁷³⁰ Гильом обратно в монастырь спешит,
 На теле — ссадины и синяки,
 Но славит он творца от всей души
 За то, что стер воров с лица земли,
 Израили, полонил, повесил их
¹⁷³⁵ И лишь у одного не отнял жизнь.
 Добычу, что в лесу он захватил —
 Коней, доспехи, добрые мечи,
 Одежду, скрynи, сундуки, ларцы, —
 Слуга Гильомов уложил в мешки,
¹⁷⁴⁰ На лошадей разбойничых взвалил.
 Все это граф решил домой свезти,
 Капитулу на нужды подарить,
 А взял добра он больше, чем могли бы
 От смельчака злодеи получить,
¹⁷⁴⁵ Когда б его прикончили они,
 Чего, по счастью, бог не допустил.
 Измучен граф, ушибами покрыт.
 Он послушнику молвит: «Не страшись
 И часть добычи от меня прими,
¹⁷⁵⁰ Дабы по гроб не знал ты нищеты.
 Мы братье денег на вино дадим —
 Пусть вволю пьет на трапезах своих,
 Ко мне преисполнится любви».
 А тот в ответ: «Клянусь творцом благим,
¹⁷⁵⁵ Добра не ждите от людей дурных,
 Что вас на смерть безвинно обрекли.

Нрав у монахов наших зол и лжив —
Не будете вовек вы милы им».

Граф молвил: «Брат, меня ты огорчил.
 1760 Мне так хотелось им полезным быть,
Покуда не пресеклись дни мои.
Я должен из обители уйти
И кров себе искать в краях чужих,
Затем что не хочу терпеть обид
 1765 И не привык на сердце зло таить».

Граф Анианы наконец достиг,
А это город, где был монастырь,
Откуда и послал аббат-старик
Его за рыбой для монахов злых.
 1770 Взглянуть на графа жители сошлись,
Воззрились на добычу, рот раскрыв.
«Откуда это? — говорит один.—
Монах весь край наверно разорил.
Не инок он, а душегуб на вид —
 1775 На диво крепок, росл и мускулист.
Такому нас нетрудно перебить,
Дома спалить и разнести в куски,
Коль он и вправду на руку нечист».
Другие молвят: «Вздор не городи!
 1780 Он на море, сдается, послан был,
С ворами повстречался по пути,
Их истребил и взял себе плоды
Краж, ими совершенных, и убийств.
Пусть бог его за это наградит!»

Граф все рассыпал — не был он глухим,
 1785 Но ни словца в ответ не проронил,
К монастырю направил он стопы
И вскоре оказался перед ним.
Увидели приезжего бельцы.
 1790 Один пошел аббата известить:
«Святой отец, граф у ворот стоит».
В большой испуг пришел аббат Анри,
Вскричал: «Помилуй, боже, и спаси!
Ужель он здесь? Смотри, мой сын, не лги!»

1795 А тот: «Свидетель мне святой Денис,
Граф возвратился цел и невредим,
Сдается, он иль всех воров сразил,
Иль человек презнатный им убит:
Так много у него коней лихих,
 1800 Мечей, доспехов, платья и казны,
Что хватит сорок человек снабдить.
С собой привез он скрыни и ларцы,
Где счету нет каменям дорогим,

И даже рыбу взять не позабыл».
 1805 Аббат промолвил: «Боже, научи,
 Как гнев его смягчить и отвести.
 Навстречу графу выйти мы должны».
 Капитул он созвал и объявил:
 «Вернулся граф и у ворот стоит».
 1810 Сказала братья: «Черт его возьми!
 Коль цел он, значит, нет воров в живых.
 Граф их сломил, повесил, изрубил
 Иль разорвал на части лошадьми.
 Все входы надо в монастырь закрыть.
 1815 Коль граф сюда войдет, пропали мы».
 Аббат одобрил: «Да, есть в этом смысл».
 Позапирали в страхе чернецы
 Калитки, окна и ворота вмиг,
 Позабивались в дальние углы.
 1820 Никто не кажет носу из норы,
 Хотя вечерню и пора служить.
 Аббат — тот рад бы убежать в Париж,
 Приор — податься в Реймс или Санлис.

XXXIV

Приблизился к воротам правым граф
 1825 И рыбу заодно привез туда.
 Кричит что силы есть его слуга:
 «Мы привезли улов. Впустите нас».
 В ответ ему привратник — ни словца:
 Впускать Гильома запретил аббат.
 1830 Кричит слуга — молчание опять.
 Граф понемногу раздражаться стал
 И наконец возвзвал три раза сам:
 «Привратник, отвори ради Христа!
 Доколь еще мне тут с поклажей ждать?
 1835 Открой, иль груз свалю на землю я».
 Послушал тот, промолвил свысока:
 «Сюда вы не войдете никогда.
 Я клятвенно аббату обещал
 Ворота наши вам не отворять.
 1840 Прекрасно проживем мы и без вас.
 Грош базельский вам здесь у нас цена.
 Ищите кров себе в других краях».
 Послушал граф Гильом его слова,
 Так восскорбел, что черен стал с лица,
 1845 И молвил: «Лицемерный негодяй,
 Как ты посмел такое мне сказать?
 Пусть бог тебя за это ввергнет в ад!
 Беда тому, кто верит подлецам, —

Внакладе остается он всегда.
 1850 Подарками я осыпал тебя,
 А ты меня порочишь без стыда».
 С презреньем возразил на это страж:
 «Клянусь творцом, сюда нет входа вам.
 От вас нам лишь заботы без числа.
 1855 Гроша не стоит ваша доброта».
 От гнева граф чуть не сошел с ума,
 Без промедленья соскочил с седла,
 Взглянул вокруг и балку увидал —
 Дом строили неподалеку там.
 1860 Такой троим вилланам не поднять,
 А граф ее без всякого труда,
 Как кол простой, схватил, отвел назад
 И ею по воротам грохнул так,
 Что створы их слетели с петель враз
 1865 И рухнули во двор монастыря,
 Сбив с ног, расплющив и к земле прижав
 Привратника, что сзади них стоял.
 Отшиб ему удар все потроха,
 И в тяжких муках умер грубиян,
 1870 А граф сказал, не замедляя шаг:
 «Тебе воздалось по твоим делам —
 Не смей людей достойных оскорблять».
 Гильом привел в смятенье горожан.
 Они решили: «Не раскроем рта.
 1875 Свидетель нам благой небесный царь,
 Увидит граф, что смех нас разобрал,
 Иль перехватит недовольный взгляд,
 И не спасет нас золото всех стран
 От столь же неизбежного конца».

XXXV

1880 Поверглись горожане в страх большой,
 Узрев, что сделал, осердясь, Гильом.
 Никто из них унять не может дрожь
 И шепчет лишь: «Не открывайте рот —
 Перечить графу нам не след ни в чем».
 1885 Не медлит ни одной минуты тот:
 Прошел ворота и проник во двор,
 Где из конюшен, кухонь и домов
 Вся челядь припустилась наутек.
 Монахи по обители святой
 1890 Попрятались поспешно кто где мог —
 В такой испуг привел их слух о том,
 Что граф ворота в ярости разнес,
 И что конец под створами ворот

Привратник-грубиян себе нашел.
¹⁸⁹⁵ Дать тягу рад бы сам аббат в Лондон,
 Приор сбежать не прочь бы в Безансон,
 А остальные — в Реймс иль Суассон —
 Так их страшит Гильом, барон лихой.
 Воскликнул граф: «О боже, до чего
¹⁹⁰⁰ Коварна братья здешняя душой!
 Я ею был за рыбой отряжен
 Лишь для того, чтоб от руки воров
 Меня постигла смерть в лесу глухом.
 Но Симеон святой мне в том залог,
¹⁹⁰⁵ Что я монахам отплачу с лихвой.
 Клянусь благим всеправедным творцом,
 Что на костре скорей сгореть готов,
 Чем с ними провести хоть день еще».
 Граф в храме божьем выдавил стекло,
¹⁹¹⁰ Вошел не в дверь, так хоть через окно,
 Колени преклонил перед крестом,
 С усердием отбил земной поклон.
 Аббат, дрожа, сидел под алтарем,
 Когда же увидал, кто в храм вошел,
¹⁹¹⁵ То понял, что попал в ловушку он
 И что таиться дольше не расчет.
 Наверх он вылез, с графом речь повел:
 «Скажите без утайки мне, сеньор,
 Вы рыбу привезли сюда с собой?»

XXXVI

¹⁹²⁰ Окликнул графа старый лицемер,
 По имени назвал, повел с ним речь:
 «Сеньор Гильом, вас рад я видеть здесь.
 Вы привезли нам рыбы наконец?»
 «Да, свежей и соленої,— граф в ответ.—
¹⁹²⁵ Но почему все входы запереть
 Решили вы, коль скоро рады мне?
 За это ваш привратник-дармоед
 Под створами ворот нашел конец:
 Все у него отшиблено в нутре.
¹⁹³⁰ Жаль, что и вас там не постигла смерть!
 На гибель мнили вы меня обречь,
 Когда послали без оружья в лес,
 Где я кончины лишь с трудом избег».—
 Стал уверять аббат, от страха бел,
¹⁹³⁵ Что не хотел чинить Гильому вред,
 А только не дерзнул устав презреть.
 «Черт побери! — промолвил удалец.—
 Не надо на устав валить свой грех.

Здесь просто все враждебны мне в душе.
 1940 Куда пропал прево? Приор ваш где?
 К ворам я угодил по их вине,
 Но, к счастью, душегубов одолел.
 Любви ко мне и в вас нисколько нет,
 Но вам — и в том порукою творец! —
 1945 Воздам я прежде, чем уйду отсель.
 Как, шлюхин сын, предатель, кознодей,
 Ты так со мною обойтись посмел?»
 Аббат послушал — и бежать скорей.
 Кричит он на бегу что силы есть:
 1950 «Пречистая, граф не в своем уме!»
 На помошь весь капитул подоспел,
 Монахов собралось десятков шесть,
 Но увидав, какой безмерный гнев
 Написан у Гильома на лице,
 1955 Они пустились за аббатом вслед.
 Когда б на них пришлось вам поглядеть,
 И слезы разобрали б вас, и смех.
 Они вопят: «Он не монах, а бес!»
 А граф гремит: «Конец пришел вам днесь!»
 1960 С ног падает любой, кто им задет;
 Любой, кого на землю он поверг,
 Двух-трех с собою валит человек.
 Приор воскликнул: «Надо б поживей
 Его спровадить в пекло к сатане!»
 1965 Аббат в ответ: «Но как? Он нас сильней».
 А тот: «В него мы пустим тучу стрел».
 Вся братия одобрила совет
 И луки принесла в большом числе,
 Но дал Гильом отпор достойный ей:
 1970 Кого с разгону пнул, кого огrel,
 Кого зашиб, кого убил совсем.
 Аббат им был изловлен во дворе.
 За капюшон схватил его храбрец,
 Тряхнул три раза, отшвырнул затем.
 1975 Но тут приор попался графу встречь,
 И так Гильом прижал его к стене,
 Что вышиб оба глаза из-под век
 И мозг вокруг разбрзыгал по траве,
 Аббат же только чудом уцелел.
 1980 С тех пор как родился Христос на свет,
 Ханжам не доставалось солоней.
 Но граф лишь отплатил по праву тем,
 Кому хотелось дни его пресечь
 И кем ему был дан приказ привезть
 1985 Для братии рыбу через дол Сигре,

А после запрещен в обитель въезд.
 Так исповедал их Гильом в тот день,
 Что зареклись они грешить навек,
 Простерлись перед графом на земле,
¹⁹⁹⁰ К нему воззвали в страхе и тоске:
 «Сеньор, мы молим вас царем небес
 Забыть о причиненном нами зле
 И вам клянемся не перечить впредь».
 Коснулся сам аббат его колен —

¹⁹⁹⁵ Мол, гнев грешно срывать на старице,
 А графу он служить почтет за честь.
 «Я без того немало претерпел,
 А наш приор дух испустил уже».
²⁰⁰⁰ Гильом вздохнул: «Да, от руки моей.
 Грех отпустите мне, святой отец».

Аббат ему: «Не только этот — все,
 Сеньор, вам будут прощены вполне,
 Коль скоро нам вы, чтя Христов завет,
 Своей дадите смертью умереть».

²⁰⁰⁵ Гильом сказал: «Коль так — конец вражде», —
 И тут монахи, вновь повеселев,
 Приора поспешили в храм отнести.
 Покойник там по чину был отпет,
 А граф в своем покаялся грехе:

²⁰¹⁰ «Прости меня, всеправедный Христе,
 За то, что гнев сдержать я не сумел.
 Мне больше оставаться здесь не след —
 Грех надо мной тут будет тяготеть.
²⁰¹⁵ Отшельником решил я стать теперь,
 Приют найти себе в чужой стране,
 В глухом лесу, вдали от людных мест,
 И там в трудах дожить остаток дней.
 Пречистая, пустынь, вняв твоей мольбе,

²⁰²⁰ Твой сын, за ны распятый на кресте,
 Простит мои грехи, хоть их не счешь».
 Граф долго вздыхал, душой скорбел
 И слезы лил ручьями из очей,
 Но кончили монахи мессу петь,

²⁰²⁵ И тут же предан был земле мертвец.
 И с выюков рыбу снять аббат велел,
 Да приготовить посытней обед,
 Да никаких припасов не жалеть.
 Никто, будь то монах, будь то белец,

²⁰³⁰ Нехватки там не ощутил в еде,
 Рекой лились и вина, и кларет.
 Лишь граф уста не омочил в вине,
 Им привезенной рыбы не поел —

Все сокрушался, что был так свиреп
 И удержать себя не смог в узде.
 2035 Добро воров, им вздернутых на рель,
 Чью смерть теперь вменял в вину себе,
 Сполня оставил он в монастыре,
 Кроме того, что подарил слуге.
 Потом простерся ниц лихой боец,
 2040 Прижал уста к аббатовой ступне,
 И подозвал туда монахов всех,
 И попросил прощенья за ущерб,
 Который братье причинил допрежь,
 А иноки, в подпитье подобрев,
 2045 Его простили как могли теплей
 И ну к нему с объятиями лезть.
 Но молвил граф, что собрался в отъезд,
 И поручил капитулу беречь
 Его броню, и щит, и меч, и шлем,
 2050 А главное, коня, что на войне
 Доказывал нередко, сколь он резв:
 «За ним еще вернусь я при нужде».
 Монахов окрылила эта весть.
 Дай им хоть двадцать городов в удел —
 2055 Они навряд ли были б веселей.
 Воскликнул весь капитул: «Будет цел
 Ваш добрый конь и через двадцать лет,
 А вас, сеньор, пусть бог хранит в беде!»
 Заверил и старик-аббат, что рже
 2060 Не даст Гильомов источить доспех.
 Граф всех перекрестил и отбыл пеш.
 Ни разу он назад не поглядел,
 Ушел босым, хоть снег лежал везде,
 Не взял ни рясы, ни других вещей,
 2065 Один подрясник был на нем надет.
 Едва он за воротами исчез,
 Монахи помолились, осмелеяв,
 Чтоб бог, в своей безмерной доброте,
 Их больше графа не привел узреть.
 2070 А тот в пути не отыхал нигде.

XXXVII

Услышьте песнь о доблестных деяньях,
 Что под виолу в землях христианских
 Жонглеры наши распевают часто:
 Такую знать любой из них обязан.
 2075 Бредет Гильом, свой монастырь оставил,
 А там веселый пир устроен братьей
 И молят вседержителя монахи,

Чтоб не вернулсяgraf вовек обратно.
Бредет Гильом, на нем один подрясник
²⁰⁸⁰ И нету больше никакого платья.
Босые ноги ранит он о камни,
Во славу божью неизбывно страждет,
За что ему да будет рай наградой.
Устало graf шагает по Провансу,
²⁰⁸⁵ Блуждает по холмам, плутает в чащах,
С зари не отдыхает до заката
И молит, чтоб господь его направил
Туда, где вновь служить он вере станет.

XXXVIII

²⁰⁹⁰ Идет Гильом, полураздет и бос,
Во славу божью страждет день и ночь
И молит, чтоб простили его господь;
Чтоб были не оставлены творцом
Король Людовик, Франции оплот,
²⁰⁹⁵ Сестра родная графа Бланшефлер,
И братья, и сородичи его,
И все монахи, и аббат седой;
И чтоб на них, безвинных, ввек не лег
Тяжелый груз совершенных им грехов.
²¹⁰⁰ Graf исходил немало трудных троп,
Покуда не забрел в безлюдный дол.
Под деревом с зеленою листвой
Струился там прозрачный ручеек.
Увидел скит Гильом над тем ручьем.
²¹⁰⁵ В нем, от деревни ближней за семь лье,
Нашел себе один отшельник кров,
Знал лишь молитвы, да труды, да пост,
Не принимал от близких ничего.
Пустынники — вот как зовет народ
²¹¹⁰ Тех, кто, как этот человек святой,
Живут в скиту, в безмолвии лесном,
Разводят птиц домашних, мелкий скот
Вдали от грешной суety мирской.
Но воры, коль предание не лжет,
²¹¹⁵ Чинили часто этим людям зло:
Жгли их жилища, грабили добро,
Скот угоняли, чтоб продать потом,
Их платье забирали на пропой,
А их самих укладывали в лоск.
²¹²⁰ Я раз двенадцать слыхивал о том,
Но круто изменилось все с тех пор,
Как graf в Сигре разбойников извел.
Отныне самый закоснелый вор,

Сули ему казны хоть целый воз,
 2125 Монаха не заденет ни за что.
 На бога положился граф Гильом.
 Он о грехах своих вздохнул с тоской,
 Потом к скиту неслышно подошел,
 Висящим у калитки молотком
 2130 Три раза тихо постучал в нее.
 Скит, небольшой, но крепко сбитый дом,
 Обсажен терном был со всех сторон,
 И шел вокруг него глубокий ров:
 Хотел отшельник, чтоб ему никто
 2135 В его молитвах помешать не мог.
 На стук он вышел, вытащил засов,
 Калитку отворил и произнес:
 «Кого сюда господь всеправый шлет?»
 Смиренно граф ответил на вопрос:
 2140 «Не стану лгать: я грешник — и большой.
 Мне нужен кров — вконец я истомлен,
 Неделю с лишним через лес густой
 Куда глаза глядят бреду пешком,
 Нигде жилья не нахожу следов,
 2145 Сплю прямо на камнях в мороз и в дождь.
 Мне дать приют молю тебя Христом».
 На графа устремил пустынник взор,
 Увидел, сколь нарядъ его убог
 И сколь пришелец статен и силен,
 2150 И так струхнул, что целый воз с казной
 Охотно б отдал, чтоб удратъ оттоль.
 Калитку запер скитник — и бегом:
 Не впустит за сто марок гостя он.
 Воззвал отшельник: «Боже всеблагой,
 2155 Будь мне от черта этого щитом!
 Погиб я, если он меня сгребет.
 Толкнет он раз ногой мое жилье,
 И разлетится на куски оно.
 Откуда взялся исполин такой?»
 2160 Безропотно граф у калитки ждет.
 Струятся слезы у него рекой.
 Скорбит он о своих грехах в былом,
 Затем три раза скитника зовет.

XXXIX

Отшельника Гильом окликнул трижды,
 2165 К нему смиренно с просьбой обратился:
 «Не откажи мне в крови, брат пустынник,
 Во имя богоматери пречистой.

Нет у тебя причин меня страшиться.
 Я вправду грешник и притом великий,
²¹⁷⁰ Но замолить свои желаю вины.
 Послушал и смягчился сердцем скитник,
 Из дома вышел, отворил калитку
 И незнакомца рослого окликнул:
 «Сеньор, прошу войти, и не взыщите,
²¹⁷⁵ Что я сперва осмелился вас выгнать».
 Граф молвил: «Брат, воздай вам вседержитель!»
 Вошел он, и хозяин вновь закрылся,
 Чтоб воры в пустынь не могли проникнуть,
 Пусть вышний судия их в ад низринет!
²¹⁸⁰ Войдя во двор, часовню граф увидел,
 К ней поспешил, чтоб богу помолиться,
 Но чересчур дверь оказалась низкой —
 Граф стукнулся о притолоку сильно.
 Отшельник посоветовал: «Нагнитесь».
²¹⁸⁵ А граф: «Себе уже набил я шишку —
 У вас не в меру тесное жилище».
 А тот: «По мне оно просторно слишком:
 Скит не для вас, а для меня воздвигнут», —
 И оба рассмеялись безобидно.
²¹⁹⁰ Гильом, как должно, сотворил молитву,
 И в кухню свел его пустынножитель,
 Там — да хранит его господь всеяньшний! —
 Пришельца угостили своею пищей,
 Всем, что имел, с ним щедро поделился.
²¹⁹⁵ Похлебку из муки они сварили,
 Запили хлеб ржаной и черствый сидром,
 Полакомились вяленым кизилом
 Да запасенной впрок сушечкой сливой
 И восхвалили вновь творца, насытясь.
²²⁰⁰ Граф рек: «Как, боже, я доволен жизнью!
 Так не едал я и в года быльые.
 Стократ вкусней все это, чем павлины
 И лебеди, и прочая дичина».
 Послушал скитник, головой поникнул
²²⁰⁵ И молвил про себя, умом раскинув:
 «А этот человек был важной птицей,
 Коль кушанья и впрямь едал такие».
 Тут граф возьми да и спроси учтиво:
 «Прошу вас, без утайки мне скажите,
²²¹⁰ Как вы зоветесь, брат, и где родились?»
 Послушал скитник, помрачнел тоскливо,
 Лицо слезами оросил обильно.
 Граф на него взглянул и спохватился.
 «Простите, брат, меня за любопытство,

²²¹⁵ Но имя все ж свое мне назовите». А тот в ответ: «Не стану я таиться».

XL

Беседуют в скиту хозяин с графом,
И говорит Гильом: «Как имя ваше
И кто вы по рождению и званью?»
²²²⁰ А тот: «Свидетель мне святой Иаков,
Во Франции рожден, Гидоном назван,
Племянник я Анастази, той дамы,
Что за Гареном Ансюенским в браке.
Родителем моим был герцог знатный,
²²²⁵ Владевший Бле и звавшийся Жираром,
А мать моя — из дома, что ни разу
Трусливым вероломством не запятнан:
Граф Эмери, Нарбонна обладатель,
Двоюродным ей приходился братом.
²²³⁰ Был в юности я под его началом,
В походы и бои ходил с ним часто,
Им удостоен рыцарского сана
В Нарбонне при сынах его отважных —
Гильоме, и Аймере, и Эрнальте,
²²³⁵ И Бeve, коммаршище бородатом.
Там на пиру мы все сидели рядом.
Мне остается мало что прибавить.
Грешил я на своем веку так страшно,
Убил людей столь многих беспощадно,
²²⁴⁰ Сжег столько городов и столько замков,
Что бремя вин моих мне стало в тягость,
Я убоился в ад по смерти кануть,
И двадцать пятый год пойдет на пасху,
Как я свои владения оставил,
²²⁴⁵ Ушел навеки в лес на покаянье,
Обосновался в этой дикой чаще,
Построил скит, отшельником в нем зажил,
Мирских тревог и суеты чуждаясь.
Здесь и других отшельников немало.
²²⁵⁰ Себя содержат эти люди сами,
Разводят мелкий скот и птицу также,
Что зиму пережить им помогает,
И на судьбу они пенять не вправе:
Кто трудится для вящей божьей славы,
²²⁵⁵ Тем бог в насущном хлебе не откажет.
Я все поведал вам, одно добавлю:
Разбойники мне часто досаждают,
Врываются сюда и скит мой грабят.
Но тем, кто род наш создал, вам ручаюсь,

- ²²⁶⁰ Что, коль хотите, с вами я отправлюсь,
В какие б страны путь вы ни держали.
Я вас узнал по виду и повадке,
По мощи плеч широких и бесстрашию.
Вы — граф Гильом, воитель достохвальный,
²²⁶⁵ Троюродный мой брат, сеньор Оранъка,
Возлюбленный супруг Орабль прекрасной». Тут залились сородичи слезами,
Друг друга нежно приняли в объятья.

XL

- Узнав друг друга и сочтась родством,
²²⁷⁰ Возликовали храбрецы душой.
Гидон спросил: «Скажите, отчего
В лес этот дальний вы пришли пешком?
Утратили казну и земли, что ль?»
Граф молвил: «Нет, сородич дорогой.
²²⁷⁵ Я потерял всех ближних и Гибор,
Остался в этом мире одинок
И богу все вернул, что дал мне он».
Поведал тут Гильом Короткий Нос,
Как удалился в монастырь святой,
²²⁸⁰ Вражду монахов на себя навлек,
Разбойников убил в лесу глухом,
Сразил приора, братье дал урок:
«Но жажду с богом примириться вновь,
Найдя себе в скиту безвестном кров». Гидон в ответ: «Да славится господь!
²²⁸⁵ Останьтесь и живите здесь со мной».
«Нет, брат мой милый,— возразил Гильом,—
Обоснуйся я в местности другой».
Тут родичи прервали разговор,
²²⁹⁰ И спать на сене улеглись сухом,
И разом погрузились в крепкий сон.
Но ненадолго граф вкусили покой —
Вновь черт туда разбойников принес.
Окрест они бродили в эту ночь,
²²⁹⁵ В двух пустынях устроили погром,
Перед зарей закончили грабеж,
К Гидону путь направили оттоль,
Но, прежде чем уйти, избили в кровь
Отшельников, хозяев тех скитов,
²³⁰⁰ И унесли с собой все их добро.
Один злодей, как ни было темно,
Издалека узнал Гидонов дом
И подал остальным совет такой:
«Свидетель мне святых небесных сонм,

- 2305 Гидон, отшельник славный, здесь живет.
Не скуден он одеждой и казной,
И мы его не грабили давно.
Я как-то — с месяц будет — мимо шел
И хлеба попросил себе кусок,
- 2310 И был за стол Гидоном приглашен.
Я видел, что в скиту всего полно,
Но побоялся учинить разбой:
Я был один, а скитник — смел и росл.
Зайдем к нему и пустынь оберем».
- 2315 Все согласились: «Замысел хороши.
Злодеи, ровно дюжина числом,
К калитке подошли во мгле ночной,
Запор сломали, ринулись во двор.
Гидон сквозь сон услышал шум шагов,
- 2320 Смекнул, в чем дело, и сказал: «Ну вот,
Вновь воры здесь, да сохранит нас бог!»
Будить Гильома не решился он —
Пусть лишний час, усталый, отдохнет,
Но в колокол ударили во всю мочь,
- 2325 Дверь распахнул, переступил порог,
Нащупал палку толстую рукой
И молвил татям: «Господа, грешно
Вам разорять приют убогий мой».
А воры за ножи — и на него:
- 2330 «Ручаемся всеправедным творцом,
Коль не отдашь свое добро — умрешь».
Гидон ответил: «Я отдаам вам все,
Но прежде вас попотчу дубьем».
Ударил он ближайшего в висок,
- 2335 И тот к его ногам повергся мертв.
Но остальные в ярости большой
Его обстали с четырех сторон,
Изранили ему бока, лицо.
Сразить успел он одного еще
- 2340 И был позвать на помощь принужден:
«Пречистая, будь мне в беде щитом!
Гильом, проснитесь! Я в кольце врагов.
На выручку придите мне, сеньор».
Проснулся граф, смекнул, услышав зов,
- 2345 Что родственник дает ворам отпор
И, видно, нелегко ему пришлося.
Вскочил с постели граф одним прыжком,
Метнулся к двери, выдернул засов
И, занеся его над головой,
- 2350 С такою силой ринулся вперед,
Что разом с петель дверь сорвал толчок.

Граф разглядел в рассветной мгле воров
И крикнул: «Лучше убирайтесь прочь!
Вас, шлюхины сыны, могила ждет».

²³⁵⁵ Пустил он в ход засов, что был тяжел,
И тут же рухнул навзничь первый вор —
Гильом мерзавцу череп расколол.
Взмахнет рукою граф — и труп у ног.
Убил он четверых, двоих — Гидон.

²³⁶⁰ Жаль, вас господь увидеть не привел,
Как граф направо и налево бьет:
Кому проломит теменную кость,
Кого с дороги отшвырнет пинком!
²³⁶⁵ Струхнули воры так, что был любой
Оттолъ до Пуатье бежать готов.
Они вскричали: «Нам не повезло.
Да это же не скитник — сущий черт!
Взгляните, как он крепок и высок.

Не сладить с ним, будь нас хоть десять сот.
²³⁷⁰ Цена попыткам нашим — медный грош,
Навряд ли кто из нас уйдет живой».
Осталось их полдюжины всего.
Они пустились было наутек,
Но их и бегство даже не спасло —

²³⁷⁵ К калитке граф отрезал им отход.
Они с Гидоном, встав к плечу плечом,
Отделали воров так хорошо,
Что всех убили, кроме одного,
Предплечья поломав ему зато.

²³⁸⁰ Он скрылся в чаще, пробежал три лье,
И лишь под самым Монпелье, с зарей,
Ему в каком-то замке удалось
На переломы наложить лубок,
И если выжил он, то все равно

²³⁸⁵ К Гидону носу не совал с тех пор.
Сородичи, как только рассвело,
Сорвали всю одежду с мертвцевов,
Из пустыни их вытащили вон,
Повесили на дереве густом.

²³⁹⁰ Хвалу творцу вознес Гидон лихой:
«О господи, теперь уже никто
Мой сон спокойный ночью не прервет —
Свершился твой всеправый приговор».

XLII

Отважен был Гильом и нравом крут.
²³⁹⁵ Сразил он всех разбойников в бою
И только вздернул трупы их на сук,

Как два других отшельника к скиту
На колокольный звон приспели вдруг —
Те самые, которых ввечеру
2400 До смерти воры не убили чуть,
Раздели и ограбили к тому ж.
На незнакомца рослого взглянув,
Пришли пустынножители в испуг,
Вся кровь застыла в них, занялся дух.
2405 Но рек Гидон: «Дрожать вам ни к чему,
Гроша не потеряете вы тут.
Вот, полюбуйтесь на соседний дуб.
Чьи это трупы в петлях на суку?»
Они ему: «Тех, кто нас вверг в нужду».
2410 А он им: «Вам добро сполна вернут».
Восхлинули они, забыв тоску:
«Благодаренье господу творцу!
Теперь не будет пропадать наш труд».
Одежду получив назад свою,
2415 Воздали графу скитники хвалу.
Гидон же их, вдобавок ко всему,
Свел в кладовую, где хранил еду,
Дал им поесть, помог собраться в путь,
И скрылись вновь отшельники в лесу,
2420 Довольные, что в мирном их краю
Разбой и воровство пришли к концу.
Разнесся быстро по округе слух
О том, что всех воров за ночь одну
Извел отшельник новый — так он дюж.
2425 Все были благодарны смельчаку,
Зато не уставал разбойный люд
Тайком твердить: «Пусть дьяволы ему
Местечко потеплей найдут в аду!» —
Но на скиты не посягал отнюдь
2430 И обходил теперь их за версту.

XLIII

Вот так попал к Гидону в пустынь граф,
О чем уже поведал мой рассказ.
Но пробыл удалец недолго там.
Когда свершилась над ворами казнь,
2435 Он рек: «Гидон, подите-ка сюда.
Расстаться с вами, родич, мне пора,
Пусть вседержитель вас хранит от зла!
Я кров пойду искать в других краях,
А вы молите за меня творца.
2440 Отныне можно вам спокойно спать:
После такой острастки в скит ворам

Заказан путь на долгие года».
Гидон ему ответил, зарыдав:
«Сеньор, пусть будет, как угодно вам,
²⁴⁴⁵ Хоть поселись со мной вы навсегда,
Спокойней бы я чувствовал себя.
Что вам мешает душу здесь спасать?»
Граф возразил: «Не тратьте время зря.
В своем решенье неизменен я».

²⁴⁵⁰ Гидон его удерживать не стал
И с родичем простился, весь в слезах,
Но молвил: «Граф, послушайте меня.
Я всюду вас готов сопровождать».
А тот: «Нет, я один пойду туда,
²⁴⁵⁵ Куда мне путь укажут небеса.
Вернитесь в скит — мне дальше ждать нельзя».
Гидон ему: «Увижу ль вновь я вас?»
Ответил граф Гильом: «Не знаю, брат».
Тут обнялись сородичи опять,
²⁴⁶⁰ И в скит Гидон отправился назад.
А граф, нигде не замедляя шаг,
Прошел и лес, и многие края,
Вброд пересек Дордонь, что глубока,
Затем в Рокамадуре побывал,
²⁴⁶⁵ Там посетил пречистой Девы храм,
Оттуда снова дальше зашагал,
Путь на богатый Монпелье держа,
Сквозь темные дремучие леса.
Лишь об одном теперь он помышлял —

²⁴⁷⁰ О вящей славе господа Христа:
Граф богу посвятил себя сполна.
Однажды оказался он в горах
Среди угрюмых и безмолвных чащ,
Меж тесных долов и отвесных скал,
²⁴⁷⁵ С которых водопады вниз летят.
Все на душу там навевало страх.
Попался холм Гильому на глаза.
Обрывист, над ручьем он нависал.
По склону шла лишь узкая тропа,
²⁴⁸⁰ Крутая и опасная весьма.
По ней и в росших по бокам кустах
Взд и вперед шныряла, не таясь,
Тьма ящериц, и змей, и мерзких жаб.
Но граф был грозной крутизне лишь рад.
²⁴⁸⁵ На холм взобрался он не без труда
И вымолвил: «Нашел я, что искал.
Нет лучше в мире места для скита.
Я без помех смогу здесь, отче наш,

- Слагать тебе хвалу по целым дням,
 2490 А ты, коль сам привел меня сюда,
 Всю эту нечисть изгони с холма».
 Смиренно преклонил колени граф,
 К творцу и богоматери воззвал,
 И чудо сотворил, молитве вняв,
 2495 Для верного слуги небесный царь:
 Еще быстрее, чем летит стрела,
 В ручей с холма низверглась нечисть вся,
 Хоть ей на склонах не было числа,
 И разом смерть себе нашла в волнах,
 2500 Но перед тем, как с крутизны упасть,
 Заукала и зашипела так,
 Что даже графа страх на миг объял.
 Когда покинул холм последний гад,
 Восславил граф небесного царя
 2505 И ощущил, что до смерти устал,
 Скитаясь по горам и по долам.
 На нем одежда в клочья порвала,
 До крови ноги стер он на камнях,
 До самых плеч все руки ободрал.
 2510 Лег спать Гильом с закатом натощак,
 Не раздобыв ни пищи, ни вина.
 Зато он был от счастья сыт и пьян:
 Бог не дал своему слуге пропасть!
 Граф прямо на земле уснул в кустах,
 2515 Но пекся бог о нем и в этот час.
 Он ангела с небес к нему послал,
 И тот такие произнес слова:
 «Узнай, что бог тебе велел сказать.
 Ты ревностно служил ему всегда,
 2520 Громил неверных, не боялся ран.
 Через меня владыка естества
 Шлет весть тебе о том, что внедит в рай
 В конце земной стези твоя душа.
 Но вновь тебя он хочет испытать,
 2525 И муки примешь ты еще не раз.
 Сkit на холме воздвигни, в нем осядь,
 Трудись, творца и днем и ночью славь
 И помни: он, всеправый судия,
 Тебе за все с лихвой в раю воздаст».
 2530 Горé вознесся ангел на крылах,
 А граф, как ни жестка была земля,
 Проспал в кустах спокойно до утра,
 Благою вестью успокоен так,
 Что страха смерти впредь уже не знал —
 2535 Ему казалась пустяком она.

XLIV

Встал утром граф с веселием в душе —
 Так для него была отрадна весть,
 Доставленная ангелом с небес.
 Задумал скит построить он себе
²⁵⁴⁰ И начал камни собирать окрест,
 А их немало было на холме,
 Ломать, валить и втаскивать наверх
 Такие деревя, каких вовек
 Пятнадцати вилланам не унести.
²⁵⁴⁵ Усердья и труда он не жалел,
 Чтоб только скит воздвигнуть поскорей.

XLV

Шум несусветный поднял граф Гильом,
 Стволы ломая и таша на холм,
 Где скит построить собирался свой.
²⁵⁵⁰ Но прежде чем тот будет возведен,
 Окажется смельчак в беде такой,
 Что если не спасет его господь,
 Граф до ночи от ужаса умрет.
 Опасности столь грозной и большой
²⁵⁵⁵ Досель не подвергался он еще.
 Жил некий великан недалеко,
 Огромен, страшен, нечестив и зол,
 И трепетал пред ним честной народ.
 Ловил детей, мужчин и женщин он,
²⁵⁶⁰ Их в ужас повергал и ел живьем.
 В Прованс всеюду он чинил разбой,
 Но дать отпор ему не смел никто —
 Все сокрушал он на пути своем.
 На холм и на Гильома бросив взор,
²⁵⁶⁵ Злодей разинул в изумление рот
 И к пришлецу направился бегом.
 Четырнадцать локтей был рост его.

XLVI

Вверх по тропе взбегает исполин,
 Точа слону, как змей, мыча, как бык.
²⁵⁷⁰ Башка — что чан, глаза — что фонари.
 В тот день мирян пятнадцать он убил,
 Аббата и трех скитников честных.
 Его железной булавы с земли
 Никто бы не приподнял из мужчин —
²⁵⁷⁵ Такого до Невера не найти.
 К Гильому направляет он шаги

И на бегу ногами так стучит,
 Что громче шум, который поднят им,
 Чем четырех возов груженых скрип.
 2580 Граф душегуба увидал вблизи,
 От страха небывалого застыл,
 Возвзвал: «Меня, о боже, не покинь!
 Сеньор святой Гервасий, помоги!
 Не сам ли черт пожаловал в мой скит?»
 2585 Гигант воскликнул: «Трус и цлюхин сын,
 Кто разрешил тебе сюда прийти?
 За это жизнью мне заплатишь ты.
 Тебе сейчас затылок раскроит
 Удар моей железной булавы,
 2590 Так, что наружу вытекут мозги».
 Бел и бескровен стал у графа лик,
 И рек Гильом: «О господи, спаси!»

XLVII

Гильом Рука Железная стал бледен,
 Увидев, что подходит дьявол этот,
 2595 Возвзвал к тому, кто Но亞 спас в ковчеге.
 А великан к нему с дубиной лезет,
 Кричит: «Ты зря сюда пришел, бездельник!
 Уж лучше бы тебе не жить на свете,
 Чем выбрать для скита такое место».
 2600 Граф молится меж тем: «Творец вселенной,
 Будь мне щитом в опасности безмерной.
 Я вышел цел из тысячи сражений,
 А этот великан грозит мне смертью.
 Зарекся драться я уже навеки
 2605 И обрести в скиту мечтал спасенье,
 Но лучше — Петр-апостол мне свидетель! —
 Умру, чем дам уйти живым злодею».
 Он вырвал из земли с корнями вместе
 Бук или ясень — точно неизвестно,
 2610 Сказал гиганту: «Будь ты проклят небом
 И уходи — я схватки не затею».
 Но тот, чуть не сойдя с ума от гнева,
 Метнул в Гильома булавой железной.
 Он промахнулся — граф присел мгновенно
 2615 Но выпрямился снова слишком резко,
 Так, что оружье спину все же задело,
 И от удара пал он на колени.
 Гигант взревел: «Уж лучше б ты, бездельник,
 Сбежал отсель подальше — хоть в Алеппо».
 2620 С земли он поднял булаву поспешно,
 И зубы обнажил в кривой усмешке —

- Любой клыка кабаньего длиннее,
И ринулся на графа злой, чем прежде,
Ему стараясь ими впиться в тело.
 2625 Гильом вскричал: «Да он свирепей беса!
Такого я не видывал доселе.
Не попусти, Мария-приснодева,
Чтоб надо мной он одержал победу».
 Вновь перешел разбойник в наступленье,
 2630 Гильому по плечу удар нацелил,
Но увернулся граф, присел умело,
И булава ушла на локоть в землю.
Гильом подумал: «Крепко бьет мошенник,
И, если свой удар направит метко,
 2635 Конец меня постигнет неизбежно».
Тут выпрямился он без промедленья,
Сжал вырванный им ствол в руках обеих.
Разбойник то же с булавою сделал
И двинулся противнику навстречу.

XLVIII

- 2640 Идет у графа с великаном бой,
Какого мир не видывал еще.
Смелчик заносит над собою ствол,
Злодея по затылку с маху бьет,
И пасть тот на колени принужден.
 2645 Он воет и унять не может боль.
«Грошша не стоишь ты,— кричит Гильом.—
Чем хочешь мне грози — я все равно
Здесь, на холме, воздвигну скит святой
И буду в нем творцу служить по гроб».
 2650 «Не быть тому,— рычит разбойник зло.—
Будь тут с тобой четырнадцать бойцов,
И то б из них не уцелел никто,
А я тебе разрезал грудь ножом,
Оттуда сердце вытащил твое
 2655 И на углях затем его испек».
Вдохнул в обоих гнев отвагу львов.
«О боже,— молит граф,— ты, мой сеньор,
Так не оставь вассала своего».
Кричит разбойник: «Проповеди брось!
 2660 Ни капельки не страшен мне твой бог».
Гильом в ответ: «Ты лжешь, хвастун пустой.
Цена твоей хваленой силе — грош».
Друг с другом в бой враги вступают вновь.
 2665 Четырежды бьет изверг булавой,
Удары отражает граф стволом,
На что не больше времени идет,

Чем нужно, чтобы сделать сто шагов,
И сам затем разит врага в висок.
Больistorгает у гиганта стон,
2670 И лезут у него глаза на лоб,
Но булаву он вновь пускает в ход,
А графу — да хранит его господь! —
Ствол служит и дубиной и щитом,
Однако же удар очередной
2675 Напополам ломает и его.
Гильом задет, по счастью, только вскользь,
Но все ж назад податься принужден,
А изверг повергается ничком,
И булава, удариившись о склон,
2680 На сотню разлетается кусков.
Граф мнит уже: «О боже, я спасен!» —
Но, падая, Гильома кулаком
Ткнуть успевает душегуб в живот,
И навзничь скитник валится на холм.
2685 Он вскакивает, и гигант встает.
Противники сцепляются в клубок,
В лицо друг другу метят головой,
Стараются ударить кулаком,
И у обоих с губ струится кровь,
2690 И только смерть теперь их разведет.

XLIX

Гигант не устоял и с ног свалился,
Но, падая, Гильома опрокинул.
Противники вскочили и сцепились,
Бьют по лицу друг друга что есть силы.
2695 Так исполин руками графа стиснул,
Что все б тот отдал, чтоб освободиться.
Взыывает он и к богу, и к Пречистой:
«Меня от верной гибели спасите,
Такую мощь моим приайте мышцам,
2700 Чтоб этот холм мог у врага отбить я,
И в вашу честь часовню здесь воздвигнуть,
И вам служить усердно до кончины».
Тут силы снова к графу возвратились.
Зажав рукою левой исполнина,
2705 Он по уху злодœя правой двинул
Так, что из носа ток кровавый брызнул
И загудела голова, как било.
Но великан удар жестокий вынес
И только пуще прежнего озлился.
2710 Друг друга вновь противники сдавили
И кубарем по склону покатились.

Коль не помогут Дева и всевышний,
Всенепременно в схватке граф погибнет.

L

Клубком сцепились исполин и граф
²⁷¹⁵ И вниз по склону катятся с холма.
 Один другого лупит, не щадя,
 А кулаки у них — что жернова.
 Кровь с губ разбитых хлещет в три ручья.
²⁷²⁰ Вот выступ их паденье задержал.
 Они там умещаются едва,
 И виден им чуть ниже водопад,
 Что в пропасть низвергается стремглав.
 Восчувствовал Гильом тоску и страх,
²⁷²⁵ Вознес молитву: «Боже, сделай так,
 Чтоб этот дьявол не сломил меня.
 Коль будет в бездну сброшен мною враг,
 Не перестану я благословлять
 Тебя всю жизнь до самого конца».
²⁷³⁰ На миг ослабил хватку великан,
 А скитник, не теряя время зря,
 Нащупал камень, что вблизи лежал,
 Тяжелый и величиной с кочан,
 И недруга ударили по лбу так,
²⁷³⁵ Что у того расселась голова,
 И брызнули мозги шагов на пять.
 Тут чудо сотворил небесный царь:
 Не только умер тотчас же гигант,
 Но заодно от сильного толчка
²⁷⁴⁰ Труп с узенького выступа упал,
 Закувыркался и исчез в волнах,
 Плеснувших оглушительней стократ,
 Чем если б рухнул целый дуб туда.
 Гильом воскликнул: «Господу хвала!
²⁷⁴⁵ Вот и воздалось извергу сполна! —
 Затем вернулся в скит к себе назад,
 Где — потому что до смерти устал —
 Лег и проспал до самого утра.

LI

Когда злодей свалился с крутизны,
 Проспал Гильом спокойно до зари,
²⁷⁵⁰ Но и проснувшись, долг свой не забыл —
 Вновь принялся усердно строить скит,
 Ломать и поднимать на холм стволы
 Дубов и сосен, лавров и олив.
 В труде тяжелом проводил он дни

- 2755 И не жалел ни времени, ни сил,
Когда же скит в конце концов воздвиг,
С ним рядом садик небольшой разбил,
И почву там взрыхлил суком простым,
И посадил немало трав лесных,
- 2760 И пустынь палисадом окружил.
Но перечислить мне его труды.
Скажу вам только: вышел скит красив.
Сперва в часовне граф Гильом один
Вечерню и заутреню служил,
- 2765 Но скоро к службе стало приходить
Немало местных жителей честных,
И вере их Гильом, как мог учил.
Сначала, правда, страх нагнал на них
Он ростом и обличием своим.
- 2770 Подумали они: «Ну и крепыш!
Что быть ему отшельником за смысл?»
Но как их ни пугал Гильомов вид,
А графу все ж поверили они,
И начали что нужно приносить.
- 2775 И скит святой достроить помогли —
Пока светло, трудились вместе с ним,
К себе домой, когда темнело, шли.
Но хоть, казалось, цели граф достиг,
Дожить не смог он безмятежно жизнь,
- 2780 Вновь много принял мук и дел свершил.
Вернуться, как предание гласит,
Ему пришлось довольно скоро в мир
И тело вновь в доспехи облачить,
Изнемогать без хлеба и воды,
- 2785 Сражаться и без сна в седле трястись.
Мечтал Гильом окончить дни свои
В скиту, что был воздвигнут им в глухи,
Себе устроил ложе из листвы
И разных духовитых трав сухих,
- 2790 Собрал и заготовил впрок плоды,
Какие удалось в лесу пайти,
Запас немало ягод, груш и слив,
Чтоб не сидеть зимою без еды,
И вознамерился уже в тиши
- 2795 Служить творцу до гробовой доски,
В расчет не принял только сарацин.
Могучий Синагон, владыка их,
И лютич Матамар, и короли
Эглен, чей род в Неаполе царил,
- 2800 И Жозюэ, и Каин-исполин
В Палермо графа силой увезли,

И много лет влачил он кандалы,
Но бога не отрекся ни на миг,
В чем наша песня вас и убедит.

²⁸⁰⁵ Но графа в стороне оставим мы,—
О нем повествованье впереди,—
Чтоб вам пропеть о кознях сарацин
И Синагоне, бог его срази!

²⁸¹⁰ Дает в Палермо он однажды пир,
Вокруг десять сот язычников сидит.
Они толкуют о годах былых,
Когда войну с неверными вели
Карл, коего Пипин на свет родил,
²⁸¹⁵ Затем король Людовик, Карлов сын,
И отпрыски наarbonнца Эмери,
Среди которых самым славным был
Гильом Короткий Нос, тот богатырь,
По чьей вине Тибо-альморавид
Лишился и владений, и жены.

²⁸²⁰ — «Конец тем долгим войнам наступил.
Не склонны их язычники вести,
Французам это тоже не с руки».
«В чем тут причина?» — Синагон спросил.

²⁸²⁵ — «В том, что скончался старый Эмери,
Бернар убит, Аймер в плена погиб;
Эрнальт, Гарен, что Ансеон отбил,
Бев и Гибер, меньшой из всех, мертвы;
И, что всего важней для сарацин,
Исчез Гильом, который навредил

²⁸³⁰ Нам больше всех французов остальных,
Один, насколько можем мы судить,
Сто тысяч наших воинов сразив.
Тибо и Дераме он погубил,
И все, кто в этом зале собрались,
²⁸³⁵ Им лишены кого-то из родни».

«Но где же он ныне?» — Синагон спросил.

— «Не знаем, государь и властелин,
Но если графа вправду нет в живых,
Вновь Францию разграбить мы вольны

²⁸⁴⁰ И скипетра Людовика лишить».

Стоял язычник Макабрен вблизи,
Длиннобородый и седой стариk,
Уже достигший лет ста двадцати,
Встречавшийся с сынами Эмери

²⁸⁴⁵ И знатный на земле все языки.
Он с Синагоном так заговорил:
«Слух, государь, прошу ко мне склонить.
Вас вводят в заблужденье болтуны,

Спешащие Гильома схоронить,
²⁸⁵⁰ Но грош цена их выдумкам пустым:
 Граф много бед еще нам причинит».

LII

Так Синагону Макабрен промолвил:
 «Вам, государь, скажу я без притворства:
 Бахвалы на язык не в меру бойки,
²⁸⁵⁵ Коль с графом так торопятся покончить.
 Им верить в то, что умер он, охота,
 А я клянусь отцом моим покойным,
 Что граф поныне жив и здрав, без спору.
 В скиту живет он на большом утесе
²⁸⁶⁰ И вот уже семь лет меча не носит».
 Король воскликнул: «Быть того не может!»
 — «Нет, это так, и тут уж нету спору.
 Себе я утром погадал сегодня.
 И мне открылось многое такое,
²⁸⁶⁵ Что в страх сто тысяч турок привело бы:
 Утратить наши земли нам придется,
 Их граф Гильом опустошит жестоко,
 И участи мы не избегнем горькой —
 Погибнем от его меча стального.

²⁸⁷⁰ Коль все, и я расстанусь с головою».
 Язычники в ответ вскричали громко:
 «Лжет Макабрен вам, государь, безбожно.
 Пускай его возьмут под стражу тотчас
²⁸⁷⁵ И держат в башне четырехугольной,
 Пока не погадаете вы тоже.
 Коль он не лгал, ему вернут свободу;
 А коль солгал, его на плаху бросят».
 Внял Макабрен обиженным придворным
²⁸⁸⁰ И, голову подняв, ответил твердо:
 «На это соглашаюсь я охотно,
 Но, государь, клянусь вам бородою,
 Что жив Гильом бесстрашный и сегодня.
 Он скитником живет в лесу огромном
²⁸⁸⁵ В Провансе плодородном и привольном».
 Ответил Синагон: «С ума сошел ты!
 Свидетель Магомет, что небо создал,
 Отправлюсь я искать Гильома с войском.
 Коль не найду — тебя казнят с позором».
 Ответил Макабрен ему: «Посмотрим».

²⁸⁹⁰ Король и Матамар созвали срочно
 Всех нечестивых клириков ученых
 И поднялись на башню с этим сбродом,
 Чуть месяц засиял на небосклоне.

При них Фабюр, в Неаполе рожденный,
²⁸⁹⁵ Экен из Гримоле, Рагон Вальфондский.
 На башне некроманты неотложно
 К гаданью приступили колдовскому
 И с помощью своей науки черной
 Грядущее открыли Синагону,
²⁹⁰⁰ А тот держать велел им в тайне строгой
 Все, что они узнали этой ночью.
 Коль графу вседержитель не поможет,
 Не миновать ему конца и гроба.
 Теперь внемлите песне превосходной,
²⁹⁰⁵ Какой еще не пели вам жонглеры.
 Она о том, как по горам и долам
 Рать Синагон повел в Прованс привольный
 За графом, верным трудником господним.

LIII

Взошел на башню Синагон в Палермо.
²⁹¹⁰ Его обстали турки кругом тесным.
 Ночь безмятежна, месяц ярко светит.
 Берет гадальщик главный шелк бесценный,
 Его руками крутит, мнет и вертит,
 А после на четыре части режет
²⁹¹⁵ И за окно куски бросает эти,
 Три из которых падают на землю,
 Четвертый же парит над нею легче,
 Чем ласточка порой полдневной в пебе.
 Гадальщик главный — вне себя от гнева,
²⁹²⁰ Да и другим отнюдь не веселее.
 Они вопят и плачут в сокрушенье.
 Их спрашивает Синагон: «В чем дело?
 Что нагадали вы? Скорей ответьте».
 Гадальщики ему: «Одни лишь беды.
²⁹²⁵ Из виденного вами нам известно,
 Что цел и невредим Гильом доселе.
 В Провансе он живет в пустынном месте,
 Где на холме, нависшем над ущельем,
 Скит и часовню выстроил прилежно,
²⁹³⁰ Заутреню там служит и вечерню.
 Вы понесете от него потери
 Еще куда страшней, чем ваши предки:
 Сто тысяч турок обречет он смерти.
 На шелк взгляните, что плывет по ветру.
²⁹³⁵ На Францию он держит направленье,
 Что означает: наступает время,
 Когда французы явятся в Палермо,
 Вас, государь, в сраженье одолеют

И казни предадут без сожаленья.
²⁹⁴⁰ А три куска, упавшие на землю,
 Сулят вам стыд и нищету навеки —
 Вы своего лишились королевства».
 Чуть не сошел с ума король свирепый,
 Набычился, нанес удар мгновенно,
²⁹⁴⁵ И наземь с переломленою шеей
 Упал гадальщик главный без движенья.
 Король воскликнул: «Вот тебе в отместку
 За то, что граф у вас воскрес из мертвых!
 Нет, шлюхины сыны, собачье семя,
²⁹⁵⁰ Грош — вот цена гаданью и приметам.
 А я пойду по городам и весям,
 Не дам ни на минуту отдых телу,
 Пока не закую Гильома в цепи.
 Его найду я и в скиту безвестном,
²⁹⁵⁵ С него сдеру всю кожу, как со зверя,
 Нагряну во французские пределы,
 Французов тысяч сто убью в сраженье,
 В аббатстве Сен-Дени венец надену».

LIV

Вот Синагон, язычник бородатый,
²⁹⁶⁰ Вельмож и полководцев собирает,
 И те приходят по его приказу.
 Он молвит: «Королевство охраняйте.
 Возьму я десять тысяч турок завтра,
 В Прованс отправлюсь с ними утром рано,
²⁹⁶⁵ Все горы и долины там обшарю,
 Пока не будет граф Гильом Оранжский,
 Где б он ни затаился, нами схвачен.
 В Палермо с ним я возвращусь обратно,
 И насиится он в темнице грязной,
²⁹⁷⁰ И в должный час дождется страшной казни,
 И нам вредить навеки перестанет.
 А я сберу сто тысяч турок храбрых,
 На Францию пойду, в Париж нагряну,
 Свой стяг взовью над Ланом, Орлеаном,
²⁹⁷⁵ Блуа, Труа, Сезанном и Этампом,
 Займу Вермандуа и край фламандский
 И вслед за тем, Голландию разграбив,
 Короной в славном Ахене венчаюсь».
 Весь двор воскликнул: «Синагону слава!
²⁹⁸⁰ Коль это он свершит, ему нет равных».
 В поход немедля Синагон собрался,
 И десять тысяч турок — черт бы взял их! —
 Под знаменем его пошли к Провансу.

Граф, если не спасет его создатель,
²⁹⁸⁵ В плен угодит и не избегнет казни.

LV

Палермо тотчас Синагон покинул
 И двинул на Прованс свои дружины,
 Ведя с собой неверных десять тысяч.
 Идут с ним Матамар, Корсольт Нубийский,
²⁹⁹⁰ И Кодроэ с Экеном Табарийским,
 И Каин, что в Неаполе родился,
 И Макабрен, седой старик-язычник,
 О графе правду королю открывший.
 Дней их пути не в силах я исчислить,
²⁹⁹⁵ Но наконец они в Прованс явились.
 Был он тогда безлюднее, чем ныне:
 Пятнадцать лье проскачешь, даже с лишком,—
 Едва ль четыре города увидишь.
 Проехали так много сарацины
³⁰⁰⁰ Холмов, равнин, лесов непроходимых,
 Так много миновали гор скалистых,
 Так исследили весь Прованс обширный,
 Что оказались от Тулузы близко,
 Но к Монпелье оттоль свернули быстро
³⁰⁰⁵ И сведенья, им нужные, добыли
 О графе, жившем на холме пустынном,
 Где он во славу господа трудился.
 Неверные — пусть в ад их бог низринет! —
 В один прекрасный день холма достигли,
³⁰¹⁰ Где жил Гильом, — храни его всевышний! —
 И Макабрен сказал слова такие:
 «Итак, король, мы своего добились:
 Здесь и живет Гильом, ваш супротивник.
 Но коль он нас заметит, худо выйдет:
³⁰¹⁵ Граф ни умом, ни силой не обижен
 И никого на свете не боится,
 А нас, неверных, с детства ненавидит:
 Кого б ни встретил, всех сведет в могилу.
 Клянусь своею бородою длинной,
³⁰²⁰ Что, нас завидев, схватит он дубину,
 И будем мы нещадно перебиты.
 Отряд свой на две части разделите:
 Пусть тут, в лесу, одна в засаде выждет,
 Другая же бросается на приступ,
³⁰²⁵ Затем что графа можно взять лишь силой».
 Король с его советом согласился,
 Язычники вооружились живо
 И ринулись к холму неудержимо,

И Макабрен повел их по тропинке,
³⁰³⁰ Которая по склону вверх змеилась.
 А граф служил вечерню, как обычно.
 Спаси его всеправый сын Марии!

LVI

Едва взобрались пехисты на холм,
 Как из часовни вышел граф во двор,
³⁰³⁵ Чтоб малость прогуляться перед сном.
 Был у него в руке тяжелый кол,
 Дубовый, заостренный и большой,—
 В саду рыхлил он землю тем колом.
 Граф на тропу крутую бросил взор
³⁰⁴⁰ И у скита увидел чужаков.
 Он изумился: «Боже всеблагой,
 Кого это в мой бедный скит несет?
 Боюсь, сюда лазутчиков тайком
 Заслал какой-то саракинский вождь.
³⁰⁴⁵ Будь, приснодева, мне в беде щитом!
 Людовик, милой Франции король,
 Теперь уж умудрит тебя лишь бог,
 Затем что я, советчик твой былой,
 Днесь буду за грехи свои сражен,
³⁰⁵⁰ Но мне за жизнь мою — клянусь творцом! —
 Враги заплатят дорогой ценой».
 Тут скитник осенил себя крестом,
 Покрепче сжал оружие свое,
 Глазами гневно пришлецов обвел,
³⁰⁵⁵ И с головы откинул капюшон.
 Смутили турок рост его и мощь,
 Но тут вмешался Макабрен: «Сеньор,
 Внемлите мне и сдайтесь в плен добром.
 Не стоит затевать неравный бой».
³⁰⁶⁰ Гильом в ответ: «Совет ваш нехорош.
 Здесь нет того, кто нужен вам, барон.
 Я скитник бедный, человек простой.
 Вам лучше с миром удалиться прочь,
 О чем молю вас господом Христом».
³⁰⁶⁵ Рек Макабрен: «Гильом Короткий Нос,
 Я проповеди слушать не охоч.
 Не ты ль извел почти что весь наш род,
 Лишил супруги короля Тибо,
 И на куски рассек его сынов,
³⁰⁷⁰ Осьбе и Дераме убил мечом?
 Знай, ты в скиту свой век не доживешь.
 Язычники, вперед! Хватай его!»
 На графа турки ринулись толпой,

Назад в часовню бросился Гильом,
³⁰⁷⁵ Надеясь там укрыться от врагов,
 И помолился: «Грациан святой,
 Мне поспеши в опасности помочь».
 В скит дротики посыпались дождем.
 Граф понял: бой — единственный исход
³⁰⁸⁰ И Макабрену, выйдя за порог,
 Свой кол обрушил на шишак стальной
 Да так, что вместе с резвым скакуном,
 Полурасплощен, пал злодей седой.
 Пять раз подряд ударили граф еще,
³⁰⁸⁵ Пять новых трупов на земле простер.
 Граф проучил сквернавцев хорошо:
 Дух вышиб из четырнадцати вон,
 Двенадцатиувечия нанес.
 Взяла неверных с перепугу дрожь.
³⁰⁹⁰ Они вскричали: «Это сущий черт!
 Вы только гляньте, как он наших бьет!
 Сюда на смерть послал нас Синагон.
 Пусть Магомет за нас отмстит с лихвой».
 Враги насели на Гильома вновь.
³⁰⁹⁵ Уже пятнадцать тяжких ран на нем,
 Ручьями по нему струится кровь.
 «О боже,— молвит граф,— я обречен,
 Но мне свидетель Грациан святой,
 Со мною сладить будет нелегко.

³¹⁰⁰ Наш род не обреку я на позор,
 Не обесчещу сан духовный свой:
 Я — воин божий, мой сеньор — господь,
 Бить нехристей, пока я жив,— мой долг».
 Тут снова устремился он вперед,
³¹⁰⁵ Врагов сметая на пути своем,
 Ломая сталь щитов и шишаков
 И скакунов свергая вниз на склон.
 Стоит над всем холмом истощный вой,
 Лежат повсюду груды мертвцевов,
³¹¹⁰ Но и Гильом смертельно утомлен,
 С большим трудом превозмогает боль,
 Залито кровью у него лицо,
 Переломился кол, как ни был толст.
 Однако граф пустил обломок в ход,
³¹¹⁵ Орудует им с яростью двойной,
 Приводит в страх всех нехристей кругом.

LVII

Приходится Гильому в схватке туго.
 Все злее сарацины атакуют,

Наваливаются на графа кучей,
³¹²⁰ Ему наносят раны поминутно,
 Удары сыплют яростно и люто.
 Их натиску сопротивляться трудно:
 Они уже к Гильому тянут руки,
³¹²⁵ А он, хотя и тверд, как прежде, духом,
 Теперь совсем остался безоружен —
 Обломок уронил в траву густую,
 Врагов одними кулаками лупит.
 Кто под руку Гильому подвернулся,
³¹³⁰ Тот с ним вторично в бой уже не вступит,
 Затем что как дубиной оглощен.
 Пятнадцатый по счету нехристъ рухнул.
 Другие в крик: «Да это дьявол сущий!» —
 Но все же так отчаянно дерутся,
³¹³⁵ На храбреца кидаются так дружно,
 Что граф на землю падает сырью.
 Творит молитву: «Боже присносущий,
 Брал для тебя я верх везде и всюду,
 Но днесь меня язычники погубят.
³¹⁴⁰ Напрасно я ушел из мира в пустынь —
 Меня и здесь найти сумели турки.
 Коль пред тобой я грешен, всемогущий,
 Прости вину душе моей заблудшей
 И сжался над Людовиком Французским
³¹⁴⁵ И всей моей роднею злополучной —
 Пусть без меня живется им не хуже».
 Тут сарацины — чтоб сгореть в аду им! —
 На графа наложить сумели путы
 И молвили ему со смехом глумным:
 «Нам, сарацинам, ты вредил сугубо,
³¹⁵⁰ Но и в скиту был нами обнаружен,
 И отвезут тебя в Палермо людный,
 Где Синагон, наш государь могучий,
 Тебя в тюрьме подержит и помучит.
 Затем ты казнь претерпишь по заслугам —
³¹⁵⁵ Сожжен иль лошадьми разорван будешь.
 С тобою так, сеньор Гильом, поступят,
 Что лучше б ты еще ребенком умер».
 Гильома вниз стащили турки грубо,
 На землю перед королем швырнули.
³¹⁶⁰ Все войско Синагоново ликует,
 На пленника глазея.

LVIII

В плenу у сарacин Гильом отважный,
 У нехристей жестоких и коварных.

- Они с холма крутого графа тащат,
³¹⁶⁵ Поносными словами осыпают.
 Он стонет: «Боже, Дева пресвятая,
 Людовика не видеть никогда мне,
 Род Эмери я больше не прославлю,
 Затем что скоро мой конец настанет».
- Доставлен к Синагону полонянник,
³¹⁷⁰ Что короля приводит в ликованье.
 Бросает он владетелю Оранжа:
 «Теперь, Гильом, за тех я расквитаюсь,
³¹⁷⁵ Кто был тобой сражен в земле испанской,—
 Мою родню ты там рубил нещадно».
 А тот ему в ответ: «Я в воле вашей».
 В седло злодеи посадили графа,
 К тяжеловозу крепко привязали
 И тотчас же отправились обратно
³¹⁸⁰ По чащам, долам и горам Прованса.
 Дней их пути я вам не сосчитаю,
 Но граф в дороге сильно настрадался —
 На нем пятнадцать ран кровоточащих.
 Язычники меж тем все дальше скачут,
³¹⁸⁵ Минуют разных городов немало,
 В воскресный день к Палермо подъезжают,
 Вступают в город стройными рядами,
 В воротах объяляют громогласно:
 «Возрадуйтесь, честные горожане!
- Мы выполнить сумели долг свой ратный:
³¹⁹⁰ Гильом Оранжский нами в плен захвачен,
 С холма, где он в скиту спасался, стащен,
 Но все ж успел убить полсотни наших,
 За что и будет предан лютой казни.
- Не скит, а рель, иль колесо, иль плаха —
³¹⁹⁵ Вот для злодея место покаяния.
 Сдерут с него всю кожу без остатка,
 Труп четвертуют и сожгут вдобавок».
 Граф отвечает: «Трусы, не бахвальтесь!
- На помошь мне еще придет создатель,
³²⁰⁰ Король французский за меня отплатит».
 Заторопился Синагон проклятый,
 Поднялся со своей женой на башню,
 Открыть велел в ней дверь тюрьмы подвалной,
³²⁰⁵ Холодной, грязной, непроглядно мрачной,
 Где стаи крыс прожорливых шныряли,
 Кищели гады, пауки и жабы.
 Вплоть до немецких стран тюрьмы нет гаже.
 Туда немедля пленника загнали
³²¹⁰ И бросили почти без пропитанья.

Коль не спасет его господь всеправый,
Граф от лишений вскорости зачахнет —
Так болен он и скорбен.

LIX

Захвачен Синагоном в плен Гильом
³²¹⁵ И в башне, именуемой Мабон,
Лишенья переносит день и ночь.
Злодеи держат впроголодь его.
Отвык от мяса и от рыбы он,
Забыл и про кларет, и про вино,
³²²⁰ Питается лишь хлебом и водой,
Да и от ран страдает так, что боль
Его на дню раз десять валит с ног.
К тому ж, ручей под башнею течет,
Канавой с морем он соединен,
³²²⁵ И оттого вода так высоко
В темнице поднимается порой,
Что граф по пояс иль по самый рот
Стоять в соленой жиже принужден.
В стене есть, правда, выступ небольшой,
³²³⁰ Но граф не может усидеть на нем,
Затем что раны разъедает соль,
И тело сводят корчи от нее.
Взывает узник к господу с тоской:
«Творец, ужель языческий король
³²³⁵ Тебе слуги любезней твоего?
Цвет дома моего давно поблек,
На выручку родня мне не придет —
Ей невдомек, что я в беде такой.
Ах, знай о том Людовик, мой сеньор,
³²⁴⁰ Уж он-то поспешил бы мне помочь!
А так я здесь погибнуть обречен».
Льет слезы он, унять не в силах скорбь,
Страдает днем и ночью от невзгод
И чувствует, как в темноте кругом
³²⁴⁵ Змей, жаб и крыс несметное число
Снуит, шипит, свиваются в клубок,
Свистит, пищит, дерется меж собой
Да так, что графа сотрясает дрожь.
Он молится: «Создатель всеблагой,
³²⁵⁰ За род наш грешный сам проливший кровь,
Внемли мне в милосердии своем
И, коль тебе я верным был слугой,
Так сделай, отче, чтобы до того
Как встречу смерть в узилище сырому,
³²⁵⁵ Воздать за все язычникам я мог;

А коль меня отсель ты извлечешь,
 Да в руки вложишь мне опять клинок,
 Да плоть мою броней прикроешь вновь,
 Я и подавно им воздам с лихвой».
 3260 Вот так храбрец Гильом Короткий Нос
 В печали и нужде семь лет провел.
 Но поведем теперь мы разговор
 О том, кто спас Гильома из оков,
 Сражался с графом встарь к плечу плечом
 3265 И кормщиком Ландри был наречен,
 Как говорит преданье.

LX

В сырой темнице граф Гильом сидит.
 Дают ему жестокие враги
 Краюху хлеба в день да жбан воды,
 3270 Грязней и горче коей не найти.
 Его страданья описать нет сил.
 Глумятся часто нехристи над ним,
 Советуют в их веру перейти.
 Сходя с ума от гнева, граф кричит:
 3275 «Ступайте к черту, шлюхины сыны!
 Коль царь небес поможет мне спастись,
 Я вас велю нещадно перебить,
 Ваш город будет взят, сожжен и срыт,
 А Синагон разрублен на куски».
 3280 Но душегубов это лишь смешит.
 Они твердят: «Приятель, не грозись!
 До гроба ты не выйдешь из тюрьмы».
 Граф молвит: «А уж это бог решит».
 Вот так Гильом влачит в темнице жизнь.
 3285 На нем одежда клочьями висит.
 Семь лет не брился он, кудрей не стриг,
 Лица не видно из-под бороды,
 Из-под волос всклокоченных — спины.
 Сном удается силы подкрепить
 3290 Бедняге лишь на выступе стены —
 Постели так он и не получил.
 Граф исхудал, как смерть, и видом дик,
 И голодом вседневным так томим,
 Что распухать начнет, того гляди.
 3295 Он молится: «О боже, мне внемли
 И от оков меня освободи.
 Пусть, впрочем, будет все, как ты велишь».
 Бог своего слугу не позабыл,
 И раны на Гильоме заросли.
 3300 К тому же, послан господом благим

Страдальцу светлый ангел был в ночи,
 И ободрил его в словах таких:
 «Маркграф Гильом Короткий Нос, крепись!
 Испытан судией небесным ты,
 3305 И скоро муки кончатся твои —
 Господь тебе свободу возвратит».
 Гильом в ответ: «Хвала творцу! Аминь!
 Еще вгоню я в слезы сарацин».
 Теперь расстаться с графом мы должны —
 3310 О нем позднее будет речь идти.
 Так вот, среди Гильомовой родни
 Был и один презнатный дворянин,
 Что прозывался кормщиком Ландри
 И с графом дружбу в старину водил.
 3315 Когда, как здесь уже слыхали вы,
 Воитель принял иноческий чин,
 Отрекшись от меча и от брони,
 Объяла скорбь всех, кем он был любим,
 Ландри же этот принял крест с тоски
 3320 И морем отплыл в Иерусалим,
 Надеясь гроб господень посетить,
 Но в плен попал к неверным по пути,
 Семь лет влачил ножные кандалы
 И так творца о помоши молил,
 3325 Что взял один богач-христианин
 И выкупил Ландри с его людьми.
 Сто сорок человек набралось их —
 Как на подбор, все знатные юнцы.
 Когда они свободу обрели
 3330 И потянуло их домой к родным,
 Ландри нанять шаланду поспешил,
 Сумел едой различной запастись,
 Вооружил товарищей своих,
 Все паруса поставил и отплыл.
 3335 Недели две погожи были дни,
 На третью же поднялся страшный вихрь,
 К Палермо судно начало сносить,
 Не справились с шаландой моряки,
 Руль бросили на произвол судьбы,
 3340 Едва успели паруса спустить,
 Перепугались до смерти — и в крик:
 «Пречистая, помилуй и спаси!»
 Шторм бушевал три дня и ночи три,
 Потом Палермо виден стал вдали.
 3345 Все это царь небесный сотворил,
 Чтоб графа из темницы извести.
 Как только ураганный ветер стих,

Вновь стал корабль послушен рулевым,
И взяли на Палермо курс они.
 3350 Но тут корсары с носа и с кормы
На трех галерах судно обошли,
К бортам намереваясь подвалить.
Матросов снова страх оледенил,
Зато Ландри сказал своим: «Бойцы,
 3355 Ужель прикончить мы себя дадим?»
А те: «Как вы подумать так могли?
За жизнь свою с лихвой взыщем мы».
Взялись юнцы за копья и мечи,
Меж тем корсары на шаланду прыг
 3360 И пу ее защитников косить,
Но дорого атака всталася им —
Легло полсотни извергов костьми.
Какой, однако, в этом прок и смысл,
Коль у французов чуть не все мертвы?
 3365 Лишь тридцать из ста сорока в живых.
Скажу одно, чтоб вас не утомить:
В плен угодили снова смельчаки.
Бежать нельзя им было.

LXI

У нехристей в плену Ландри отважный
 3370 И те французы, что не пали в схватке,
Сто сорок было их — лишь тридцать стало.
Приводят к Синагону их корсары
И молвят: «Да цветет твоя держава!
В плен тридцать человек французов взято,
 3375 Сто десять остальных убиты нами.
Они — дворяне и сражались храбро.
Один из них особенно опасен.
Зовут его Ландри, он росл и статен,
И за сеньора всеми почитаем,
 3380 И узами родства, сдается, связан
С Гильомом, нашим недругом заклятым.
В твоей они, король, отныне власти».
Тот выразил корсарам благодарность
И пленников велел доставить в башню.
 3385 Выспрашивать там Синагон их начал:
«Бароны, без утайки отвечайте,
Впрямь есть у вас владения и замки,
Впрямь вы французы и рождением знатны?
Ну, кто вы — рыцари иль горожане?
 3390 Да прибегать не вздумайте к обману:
Все — бородой клянусь! — пойму я сразу».

- Ландри ему: «Зачем нам лгать напрасно?
 В Сицилию мы плыли на шаланде.
 Занятье наше — купля и продажа.
- ³³⁹⁵ Торгуем мы квасцами, воском ярым,
 Сукном и альмерийскими шелками;
 Гвоздику, перец, тмин, корицу, ладан
 И благовонья прочие сбываем.
- Торговцы мы, и в том не сомневайтесь».
³⁴⁰⁰ — «Откуда родом вы?» — «Я — понтиналец,
 А сотоварищи мои — нормандцы.
 Пропали в бурю все наши товары,
 И лишены мы средств к существованью,
 Но, слава богу, хоть в живых остались».
- ³⁴⁰⁵ Ответил Синагон: «Вы лжете явно,
 В чем мне свидетель Магомет всеправый,
 Порука — борода моя седая!
 Купцов меж вами нет и не бывало.
 Дворяне вы по виду и повадке.
- ³⁴¹⁰ Итак, скажите правду без утайки,
 Иль идолами нашими ручаюсь,
 Что тотчас же предам вас лютой казни;
 А коль вы прекратите запираться,
 Языческою верой обещаю,
- ³⁴¹⁵ А также Магометом с Терваганом
 И остальными нашими богами,
 Что никого из вас не трону пальцем,
 И с вами поделюсь своим богатством,
 И, верьте, не нарушу эту клятву».
- ³⁴²⁰ Ландри послушал, с мыслями собрался
 И молвил: «Да хранит меня создатель!
 Я, государь, из Франции прекрасной
 И рыцарь,— что б мы там ни сочиняли,—
 Как все, кто к вам сюда со мной доставлен».
- ³⁴²⁵ Король ему: «Поведай, не скрывая,
 Как род зовется твой и чем он славен».
 А тот: «Свидетель бог, не стану лгать я.
 Нет роду моему на свете равных,
 Затем что бьет он сарацин нещадно.
- ³⁴³⁰ Я — Эмери Нарбоннского племянник,
 А граф Гильом Короткий Нос, чья храбрость
 Не раз неверных в бегство обращала,
 Кто взял так много городов богатых,
 Приходится двоюродным мне братом;
- ³⁴³⁵ Все, кто от Эмери родился,— также.
 Святой Денис свидетель, это правда».
 Послушал Синагон, обвел глазами
 Стоявших вокруг неверных.

LXII

- Ответом Синагон доволен был,
³⁴⁴⁰ Немедленно велел накрыть столы,
 Французов пленных усадил за них,
 Употчевал с радушием большим
 И пышно разодел после еды:
 Дал шелковые каждому чулки
³⁴⁴⁵ И кордовской работы сапоги.
 «Хозяин щедр!» — сказал француз один.
 Другой вздохнул: «Нам это не с руки,
 Коль будет за прием расплатой жизнь.
 Боюсь, что мы в петле окончим дни».
³⁴⁵⁰ А третий возразил: «К чему хандрить?
 Что б ни случилось, снова сыты мы.
 День прожили, а дальше поглядим».
 Вновь Синагон меж тем Ландри спросил:
 «Свое мие имя честно назови».
³⁴⁵⁵ А тот: «Какой мие запираться смысл?
 Я прозываюсь кормщиком Ландри,
 И мне родня Гильом, сын Эмери».
 Король сказал: «Пусть я ослепну вмиг,
 Коль ты сейчас не по соседству с ним.
³⁴⁶⁰ Семь полных лет во мраке и грязи
 В подвале этой башни он сидит
 За смерть столь многих из моей родни».
 Гнев чуть Ландри рассудка не лишил,
 Но молвил рыцарь, ярость подавив:
³⁴⁶⁵ «Не верю, государь, я этой лжи:
 Себя вам легче было б ослепить,
 Чем наложить на графа кандалы».
 Король ответил: «Вздор пе городи
 И перестань, приятель, мне дерзить.
³⁴⁷⁰ Коль клятвенно мне обещаешь ты,
 Что соберут весь цвет родной страны
 Людовик, ваш король и властелин,
 Да родичи хваленые твои,
 И тысяча сто французов удалых
³⁴⁷⁵ Пойдут в поход на наши рубежи,
 Чтоб взять Палермо на копье и щит,
 Велю сюда я графа притащить,
 Как следует отмыть, побрить, постричь,
 Одеждой подобающей снабдить,
³⁴⁸⁰ И вдоволь ты наговоришься с ним,
 А после поезжай в края свои».
 Ландри в ответ: «Готов я привести,—
 В чем и клянусь Мавриkiem святым,—

Сюда сто тысяч рыцарей лихих,
 3485 Коль впрямь увижу, что мой родич жив».
 — «Но он неузнаваем стал на вид».
 «Его узнаю я», — сказал Ландри.
 Французы в возбуждение пришли
 И зашептались: «Господи, спаси!
 3490 Затем король нас хочет отпустить,
 Что трусами беспомощными мнил
 И мыслит всех французов перебить,
 Казнить или сгноить на дне темниц,
 Но бог ему не даст на это сил,
 3495 И коль Гильом досель еще в живых,
 Жестоко просчитываются враги».
 Король позвал смотрителя тюрьмы.
 Язычника хитрей не видел мир.
 Мотаром звался этот сарацин.
 3500 Рек Синагон: «Мотар, в подвал спустись
 И к нам Гильома живо приведи —
 Пускай с Ландри увидятся они».
 Мотар в ответ: «Исполню, господин».
 По лестнице сбежал тюремщик вниз,
 3505 Люк над тюрьмой подземною открыл
 И крикнул: «Эй, безумец, выходи!
 К столбу привязан ныпче будешь ты,
 И так тебя изрешетят стрелки,
 Что твой господь уже не воскресит».
 3510 Граф спал, затем что за день истребил
 Сот десять с лишним змей, и жаб, и крыс,
 На эту печисть много сил убил.
 Он прикорнул на выступе стены,
 Сквозь сон услышал, как Мотар кричит,
 3515 Проснулся, сел, стал нехристя честить:
 «Зачем меня ты будишь, шлюхин сын?
 Не мог другого времени найти?
 Мой самый сладкий сон ты перебил.
 Мне снилось, что меня освободить
 3520 Явились в башню с кормщиком Ландри
 Отважные французы».

LXIII

Стал граф Гильом от гнева сам не свой,
 К тюремщику такую речь повел:
 «Бездельник, черт тебя сюда припес!
 3525 На кой ты ляд нарушил мой покой?
 Тебя я придушил бы, если б мог.
 Уж целый месяц мне забыться сном
 Мешала нечисть, коей здесь полно.

- На выступе стены я днесь прилег,
 3530 И откровенье мне явил господь,
 И я увидел, погрузившись в сон,
 Что кормщиком Ландри — он родич мой —
 Отряд французов в башню приведен.
 Пятнадцать лет иль более того
 3535 Не чувствовал я радости такой,
 Но тут ты все испортил, обормот.
 Не будь тебя, была бы эта ночь
 Счастливейшею на веку моем».
 Мотар захочатал и произнес:
 3540 «Сдается мне, ты тронулся умом,
 Но сон твой вещий — правда, а не ложь:
 Здесь в самом деле этот родич твой.
 С ним тридцать удалых дворян-юнцов.
 Он вез их глянуть на господень гроб,
 3545 Но в море взят корсарами в полон».
 Услышав про Ландри, вскочил Гильом
 И так восклинул в радости большой:
 «Хвала тебе, создатель! Час грядет,
 Когда я на свободу выйду вновь».
 3550 Тюремщик рассмеялся: «Экий вздор!
 Мишенью раньше станешь ты живой».
 В подвал спустил конец веревки он
 И сунул шест, что крепок был и толст.
 Граф обмотал себя веревкой той,
 3555 Влезть по шесту попробовал с трудом,
 И вверх язычник стал тащить его,
 Но не приподнял даже на вершок —
 Груз оказался чересчур тяжел.
 Мотар славян и сарацин зовет:
 3560 «Прошу вас Магометом мне помочь.
 Один я не управлюсь ни за что.
 Наверное, вселится в графа черт:
 Я думал, что вкопец он истощен
 И от недоеданья полумертв,
 3565 А весу стало многое больше в нем.
 Где только здоровяк такой рожден!»
 За вервь пятнадцать нехристей взялось,
 И узник был из люка извлечен.
 Мотару тут же бросил он в лицо:
 3570 «Ты груб и дерзок был, подлец, со мной
 И помешал мне досмотреть мой сон.
 С тобой сейчас я расплачусь за все».
 Граф нехристю не тяжким кулаком —
 Ребром ладони челюсть расколол
 3575 И зубы из нее повышил вон.

Страж наземь пал и кровью изошел.
 Объяли остальных тоска и злость,
 Но граф пинками их погнал вперед,
 Туда, где находился Синагон.

3580 С запавшими глазами, бледен, тощ,
 С нечесаной косматой бородой,
 В одежде, ставшей рушищем давно,
 Граф вызывал сочувствие и скорбь
 В любом, кто б на него ни бросил взор.

3585 Едва Гильом переступил порог,
 Ландри узнал сородича легко
 По росту, по размеру рук и ног,
 По шраму, украшающему нос,
 И с горя тут же без сознанья — грох.

3590 Когда ж был кормщик в чувство приведен,
 К Гильому устремился он бегом,
 Сто раз облобыздал его тепло,
 Чем и растрогал узника до слез.
 Но тут Гильому объявил король:

3595 «Узнай, француз, что мною решено.
 Свободу я вернуть тебе готов,
 Но только при условии одном —
 Чтоб возвратился вновь Ландри домой
 И к нам привел французов тысяч сто,

3600 А то и вдвое большее число.
 Пускай Людовик, ваш король и вождь,
 Равно как и весь твой хваленый род
 Берут мою столицу на копье.
 Коль нам сломить удастся пришлецов,

3605 Французов мы иль на кострах сожжем,
 Иль просто превратим в рабочий скот,
 И будет ваш Людовик под ярмом
 Влачить соху по бороздам, как вол,
 И гряну я на Францию войной,

3610 Надену в Сен-Дени венец на лоб;
 А коль убит я буду, иль пленен,
 Иль силой изгнан из земли родной,
 Вам отойдут моя страна и трон».

Гильом воскликнул: «Боже, недалек
 3615 Час моего спасенья от оков!»
 Велел король, чтоб тотчас был Гильом.
 Умыт, побрит, пострижен, умащен,
 Наряжен в бархат и тончайший шелк,
 В легчайшие из кордовских сапог.

3620 Граф долго отъедался в вечер тот,
 Посасывал кларет, тянул вино.
 Язычники довольны королем,

Твердят: «Французам мы дадим урок»,—
 Но не подозревают, что их ждет.
³⁶²⁵ Так время до рассвета и прошло.
 В путь собираясь начали с зарей
 Ландри и сотоварищи его.
 Король им дал отменных скакунов
 И кошели с серебряной казнью —
³⁶³⁰ Все скоро он себе с лихвой вернет.
 Вскочили ловко удальцы в седло,
 Гильому низкий отдали поклон,
 А тот ответил им: «Храни вас бог!
 Не забывать меня молю Христом»,—
³⁶³⁵ И попеслись они во весь опор.
 Дни их пути едва ли мы сочтем.
 Юнцы минуют много городов,
 Лугов, полей, лесов, холмов и гор
³⁶⁴⁰ И прибывают в достодолжный срок
 Во Францию, куда их так влекло
 Все годы на чужбине.

LXIV

Ландри пределов Франции достиг
 На радость ближним и друзьям своим,
 Но не забыл, что долг ему велит
³⁶⁴⁵ Освободить Гильома из тюрьмы.
 Отправился немедля он в Париж,
 Где со двором король Людовик был,
 О помощи возвзвал, простервшись ниц.
 Людовик встал, облобызаясь с ним,
³⁶⁵⁰ Спросил: «С чем, друг, пожаловали вы?»
 Ландри сказал: «Отвечу, властелин.
 Решил я ехать в Иерусалим,
 Господень гроб увидел и почтил,
 Но в плен попал, пойдя на сарацин,
³⁶⁵⁵ И много лет провел в тюрьме у них.
 В свой час господь свободу возвратил
 Мне и ста сорока бойцам моим,
 И радостно домой поплыли мы,
 Но встретили корсаров по пути.
³⁶⁶⁰ Осталось только тридцать нас в живых,
 И были мы в цепях увезены
 В Палермо, главный город той земли,
 Где многомощный Синагон царит.
 Спросил он, кто мы, из краев каких,
³⁶⁶⁵ И правду счел я нужным не таить.
 В Палермо и Гильома мы нашли.
 Семь лет почти без пищи и воды

В тюрьме у Синагона он сидит». Людовик задрожал от слов таких:
 3670 «Ужель, о боже, граф доселе жив?
 Семь лет его пытался я найти
 И полагал уже, что он погиб».
 «Нет, государь,— ответствовал Ландри,—
 Гильом влечит в Палермо кандалы.
 3675 Чтоб в этом нас наглядно убедить,
 Его к нам из темницы привели,
 Голодного, в лохмотьях и грязи.
 Дать клятву Синагон мне предложил,
 Что я вас, мой сеньор и господин,
 3680 Уговорю собрать весь цвет страны,
 Сто с лишним тысяч рыцарей лихих,
 И силой с ним померяться прийти.
 Коль нам удастся нехристей сломить,
 Он вам Гильома возвратит живым,
 3685 Сполня отдаст владения свои;
 А коль неверных мы не победим,
 Вас в рабство этот изверг обратит,
 Заставит, как вола, соху влечить
 Или сдерут с вас кожу палачи.
 3690 Гильом же вот что вам сказать просил:
 Коль он хоть раз сумел вам услужить,
 Спасти ему не откажите жизнь
 Ради того, кто был распят за ны.
 Поторопитесь графу пособить.
 3695 Ведь он, всем супостатам вопреки,
 Вам на чело корону возложил,
 Которой домогался Эрнеис.
 Когда вас от престола отстранить
 Замыслил этот дерзкий бунтовщик,
 3700 Гильом его своей рукой сразил
 И Карлу не дал темя вам остричь.
 Сегодня вы — клянусь творцом благим! —
 За верность графу отплатить должны.
 Ведите рать на вражьи рубежи,
 3705 И к вам примкну я с домом Эмери».
 Король в ответ: «Здесь просьбы не пужны.
 Апостолом клянусь, блюдущим Рим,
 Гильома жажду я и сам спасти.
 Отрадней мне лишиться головы,
 3710 Чем дать его в узилище сгноить.
 Я соберу французские полки,
 Анжуйцам и фланандцам удалым,
 Нормандцам и бретонцам брошу клич.
 Напрасно дерзкий Синагон спешит

- ³⁷¹⁵ Себе на горе меч со мной скрестить.
 У нас — свидетель мне святой Денис! —
 Достанет сил, чтоб нехристей разбить.
 За графа лечь готовы мы костьми».
 А Бланшфлер сказала: «Да хранит
³⁷²⁰ Тебя, супруг мой, тот, кем создан мир!»
 Велел Людовик написать эдикт,
 Чтобы его племянник Балдуин
 И граф, что правил Пуату в те дни,
 Собрали всех, кто может меч носить,—
³⁷²⁵ Сеньоров и вассалов их честных.
 Тем временем на зов Ландри в Париж
 Стекались и потомки Эмери,
 Так что когда стянулись все бойцы,
 То в Сен-Жермен, где сбор устроен был,
³⁷³⁰ Явилось полтораста тысяч их.
 Ошеломили б вас там блеск брони,
 Сверканье шлемов, звон мечей стальных,
 И ржанье скакунов, и стук копыт.
 Четыре дня тот смотр Людовик длил,
³⁷³⁵ Затем из всех, кто у него в чести,
 Избрал наидостойнейших двоих.
 Граф Данмартен — вот как звался один;
 Прево Саплисский — вот кто был вторым.
 Король престол блюсти им поручил,
³⁷⁴⁰ Покуда не вернется он с войны,
 И тут же приказал поход трубить.
 Рать на Палермо повели Ландри,
 Граф Аселен де Дре и Ансеис,
 Что титул графа де Блуа носил.
³⁷⁴⁵ Король облобыздал уста жены
 И помолился, чтобы оградил
 Ее от бед всевышний.

LXV

- Май наступил, все полно жизни новой.
³⁷⁵⁰ Король Людовик едет перед войском,
 Большим и хорошо вооруженным,
 Из милой Франции его уводят
 В Бургундию, затем в Прованс привольный,
 Тулузу и Бордо минует тоже,
³⁷⁵⁵ Пересекает реки, долы, горы,
 Ни днем не соглашается, ни ночью
 До самого Палермо стать на отдых.
 Он по стране безлюдной едет долго,
 Но видит наконец враждебный город.
³⁷⁶⁰ Французы разбивают стан проворно,

Край начинают разорять жестоко,
О чём гонцы доносят Синагону.
Король от гнева чуть с ума не сходит,
В своем дворце бросается к окошку,
²⁷⁶⁵ Французский стан окидывает взором.
Палаткам и шатрам там нету счету,
И ветер стяги развевает гордо,
И на конях кастильских мчат бароны.
Король своих сзыгает полководцев:
³⁷⁷⁰ «Немедля к бою, рыцари, готовьтесь.
Не миновать сражения сегодня.
Из городских ворот мы выйдем в поле,
Нежданно во французский стан ворвемся».
Те отвечают: «Так всего удобней».
³⁷⁷⁵ Вот с главной башни трубный зов несется.
Язычники — их двадцать тысяч ровно —
Берут оружье, надевают брони.
Дает им отпущенное клир безбожный.
Часть нехристей выходит за ворота,
³⁷⁸⁰ Другая же на стенах и башнях мощных
За луки с арбалетами берется,
Закладывает ядра в камнеметы,
Французское обстреливает войско.
Приказывает Синагон Гильома
²⁷⁸⁵ Упрятать в башню и стеречь надежно.
Граф смотрит сквозь оконные решетки:
Вон стан французский, вон орел на солнце
Пред ставкой королевской блещет гордо.
Смельчак сдержать не в силах слез и молвит:
³⁷⁹⁰ «Зачем не со своими я, о боже?
Резню бы сарацинам я устроил,
Их до ночи прикончил бы три сотни».
Мчит Синагон вперед с такой охотой,
Что ласточку, пожалуй, перегонит.
³⁷⁹⁵ Он мнит, французы ни гроша не стоят,
И удержать его теперь от боя
Все золото Битерны не смогло бы.
Французов плених впрячь в соху он хочет,
С их короля — содрать прилюдно кожу,
²⁸⁰⁰ Но коль господь и Дева им помогут,
Отнюдь не так все завершится к ночи,
Как нехристь ожидает.

LXVI

На вылазку несутся сарацины
В доспехах звонких, на конях сирийских.
²⁸⁰⁵ Готовятся и христиане к битве,

В кольчуги облекаются тройные,
На резвых скакунов садятся лихо.
Рогов и труб гремит раскат призывный.
Людовик восклицает горделиво:
3810 «Французы, Монжуа! За нас всевышний!»
Ландри высоко орифламму вскинул.
В атаку десять тысяч наших мчится.
Близ кормщика — граф Фландрский, смелый рыцарь,
Нормандский герцог с графом Пикардийским,
3815 Гюен де Ман и граф Тибо Павийский.
Ведет король Людовик вслед за ними
Своих дворян пятнадцать тысяч с лишним.
Им Синагон навстречу в поле вышел,
С собою взяв неверных тридцать тысяч.
3820 Ландри отважный Синагона видит,
На короля коня пускает рысью,
И нехристь в свой черед к нему стремится.
Разят врачи друг друга что есть силы.
Расколоты у них щиты стальные,
3825 Кольчуги от ударов расскочились,
И оба в этой исступленной сшибке
Ногами кверху на землю свалились,
Но поднялись и в ход мечи пустили.
«Признайся, кто ты,— Синагон воскликнул.—
3830 Пусть в пекло Магомет тебя низринет!
Едва-едва ты не сломал мне спину».
Ответил кормщик: «Не хочу таиться.
Ландри перед собой ты видишь, изверг.
С тобою, Синагон, теперь мы квиты:
3835 Я сделал то, в чем клятвой поручился,—
С французским войском под Палермо прибыл,
Чтоб у тебя из рук Гильома вырвать».
«Сдержкал ты слово,— говорит язычник,—
И Франция теперь мне покорится».
3840 Сражается Ландри, как рыцарь истый,
Да сохранит его в бою зиждитель!
Теснит он короля без передышки,
По шлему бьет его, от уха близко,
Но успевает нехристь уклониться,
3845 И меч, скользнув по вражьему затылку,
Лишь добрый щит с размаху половинит,
Хоть, правда, из кольчуги, им расшитой,
Четыреста колец в траву скатилось.
Король сказал: «Тебе я ненавистен
3850 И бородой своей ручаюсь длинной,
Зря в прошлый раз тебя мы не казнили».
К своим король отпрянул с бранным кличем,

Ландри ж достался конь его нубийский.
 Французы с сарацинами схватились.
 Тела неверных землю устелили.

Гюон де Ман, граф Фландрский, смелый рыцарь,
 Нормандский герцог, Эрканбо Павийский
 Дерутся, не щадя ни сил, ни жизни,
 Но Синагон уже приободрился,

А вслед за ним и нехристи другие.
 Противники дождем удары сыплют,
 По шлемам бьют венгерским, апулийским,
 Из них клинками высекают искры.

Теснит французов Синагон спесивый,
 И дальше, чем на арбалетный выстрел,
 Слабея, христиане отступили.
 К их лагерю неверные все ближе.

Побагровел Людовик, громко крикнул:
 «Святой Денис, будь нам в беде защитой!»

Французы, Монжуа! Смелей разите!
 Отбить Гильома у врагов должны мы
 И без него домой не возвратимся.
 Семь лет в палермской он сидит темнице,
 Где у окна его я вижу ныне.

Будь с нами граф, давно б мы победили:
 Он кулаками голыми в могилу
 Две тысячи неверных уложил бы».
 Отвагу в наших эта весть вселила.

Они на башню взоры устремили,
 Узрели графа в ней и с новым пылом
 Помчались в гущу сечи.

LXVII

Кровопролитен и ужасен бой.
 Гремит труба, ей отвечает рог.
 Уже немало храбрецов легло.

Французы и нормандцы бьют врагов,
 Неверных валят их удары с ног.
 Вот граф Анри Шампанский мчит вперед,
 От остальных уходит далеко,
 Вгоняет Моридану в щит копье,

Затем пронзает нехристю живот,
 С коня свергает труп, бросает зов:
 «Спеши, апостол Павел, нам помочь!
 Французы, Монжуа! Мы верх возьмем.
 Раз дело наше право, с нами бог».

В тоску и гнев приходит Синагон,
 К язычникам взывает во всю мочь:
 «Смелей, бароны! Вас награда ждет.

Коль одолеем, на костре живьем
 Всех пленников сожжем до одного».
³⁹⁰⁰ Неверные опять берут в галоп
 И атакуют наших.

LXVIII

Удары тяжки, грозен битвы гул.
 Французы во всю мочь мечами бьют.
 Ландри с роднею Эмери врагу
³⁹⁰⁵ Перевести не позволяет дух.
 Взглянуть бы вам на ратную страду,
 Увидеть, как ложится труп на труп,
 Как, с Синагоном встав плечом к плечу,
 Крюко, и Кодроэ, и Капалю,
³⁹¹⁰ Экен, сеньор Неаполя, Фабюр,
 Корсо Овернский, Каин-душегуб
 И турок Родоан чинят резню,
 Как яростно схватились грудь на грудь
 Две рати под громовий лязг и стук!
³⁹¹⁵ Вот уж и день к закату повернулся.
 Отходит Синагон, как он ни лют,
 Спешит укрыть в Палермо рать свою.
 Досталось лихо в схватке королю,
 В нее вступил себе он на беду:
³⁹²⁰ Трофеев наши захватили тьму,
 Коней и мулов в лагерь свой ведут,
 Всю ночь возносят господу хвалу;
 Людовик же дает обет творцу —
 Не раньше в край родной направить путь,
³⁹²⁵ Чем графа вырвет у врагов из рук,
 А город сдастся и его снесут.
 В страхе Синагон повергся и тоску,
 Клянется и Магомета и Каю:
 «Не защитили вы мою страну,
³⁹³⁰ И вопреки обету своему
 Гильома я повесить не могу».
 Он мечется от злости по дворцу,
 Велит Гильома привести к нему
 И говорит: «Ты знаешь ли, француз,
³⁹³⁵ Что ваши потеснили рать мою?
 Не думал я, что верх они возьмут,
 Что так они отчаянны в бою».
 Гильом в ответ: «Чему дивиться тут?
 Гроша не стоит, господом клянусь,
³⁹⁴⁰ В сравненье с ними твой неверный люд.
 Когда бы в их рядах, надев броню,
 Сейчас я очутился на лугу,

Пришел бы бой еще скорей к концу:
 Пятьсот иль больше нехристей мечу
 3945 Я предал бы немедля.

LXIX

«Француз,— Гильому Синагон сказал,—
 Семь лет в темнице я гноил тебя,
 Но выпустил, стал в холе содергать.
 Мне отплатили злом твои друзья,
 3950 С оружием вторглись в наш богатый край.
 Коль клятвенно готов ты обещать,
 Что меч в бою поднимешь за меня
 И не изменишь слову никогда,
 Конь для тебя найдется и броня,
 3955 Полкоролевства я тебе отдам,
 Ты пополам со мной разделишь власть,
 И выйдет за тебя моя сестра.
 Когда же Магомет и Терваган
 Помогут нам и Францию занять,
 3960 Правителем ты сделаешься там.
 А не согласен, грош тебе цена
 И — Баратон, наш бог, солгать не даст! —
 Повешен мною будешь ты, как тать».
 Граф молвил: «Черт тебя да стащит в ад!
 3965 Ты, трус, мне казнью угрожаешь зря.
 Знай это тот, чей столыный город — Лан,
 За жизнь твою я не дал ни гроша б:
 Давно бы сжег тебя Людовик наш,
 Иль кожу, пес, живьем с тебя содрал».
 3970 В ответ король не молвил ни словца,
 Лишь приказал под стражу графа взять,
 Глаз не спускать всю ночь со смельчака.
 Меж тем наследник Карлова венца
 К себе в шатер велел гонца позвать,
 3975 Дал грамоту ему и молвил так:
 «Запомни хорошенько мой наказ:
 В Палермо к Синагону путь направь
 И передай, ни слова ни тая,
 Что надлежит ему Гильома к нам
 3980 Без выкупа доставить сей же час,
 Затем прибыть с вассалами сюда
 И перейти в святой закон Христа.
 А если он посмеет возражать,
 Предупреди, что до скончанья дня
 3985 В сраженье я сломлю его войска,
 Его венец и трон втопчу во прах».
 Гонец в ответ: «Исполню, государь».

Король Людовик отпустил гонца.
 Тот без задержки вышел из шатра,
³⁹⁹⁰ Дал шпоры и в галоп погнал коня,
 Влетел в Палермо, по мосту промчал,
 И отвели его в донжон дворца,
 Где Синагон укрылся.

LXX

Гонец французский прибыл к Синагону,
³⁹⁹⁵ Ему такое слово молвил гордо:
 «Повелевает Карлов сын Людовик,
 Чтоб ты свободу возвратил Гильому
 И перешел в Христову веру тотчас.
 А коль не согласишься — жди разгрома:
⁴⁰⁰⁰ Твой край Людовик разорит жестоко,
 Прикажет взять и срыть твой стольный город,
 Тебя же ввергнет в тяжкие оковы,
 В Париж и Шартр на казнь отправит после».
 Чуть не рехнулся Синагон от злости:
⁴⁰⁰⁵ «Пусть Магомет сразит тебя, негодник!
 Не будь посланца обижать зазорно,
 Тебя на первом дереве б я вздернул.
 Людовику в ответ ты скажешь только,
 Чтоб на меня не тратил зря угрозы:
⁴⁰¹⁰ Они в моих глазах гроша не стоят.
 А коль он сам мне в руки попадется,
 Я Францию навеки опозорю».
 Гонец дослушал, поскакал в дорогу,
 Вернулся в стан французский.

LXXI

⁴⁰¹⁵ Все нехристю сказав, что долг велит,
 Гонец от Синагона мчит к своим.
 Ни разу он не отдохнул в пути.
 Король его увидел и спросил:
 «Как Синагон намерен поступить?
⁴⁰²⁰ Согласен или нет он из тюрьмы
 Отважного Гильома отпустить?»
 Ответствует гонец: «Ошиблись вы.
 Клянется Магометом сарацин,
 Что не уйти Гильому от петли».
⁴⁰²⁵ Король ему: «Вовек тому не быть!»
 Зовет к себе он кормщика Ландри:
 «К воротам всех моих людей стяни —
 На штурм пойдем мы с этой стороны.
 Себе не дам я отдых ни на миг,
⁴⁰³⁰ Пока Гильома не освободим».

Ландри приказ исполнить поспешил.
 Во все рога велел он затрубить.
 Французы за оружие взялись.
 Повел Людовик к стенам городским
⁴⁰³⁵ Бойцов не меньше тысяч тридцати.
 На башне нехристь Синагон стоит.
 Увидел он французские полки
 И в рог велел трубить изо всех сил.
 В бой турки снарядились как один,
⁴⁰⁴⁰ Оседланы лихие скакуны.
 Вот двадцать тысяч сарацин взошли
 На городскую стену и валы.
 Тот кол, тот лук, тот арбалет схватил.
 Французы же — господь их защити! —
⁴⁰⁴⁵ Неустрашимо лезут через рвы,
 Ломают стену с грохотом большим,
 Ее стремятся разнести в куски.
 Колы в них турки мечут с высоты,
 Их с лестниц в воду сбрасывают вниз.
⁴⁰⁵⁰ У короля французов кровь кипит.
 Он восклицает: «Днесь увидим мы,
 Кто и насколько рад творцу служить,
 А также графу, что нас так любил.
 Кто нехристей отважно будет бить,
⁴⁰⁵⁵ Того отец небесный наградит —
 В рай по кончине даст ему войти».
 Король французов этим подбодрил,
 На приступ снова ринулись они.
 Не молкнет стрел и копий громкий свист.
⁴⁰⁶⁰ Кричат французам яростно враги:
 «Нет, трусы, вам победы не добыть,
 Вовек не снять с Гильома кандалы!»
 Французы отвечают: «Поглядим.
 Бог даст, в полон король въч угодит,
⁴⁰⁶⁵ И разорвем его мы лошадьми»
 Такой ответ неверных разъярил.
 Посыпались дождем удары их.
 Меж тем из башни граф Гильом глядит,
 Как нехристей сражают земляки,
⁴⁰⁷⁰ И молвит: «Боже, сотворивший мир,
 Как горько тут сидеть мне взаперти,
 Когда дерутся наши!»

LXXII

Ужасен приступ, яростно сраженье.
 Идут на штурм французы неудержно,
⁴⁰⁷⁵ По лестницам наверх упорно лезут,

Ломают стены с грохотом и треском,
 Пускают луки в ход и арбалеты,
 Во рвы свергают сотнями неверных,
 А турки отражают наступленье,
⁴⁰⁸⁰ Большие камни во французов мечут,
 Их навзичь в воду сбрасывают с лестниц,
 В них ядра шлют из камнеметов сверху,
 Из арбалетов выпускают стрелы.
 Кричат французы: «Праведное небо,
⁴⁰⁸⁵ Несем мы нынче страшные потери,
 И, чтоб Гильома вызволить из плена,
 Немало молодежи ляжет в землю».
 Ужасен приступ, яростно сраженье.
 Бой не стихает, хоть подходит вечер.
⁴⁰⁹⁰ Противники друг друга рубят смело.
 Урон огромен со сторон обеих.
 Штурм прекратился, лишь когда стемнело.
 Французы в лагерь отошли неспешно,
 Палермо турки удержать сумели.
⁴⁰⁹⁵ К ним Синагон такое слово держит:
 «Поверьте, не пройдут и две недели,
 Как рать французов мы во прах повергнем,
 Их короля казним за все в отместку,
 Ко мне в тюрьму под башней сгоним пленных,
⁴¹⁰⁰ В Палермо увезем французских женщин,
 И в Сен-Дени корону я надену».
 В гнев привели Гильома эти речи,
 И молвил он с лицом побагровевшим:
 «Сквернаец, вздор несешь ты несусветный,
⁴¹⁰⁵ Но сам и будешь лютой казни предан,
 А край твой разоренья не избегнет».
 Побагровел король, услышав это,
 И молвил: «Бородой своей почтенной
 Клянусь, что ты, Гильом, не в меру дерзок».
⁴¹¹⁰ Вот так и завершился этот вечер.
 Стоят французы станом под Палермо.
 Дотла опустошили край окрестный,
 А жителей подвергли разоренью,
 Поубивали иль согнали с места.
⁴¹¹⁵ Уже седьмой осада длится месяц.
 Припасов у неверных больше нету,
 И голод угрожает населенью.
 Сошлись к дворцовой башне турки в гневе —
 Пусть Синагон послушает их пени
⁴¹²⁰ И примет наконец в соображенье,
 Как много бед его вассалы терпят.
 «Как жить без мяса, солонины, хлеба?»

Чем будем мы кормить себя и семьи?
 Вы возвратить должны единоверцам
⁴¹²⁵ Гильома, будь он проклят Магометом!
 Из-за него все наши огорченья,
 И голод, и болезни».

LXXXIII

Послушал Синагон своих людей,
 Всем сердцем воскорбел об их нужде,
⁴¹³⁰ К нему Гильома привести велел,
 Сказал: «Сеньор Гильом, внемлите мне.
 Склоните ваших, чтоб ушли отсель,
 Во Францию отправились к себе,
 И я вас отпущу за ними вслед.
⁴¹³⁵ Будь проклят день, когда я вас узрел:
 Весь мой народ вы обрекли на смерть.
 А не склоните — завтра же на рель —
 В чем и клянусь вам бородой своей —
 Вас вздернут на глазах французов всех».
⁴¹⁴⁰ «Нет, не посмеешь, трус! — Гильом в ответ.—
 А замысел твой, Синагон, нелеп.
 Назад французов не ушлешь уже.
 Их войско не уйдет из этих мест.
 Иэрублен будешь ты в куски, злодей,
⁴¹⁴⁵ Сгорят твои вассалы на костре.
 Себе на горе взял меня ты в плен».
 От гнева чуть не тронувшись в уме,
 Вновь Синагон Гильома в башню вверг
 И приказал в рога трубить скорей.
⁴¹⁵⁰ Хватает каждый нехристь свой доспех,
 А Синагон сзыывает королей
 Роара, Матамара, Морайе,
 Экена из Неаполя, Трофье,
 Брейе и Моридана с Кодроэ
⁴¹⁵⁵ И с ними сорок тысяч человек
 На резвых скакунах, в стальной броне.
 Перед такими трудно не сробеть.
 Рать вылетает из палермских стен
 Пятнадцатью колоннами в карьер.
⁴¹⁶⁰ Штандарт несет Энбо, лихой боец,
 При нем два короля — Фабюр с Осбье.
 Французы молят, чтобы царь небес
 Помог им в этой битве уцелеть.
 Шлет Синагон в Палермо бирючай —
⁴¹⁶⁵ Пускай объявят по столице весть,
 Что каждый, кто носить способен меч,
 Обязан с войском в поле выйти днесь.

- Крик сарацин разносится окрест.
Людовик подал знак, и рог запел.
⁴¹⁷⁰ Спешат доспехи рыцари надеть.
Меж тем томится граф Гильом в тюрьме.
В отчаянье прижался он к стене,
Глядит на поле, где друг другу встреча
Две рати мчат, трубя что силы есть,
⁴¹⁷⁵ Роняет скорбно слезы из очей
И молвит: «Вышний судия, зачем
Я не сижу в доспехах на коне
И нахожусь не с пашими, а здесь,
Где нехристям чинить не в силах вред! —
⁴¹⁸⁰ Ведь если б — ты порукой в том, творец! —
Мне удалось бежать от сторожей,
Немало б вражьих жизней я пресек».
Но нет на бегство у него надежд:
Нигде ни щели в каменном мешке,
⁴¹⁸⁵ И пятьдесят нубийцев у дверей.
Но помолчим пока о смельчаке
И поведем о близкой битве речь.
Остался на полет стрелы просвет
Меж ратями обеими теперь.
⁴¹⁹⁰ Ренье, архиепископ Сансский, вверх
Над земляками поднимает крест,
Им отпускает прегрешенья все.
Сто восемьдесят рыцарей Ренье,
А также десять тысяч тех, над кем
⁴¹⁹⁵ Ландри начальство принял в этот день,
Встречают первый вражеский наезд.
Пятнадцать тысяч турок мчат в карьер,
Разносится над полем копий треск,
Жестокий бой повсюду закипел.
⁴²⁰⁰ Никто такого не видал вовек.
О нем вам и расскажет наша песнь
До наступленья почи.

LXXIV

- Схватились наши с нехристями люто.
Щиты трещат, ломаются кольчуги,
⁴²⁰⁵ И древки разлетаются со стуком.
Безжалостно враги разят друг друга.
Везде, куда ни ступишь, павших груды,
И раненые корчатся от муки.
Язычники подходят отовсюду.
⁴²¹⁰ Французы молят бога: «Присносущий,
Не попусти, чтоб недругам могучим
Победу уступили ваши люди

И вечный срам покрыл страну родную!»
 Во весь опор конь Матамаром пущен.
⁴²¹⁵ У нехристей воителя нет лучше,
 И дядя Синагону он к тому же.
 Копьем он метит в одного француза,
 Ему с размаху щит ломает круглый,
⁴²²⁰ Бгоняет острие в броню под грудью,
 Его свергает на траву сырую.
 Затем Гюона де Труа он губит.
 Гишар де Матеброн, Жерар Тулузский
 И девять прочих им убиты тут же,
 Да упокоит царь небес их души!
⁴²²⁵ Пришел архиепископ в скорбь большую
 И молвил: «Как язычник злой лютует!
 Коль не отмщу, я богом проклят буду».
 А Матамар вопит, скака по лугу:
 «Язычники, рубите что есть духу!
⁴²³⁰ Еще один напор — и враг отступит.
 Мы Синагона в Риме коронуем,
 Переплыvем стремительно и дружно
 Дордонь, Луару, Сену с Соммой вкупе,
 По самый Кельн захватим край французский».
⁴²³⁵ Коня архиепископ вздыбил круто,
 Галопом устремил его на турка
 И крикнул: «Пусть господь нас с ним рассудит!»
 Копье воизилось в щит, пробило туло,
 Язычнику переломило руку,
⁴²⁴⁰ Из тела вышло со спины наружу,
 И мертвым нехристъ с иноходца рухнул.
 Прелат сказал: «Хвастун, я по заслугам
 Тебе воздал за наших».

LXXV

Шум битвы слышен далеко кругом.
⁴²⁴⁵ Стоят французы смелые стеной,
 Анжуйцы и бургундцы бьют врагов.
 В большую ярость Синагон пришел,
 Узнав о смерти дяди своего,
 Ударил на Жирара де Дижон.
⁴²⁵⁰ Племянником Людовика был тот.
 Вслед за Жираром уложил копьем
 Ансьома из Бретани Синагон,
 Вскричал: «Палермо! Воины, за мной!
 Не победить французам ни за что.
⁴²⁵⁵ Мы Францию захватим, Реймс возьмем.
 Мне там венец возложат на чело». —
 Славян и персов за собой увлек.

- Меж тем скорбит Людовик всей душой
О гибели Жирара де Дижон.
- ⁴²⁶⁰ И восклицает: «Мой племянник мертв.
Соратники, отплатим за него,
Иначе нам цена отныне грош».
В строй нехристей врезается король,
Его бароны мчат за ним вдогон,
- ⁴²⁶⁵ Ландри высоко стяг его вознес.
Летят французы и бретонцы в бой,
Фламандцы, фризы и нормандцы — тож.
Уже немало турок полегло.
- ⁴²⁷⁰ Мечи из шлемов исторгают звон.
Слыхать его в округе на пол-лье.
Обломки копий сыплются дождем.
Свергаются бойцы со скакунов.
Отрубленных голов и рук, и ног
- ⁴²⁷⁵ Везде лежит огромное число.
К своим богам шлют сарацины зов
И молвят: «Поспешите нам помочь.
Гильома зря щадили до сих пор —
Его нам нужно было сжечь давно».
- ⁴²⁸⁰ Кричат французы: «Монжуа! Вперед!»
Ландри подбадривает земляков:
«Смелей разите нечестивый сброд.
Вон башня, где сидит досель Гильом,
Но вызволим мы графа из оков».
- ⁴²⁸⁵ Французы молвят: «Да воинут вам бог
С Марией приснодевой».

LXXVI

- Удары тяжки, долгий бой свиреп.
Среди французов невредимых нет.
Из сил Ландри повыбился совсем:
- ⁴²⁹⁰ Сто с лишним турок он убить успел.
Берут в сраженье христиане верх,
Чем Сипагон повергнут в ярый гнев.
Зовет он сарацина Жозюэ:
- «Скачи в Палермо, друг, во весь карьер
- ⁴²⁹⁵ И шли сюда без промедленья всех,
Кому исполнилось пятнадцать лет
И кто еще не вышел в поле днесь.
А если кто дерзнет приказ презреть,
Тех, коль спасет нас нынче Магомет,
- ⁴³⁰⁰ Предать велю я в руки палачей».
В столицу тотчас поскакал гонец
И жителей уведомить велел,
Что всем мужчинам, окромя детей,

Из городских придется выйти стен
 4305 И королю на выручку приспеть,
 Не то его в бою постигнет смерть.
 Услышали палермцы эту весть,
 И людный город разом опустел:
 Таких, что дома предпочли сидеть,
 4310 Пятнадцати не будет человек.
 Остались город женщины стеречь,
 Мужчины же, ворота заперев,
 Отправились туда, где бой кипел.
 Коль не придет на помощь царь небес,
 4315 Французов ожидают смерть иль плен.
 Граф это в башне вмиг уразумел.
 Оружье было там в большом числе,
 И он кольчугу подобрал себе:
 На загляденье сталь, в плечах сажень,
 4320 В длину не меньше десяти локтей.
 Когда Гильом в кольчугу эту влез,
 Она ему достала до колен.
 «Здоров же тот,— воскликнул удалец,—
 Кто мог ходить и даже драться в ней!»
 4325 Граф также приискал надежный шлем
 И меч Маргланд на левый бок надел,
 Клинок, что Сортибран носил досель.
 Привесь любой другой француз тот меч,
 Он вечно б волочился по земле,
 4330 А графу был по росту и руке.
 Потом увидел и с крюка в стене
 Снял алебарду тяжкую храбрец.
 Он к схватке изготовился вполне,
 Спустился, крикнул страже через дверь:
 4335 «Эй, шлюхины сыны, откройте мне.
 Вступить желаю в бой и я теперь».
 «Нет, не откроем,— нехристи в ответ,—
 Покуда Синагон не будет здесь».
 А граф: «Не отворите — быть беде:
 4340 Я с петель дверь сорву — и вам конец».
 Ударил он ногой что силы есть,
 Сломал засов, дверь высадил затем
 И вышел с алебардой на плече
 Из башни, где семь лет провел в тюрьме.
 4345 Струхнули турки, смельчака узрев.
 Любой бы отдал все, что он имел,
 Чтоб быть оттолъ за тридевять земель.
 Злодеи взвыли: «Нам не уцелеть!
 Сам черт помог ему добыть доспех».
 4350 Накинулся Гильом на сторожей:

Тому тычком под вздох сломал хребет;
Грудь расколол другому, как орех;
Так третьего по черепу огрел,
Что отскочила голова от плеч;

⁴³⁵⁵ Еще двух турок мертвыми поверг.
Кто жив остался, те бежать скорей.
Разнесся их истошный крик окрест:
«На воле граф, свидетель Магомет!
Он двери башни высадить сумел.

⁴³⁶⁰ Француз от злобы не в своем уме,
Сражает всех, кто б ни попался встречь».
Вмиг опустели улицы везде.
Дрожит от страха всяк в щели своей
И шепчет про себя, следя за тем,

⁴³⁶⁵ Как с алебардой шествует беглец:
«Куда это спешит он, живорез?»
Немного было в городе людей,
И графа не отважились задеть,
Но кто посторониться не хотел,

⁴³⁷⁰ Будь это турок, сарацин иль перс,
С тем обходился так лихой боец,
Что оставалось призывать родне
На голову француза всех чертей.
Граф подошел к воротам наконец.

⁴³⁷⁵ Там двадцать турок ждут его уже,
Кричат ему: «Нет, не уйдешь, пришлец!»
Вопит привратник, чтоб их подогреть:
«Во имя Магомета, крепче бей!
Ножом и дротом в грудь злодею меть!»

⁴³⁸⁰ Сбегается на помощь страже чернь:
Тот прихватил дубину, этот жердь.
Летит в Гильома град больших камней,
Восклинул граф: «Спаси меня, творец!» —
Сжал зубы, гордо голову воздел

⁴³⁸⁵ И рипулся в толпу, как дикий вепрь.
Бьет алебардой он, рассвирепев,
Крушит десятки ребер, плеч и шей,
Голов и рук сбирает целый лес.
Мужчин и женщин, павших там, не счесть.

⁴³⁹⁰ Везде лежит мертвей на мертвее.
Ста нехристия теперь не встать вовек —
Так исповедал граф их в этот день.
Острястку живо дал Гильом толпе,
Привратник также смерти не избег,

⁴³⁹⁵ Хоть и сидел на добром скакуне.
Подобный конь галопом при нужде
Идет весь день под рыцарем в броне

И все же остается бодр и свеж.
 Столь метко граф удар направил в цель,
⁴⁴⁰⁰ Что прорубил кольчугу на враге
 И грудь ему напополам рассек.
 Конь вздыбился, на землю труп слетел,
 Мгновенье — и Гильом сидит в седле.
⁴⁴⁰⁵ На шею щит привратника надев,
 Он к полю битвы скакет на коне
 И от него уже невдалеке,
 Но герб чужой у графа на щите,
 И пехристи кричат: «Нас ждет успех!
⁴⁴¹⁰ Подходит к нам Кено, король Робэ».
 Им вторит Синагон: «Весьма он смел,
 Да и наездник прочим не в пример,
 К тому ж хорош собою».

LXXVII

Летит Гильом туда, где жарче бой,
 Коня нещадно шпорит своего,
⁴⁴¹⁵ Врываются с разгона в строй врагов,
 Бьет алебардой турка одного;
 Раскалывает добрый шлем на нем,
 С седла его свергает на песок.
 Экен, Корсо д'Аверс, Фабюр-король,
⁴⁴²⁰ Эрне, и Рандипель, и Рюбион,
 И Белине убиты смельчаком.
 Язычники бранятся: «Что за черт!
 Кено всех наших этак перебьет».
 «Клянусь вам,— отвечает Синагон,—
⁴⁴²⁵ Что перед вами вовсе не Кено,
 А граф, что в башне был оставлен мной.
 Сам сатана бежать ему помог,
 И коль сейчас мы не убьем его,
 Он в руки нам уже не дастся вновь».
⁴⁴³⁰ Послушал и сказал врагам Гильом:
 «Да, шлюхины сыны, воючий сброд,
 Я вправду граф Гильом, слуга Христов,
 И к вам опять не угожу в полон».
 А Синагон ему: «Я зря с тобой
⁴⁴³⁵ И с кормщиком Ландри знакомство свел.
 Тебя я вздернуть должен был давно,
 Но из тюрьмы ради него извлек
 И клятву дал ему, что жив-здоров
 Из плена возвратишься ты домой,
⁴⁴⁴⁰ Коль он сюда французов приведет,
 Чтоб меч решил наш давний бранный спор.
 Я поступил тогда как сумасброд,

И пынче мне воздалось поделом».
Гильом в ответ: «Не я тому виной.
⁴⁴⁴⁵ Семь долгих лет ты причинял мне зло,
И в свой черед тебе верну я долг.
Свидетель мне Гервасий, муж святой,
До смерти буду я тебе врагом,
В чём и не сомневайся».

LXXVIII

- ⁴⁴⁵⁰ Вняв графу, скрипнул Синагон зубами
И отдал сарацинам приказанье:
«В атаку, и покончите с ним разом!»
Неверных десять сот и шесть десятков
Со всех сторон воителя обстали,
⁴⁴⁵⁵ Шлют стрелы, мечут дротики и камни.
Кто видел, как в тот день Гильом сражался,
Как рассыпал отчаянно удары,
Тот вправе утверждать: «Нет графу равных!»
Сразил он тридцать нехристей пещадно,
⁴⁴⁶⁰ Но пал под ним скакун его испанский.
Французы слышат, как Гильом взывает:
«Святой Денис, будь мне в бою оградой!»
Людовик говорит своим вассалам:
«Вам, Ги Бургундский с Балдуином Фландрским,
⁴⁴⁶⁵ Аисельм Немецкий, Балдуин Шампанский,
Граф де Блуа, Эрне де Бле отважный,
И вам, Ландри, спасеньем я ручаюсь,
Что этот клич, завещанный нам Карлом,
Издал сейчас смельчак Гильом Оранжский».
⁴⁴⁷⁰ Ландри в ответ: «Святой апостол Павел!
Неужто вправду граф бежал из башни?
Тогда к нему спешить на помощь надо».
Король сказал: «Мы ждать нас не заставим».
Французы дружно ринулись в атаку,
⁴⁴⁷⁵ Жестокую возобновили схватку,
Обрушились на турок беспощадно,
Берут их на копье, разят мечами,
С коней свергают и па землю валят,
Их плотный строй повсюду прорывают.
⁴⁴⁸⁰ Ландри вперед несется с орифламмой
В сопровожденье целого отряда
Нарбоннцев и отважных провансальцев.
Прокладывает путь себе туда он,
Где бьется граф, в кольцо врагами взятый.
⁴⁴⁸⁵ Так лют и мощен сарацинский натиск,
Что в тридцать мест Гильом бесстрашный ранен,
Но все-таки тяжелой алебардой

По-прежнему неверных держит в страхе.
 Ландри едва от ярости не спятил,
⁴⁴⁹⁰ С Экеном Морианским поравнялся,
 Свалил врага одним ударом наземь,
 Его коня подвел поспешно к графу:
 «Сеньор Гильом, в седло! Ландри пред вами,
 Тот, что поклялся помочь вам доставить.
⁴⁴⁹⁵ Привел сюда король Людовик рати
 Своих французов смелых».

LXXIX

Гильом легко на скакуна вскочил
 И крепко обнял кормщика Ландри.
 Подъехал тут король Людовик к ним,
⁴⁵⁰⁰ Спросил Гильома: «Граф, вы спасены?» —
 — «Да, государь, пусть вас господь хранит!
 Но ликовать сейчас нам не с руки —
 Должны мы прежде сарацин добить.
 Томился я семь лет в тюрьме у них».
⁴⁵⁰⁵ От жалости король слезу пролил
 И двинул снова в бой свои полки.
 Язычники схватились за мечи —
 Не отдадут так просто жизнь они.
 Гильом их алебардою крушит,
⁴⁵¹⁰ И многие уже убиты им.
 Король Людовик нехристей разит,
 Бьют графы де Блуа и Балдуин,
 Бретонцы и французы-смельчаки,
 Нормандцы и анжуйцы-удальцы.
⁴⁵¹⁵ Слабеет в сарацинах бранный пыл,
 И это в Синагофе гнев селит.
 Он кормщика Ландри на землю сшиб,
 Затем Готье Парижского убил,
 Санлисского прево прикончил вмиг.
⁴⁵²⁰ Уже Людовик в ярости решил
 На Синагона скакуна пустить,
 Но тот Ландри был схвачен под уздцы:
 «Мне дайте счеты с недругом свести.
 Прилюдно он меня с седла свалил.
⁴⁵²⁵ Коль не отмщу, рехнусь я от тоски,
 Во Францию не будет мне пути».
 Король ответил: «С богом, друг! Скачи!»
 Коня пришпорил кормщик что есть сил,
 Чтоб Синагона поскорей настичь;
⁴⁵³⁰ Но тот и сам к нему уже летит.
 Теперь лишь бог решит исход борьбы.
 Противники друг другу метят в щит.

- Бьет первым нехристъ с бешенством таким,
Что древко разлетается в куски.
- ⁴⁵³⁵ Удар наносит и христианин.
Копье пронзает щит, броню дробит,
Прокалывает легкие в груди,
Спинной хребет ломает изнутри,
Из тела вон выходит со спины,
⁴⁵⁴⁰ И валится на землю сарацин.
Французы издают победный клич,
Вопят: «Ландри неверных посрамил!»
Бегут с позором толпами враги,
Пытаются от гибели спастись,
⁴⁵⁴⁵ Но им французы не дают уйти,
Безжалостно их пресекают дни,
Не оставляют никого в живых.
Берут пример с Гильома земляки —
Он сотнями язычников крушит.
- ⁴⁵⁵⁰ Себя Людовик славою покрыл,
Сражался смело цвет его страны,
Но отличился больше всех Ландри —
Один Гильом сумел его затмить.
Когда легли язычники костьми,
⁴⁵⁵⁵ В Палермо победители вошли.
Никто их не дерзнул остановить.
На юг весь город взяли храбрецы —
Дворец, жилища горожан простых.
Добычи много там досталось им —
⁴⁵⁶⁰ Ее до самой смерти не прожить.
Людовик ставку во дворце разбил
И вечером устроил пышный пир,
Где наконец в объятия родни
Попал Гильом, отважный палатин,
- ⁴⁵⁶⁵ И рассказал про все дела свои,
Про то, как принял иноческий чин,
Как выстроил в укромном месте скит
И как семь лет в темнице жизнь влачил.
«Король, меня из плена вы спасли,
⁴⁵⁷⁰ Пусть вас творец за это наградит,
А вместе с вами кормилица Ландри,
Без коего в тюрьме бы я погиб.
Во Францию вернитесь, в Сен-Дени,
А я отправлюсь господу служить
- ⁴⁵⁷⁵ В скиту, от суеты мирской вдали.
Не до войны мне больше, не до битв —
Я должен замолить свои грехи».
«Ну нет, сеньор, — Людовик возразил. —
Со мною вы поедете в Париж.

- 4580 Там заживете у своей сестры
И мне дела поможете вершить».
Гильом в ответ: «Сеньор и властелин,
Не будет так, клянусь творцом благим!
К себе я в пустынь удалюсь один
4585 И не хочу ни с кем свой кров делить».
Так были этой вестью сражены
Король Людовик и его бойцы,
Что спать в ту ночь они в слезах легли.
Когда ж зажегся в небе луч зари,
4590 Король позвал к себе вельмож своих:
«Вот что решить, сеньоры, предстоит.
Хвала творцу, Палермо взяли мы,
Но кто его останется блюсти,
Чтоб нехристи вернуться не могли
4595 И церкви божьи снова разорить?»
Все как один ответили: «Ландри.
Не знал барона доблестнее мир».
Длань кормщик в руки королю вложил —
Клянется, мол, его вассалом быть.
4600 Не обделил его король людьми —
В пятнадцать тысяч рать оставил с ним,
Чему Гильом был рад от всей души.
Людовик приказал поход трубить.
Добро сложили знатные юнцы,
4605 Понашивали плотно им мешки.
Король — господь его благослови! —
Повел войска на родину, в Париж,
Ландри блюсти Палермо поручив,
А граф простился, поблагодарил
4610 Всех, кто пришел его освободить,
И, провожать себя не разрешив,
Назад в Прованс пошел путем прямым.
Что вам еще могу я сообщить?
Вернулся граф Гильом в свой прежний скит,
4615 Французы возвратились в Сен-Дени,
Где радостно с родными обнялись,
Но скоро — знайте это твердо вы —
Гильом им станет вновь необходим
И вновь лишь чудом смерти избежит.

LXXX

- 4620 Гильом теперь опять пустынножитель,
Во Францию Людовик возвратился.
Довольны оба тем, как все сложилось.
Король живет то в Шартре, то в Париже,
Наследьем отчим управляет мирно,

- 4625 Мня, что никто ему не страшен ныне,
Но он еще в суровую годину
За помощью к Гильому обратится,
Затем что Изоре, король Коимбры,—
Да разразит его господь всевышний! —
- 4630 На Францию свои дружины двинет,
Как вы из песни сможете услышать.
Мир не видал грознее исполина:
В четырнадцать локтей он ростом вышел;
В плечах широк; не кулаки, а гири.
- 4635 Ста тысяч сарацин он предводитель.
Язычники зовут его эмиром.
Когда ему с прискорбьем сообщили,
Что с Синагоном за беда случилась:
Французы победили в ярой битве,
- 4640 Король и все его друзья погибли,
Разграблена страна, Палермо выжжен,—
Был этим Изоре разгневан сильно:
Ему покойник дядей приходился.
Поклялся Магометом нечестивец,
- 4645 А также бородой своею длинной,
Что отомстить французам не преминет:
Людовика, его родни убийцу,
Конями разорвать иль сжечь велит он;
Живьем с простых вассалов кожу снимут;
- 4650 А королева, дамы и девицы
Подвергнутся прилюдному насилию —
Их отдадут бродягам, челядинцам
И прочим голодранцам полунищим,
Чтоб вволю те потешились над пими;
- 4655 Он завладеет Франциею милой
И моши мужа божьего Дениса
Прикажет в Сен-Дени из раки вынуть,
Кумиры Магомету там воздвигнет,
Корону на чело на Пасху примет.
- 4660 Велел вассалов созывать язычник.
Собрал он войско в шесть десятков тысяч,
А также двадцать сотен саксов диких,
Как черти, рослых, дюжих, мускулистых.
У каждого огромная дубина —
- 4665 Такую два виллана не подымут.
Но Изоре и саксов ростом выше:
Четырнадцать локтей в нем, исполине.
Еды в запас набрали сарацины,
Вина сто сотен бочек прихватили,
- 4670 Уходят из своей страны пустынной,
К французским приближаются границам.

Коль не поможет нашим вседержитель,
За Синагона с них жестоко взыщут.
Внемлите ж песне новой и отличной.

LXXXI

- 4675 Вас, рыцари, мы просим слушать молча.
Идет вперед языческое войско.
В нем тысяч шестьдесят иль больше копий.
Никто его в пути не остановит —
Вокруг одни леса, поля да горы,
4685 И пусть вас это не дивит, бароны.
Песнь наша сложена в былые годы,
Когда земля была еще памного
Пустынней и безлюдней, чем сегодня,
И не встречалось повсеместно столько
4695 Богатых городов и замков прочных,
Сел и поместий, густо населенных,
И приходилось проезжать порою
Лье десять иль пятнадцать, коль не больше,
Чтоб дом найти, где можно встать на отдых.
4700 Париж — и тот был малолюден очень.
Шли люди Изоре не слишком скоро —
Движенье замедлял обоз огромный.
Дней их пути я не исчислю точно.
Они все разоряли по дороге,
4705 Сметали замки, выжигали села
И убивали всех, кто попадется.
Гудят рога, протяжно стонут горны,
Раскаты труб так яростны и громки,
Что и земля от грохота трясется,
4710 И жителей от страха дрожь колотит.
Язычники грозят стране разгромом.
Бегут пред ними все: и люд попроще,
И дамы, и вассалы, и сеньоры.
Стекаются они в Париж толпою
4715 И королю известия приносят
О том, что войско пехристей подходит:
«У Изоре вассалам нету счета,
И вооружены они на совесть,
И тысяч их, по крайней мере, сорок.
4720 Они ваш край, король, громят жестоко
И головы французам вашим сносят.
Убито ими десять тысяч добрых,
А Изоре клянется бородою,
Что казни вас предаст, король Людовик,
4725 Всех доблестных баронов ваших — тоже,
Снесет аббатство Сен-Дени святое

- И капище взамен него построит.
Покрыта будет Франция позором,
Коль бог и приснодева не помогут».
- ⁴⁷²⁰ Король послушал, побледнел и молвил:
«Всеправый боже, будь нам обороной,
Не то во прах мою корону втопчут
И истребят французов поголовно.
- Врасплох застал нас Изоре безбожный.
- ⁴⁷²⁵ Ах, где ты, граф Гильом, моя опора?
Будь ты со мной, покончили давно бы
Мы с этой неожиданной войною.
Но мне сдается, ты всем нам на горе
В скиту безвестном богу душу отдал
- ⁴⁷³⁰ И не приспеешь Франции на помощь.
Господь в раю тебя да упокоит!»
Король Людовик проливает слезы,
Скорбит всем сердцем и вздыхает горько,
Боясь, что оказать отпор достойный
- ⁴⁷³⁵ Он Изоре Коимбрскому не сможет.
Вассалов он сзывает неотложно,
А тех и так в Париж опасность гонит.
Хлеб и добро везут они с собою.
Уже весь город ими переполнен.
- ⁴⁷⁴⁰ Не медлят и язычники нисколько.
Так Изоре язычников торопит,
Так заставляет их и днем и ночью
Мчать по лесам, полям, холмам и долам,
Что вскорости к Парижу рать подходит.
- ⁴⁷⁴⁵ Берут в осаду сарацины город,
Стан разбивают под стенами в поле,
Окрестности опустошают тотчас,
А Изоре — будь он всевышним проклят! —
Втыкает на Монмартре стяг свой грозный.
- ⁴⁷⁵⁰ Оттуда глазом невооруженным
Он видит вся и всех — дворцы, соборы,
Знать, и дворянство, и простонародье.
Велит Людовик, наш король законный,
Рогам и трубам прорубить тревогу.
- ⁴⁷⁵⁵ Бароны спешно надевают брони.
Доспехом ратным и король облекся.
Ему коня сирийского подводят.
В бой десять тысяч рыцарей готовы.
«Сеньоры,— говорит король пред строем,—
- ⁴⁷⁶⁰ Коль мы не одолеем в бранном споре,
Враги нас всех изрубят и прикончат.
Ударим же на них, пока не поздно,
Чтоб Францию не дать им опозорить

И в прах втоптать французскую корону.
⁴⁷⁶⁵ Да будет нам Пречистая оплотом!»
 Бароны говорят: «Мы долг исполним».
 Из города на вылазку выходят,
 Но им, коль не придет господь на помощь,
⁴⁷⁷⁰ Сбежать бы лучше в Павию оттоле,
 Чем ввязываться в бой столь безнадежный.

LXXXII

Людовик рать на вылазку ведет.
 Лишь десять тысяч человек при нем.
 Во много раз их меньше, чем врагов.
 Заметил наших первым Кларион,
⁴⁷⁷⁵ Чей стан всего был ближе от ворот.
 На рыцарей Людовика в галоп
 Коня погнал языческий король.
 «Ко мне, Фолар Славонский! — кличет он.—
 На помощь Корсабрен и Эстранго,
⁴⁷⁸⁰ Клавюль, брат Нуарона, Дорион,
 Отважные Фабюр и Фосерон!
 Во имя Магомета, смело в бой!
 Вооружайтесь живо и в седло!
 Людовик вздумал нас застать врасплох.
⁴⁷⁸⁵ Такой не повторится случай вновь.
 До ставки Изоре так далеко,
 Что не успеет в бой вступить наш вождь,
 Как с ходу город мы уже возьмем
 И к нам Людовик угодит в полон.
⁴⁷⁹⁰ Сломить французов будет нам легко:
 Нет Эмери, и умерли давно
 Бернар, отважный первенец его,
 Аймер с Эрнальтом Рыжим и Гильом,
 Который славой так превознесен».
⁴⁷⁹⁵ Язычников сзывают медный рог.
 Мчит тридцать тысяч их во весь опор.
 Кричат французы: «Монжуа! Вперед!»
 Неистов, лют и долог бранный спор.
 Ломают копья с треском сталь щитов.
⁴⁸⁰⁰ Неверных бьют французы во всю мочь.
 Взглянуть бы вам, как всюду хлещет кровь,
 Обломки древков сыплются дождем,
 Наездники слетают с седел прочь
 И топчут иноходцы мертвцев!

⁴⁸⁰⁵ Особенно французам тяжело —
 Противник подавляет их числом.
 Ревут рога, бросают трубы зов.
 Берет врагов Людовик на копье,

- Пример своим вассалам подает.
 4810 Пронзает Клариона он нас kvозь,
 И нехристи пошли бы наутек,
 Не двинь в сраженье Корсабрен стрелков.
 Он тридцать тысяч' их привел с собой.
 Не в силах дать французы им отпор:
 4815 Под градом стрел цена отваге — гроши.
 Заколебался христианский строй.
 К Парижу нашим отойти пришлось,
 И за собой поднять подъемный мост,
 И заложить ворота на засов.
- 4820 Язычники берут Париж в кольцо,
 На стены лезут яростной толпой,
 Осаду продолжают день и ночь.
 Терзают осажденных глад и мор,
 Не смеет выйти из ворот никто,
- 4825 Повесили отважнейшие нос,
 И все вздыхают: «Где же граф Гильом?»
 Теперь рассказ мы поведем про то,
 Как граф, что сердцем льва был наделен,
 Сквозь вражий стан в Париж проник тайком
- 4830 И с Изоре Славонским счеты свел.

LXXXIII

Король Людовик в гневе и тоске:
 Теснит его могучий Изоре.
 Бойцов лихих у нехриста не счасть,
 И держит он Париж в таком кольце,
 4835 Что выхода оттоль французам нет.
 Зовет король в один прекрасный день
 Своих вассалов верных на совет,
 Вокруг трона им повелевает сесть,
 К собравшимся ведет такую речь:
 4840 «Как пораженья избежать в войне?
 В таком кольце мы у врагов теперь,
 Что нечего почти нам пить и есть.
 Умел их лишь Гильом держать в узде,
 Но без следа куда-то он исчез.

4845 Будь граф поныне невредим и цел,
 И сведай он, что я сейчас в беде,
 Он бы за все богатства на земле
 Придти помочь не отказался мне.
 Послать за ним расчет, конечно, есть,

4850 Но как нам отыскать его и где?»
 Бароны молвят: «Медлить нам не след.
 Ищите графа, государь, скорей,
 И да пошлет удачу вам творец.

4855 Знай Изоре, что жив Гильом досель,
 К нам вторгнуться бы нехристъ не посмел,
 Но он решил, что графа нет уже».
 Ушли вассалы, а король велел
 Позвать барона одного к себе.
 Тот звался Ансейсом, был храбрец,
 4860 В краю Овернском родился на свет.
 Король сказал: «Отбудьте на заре
 И вызнаите, проехав по стране,
 Где граф Гильом спасает душу днесь —
 В Прованс иль еще бог знает где.
 4865 Коль увенчает поиски успех,
 Молите графа, друг, творцом небес
 Немедля к нам на выручку приспеть.
 Скажите, что Париж в большой нужде,
 Что стан разбили нехристи окрест,
 4870 Что Франция разорена вконец,
 Что жить крестьянам страшно стало в ней,
 А мне из городских не выйти стен.
 Не скройте ни одной из наших бед,
 И я уверен, Ансейс, вполне,
 4875 Что если не постигла графа смерть,
 Он нам поможет в доброте своей,
 Не даст врагам сорвать с меня венец».
 «Не бойтесь, отыщу его я след
 И графу все скажу, — в ответ гонец. —
 4880 Но знайте, государь, что к вам в душе
 Питают неприязнь дворяне все.
 Вы знатных притесняете людей,
 Поизгоняли многих за рубеж,
 Лишили отчих замков и земель,
 4885 Оставили без крова и без средств
 И по миру пустили их детей.
 Дворянство — ваш советчик, щит и меч:
 Вассал сеньору рад помочь везде.
 А вам простолюдины нас милей.
 4890 Вы им открыли доступ во дворец,
 Вельмож даете поднимать на смех.
 Вы по своей унижены вине,
 Затем что сами их тянули вверх,
 А с ними Изоре не одолеть.
 4895 Тот, у кого корона на челе,
 В советники себе берет не чернь,
 Но отпрывков прославленных семей».
 «Вы правы, Ансейс, — король в ответ, —
 И коль, бог даст, не сломят нас в борьбе,
 4900 Верну я все права и земли тем,

К кому не в меру был жестокосерд,
 Кого изгнал, обидел, в бедность вверг».
 Чуть ночь прошла и начал мрак редеть,
 Как Ансеис, паломником одет,
 4905 Отправился в дорогу налегке,
 Из города ушел один во мгле,
 Сквозь вражий стан прокрался без помех;
 Людовик же остался ждать вестей,
 Вдали от всех сидит в своем дворце,
 4910 Не смеет выйти в поле туркам встречать:
 Кольцо осады с каждым днем тесней.
 Но время нам переменить предмет
 И кое-что об Ансеисе спеть.
 Гильома всюду ищет удалец.
 4915 Он посетил немало разных мест —
 Сел, замков, городов и крепостей,
 Равнин и гор немало пересек,
 Шел то через поля, то через лес,
 Бродил по сухе, плавал по воде,
 4920 Спал где придется и нужду терпел,
 На поиски потратил год вотще,
 Но графа так и не нашел нигде.
 Из сил уже он выбился совсем,
 Решил в Париж вернуться наконец
 4925 И брел через Прованс по целине,
 Где не ступал дотоле человек,
 Как вдруг увидел пустынь на холме,
 Подумал, что зайти туда не грех —
 Вдруг о Гильоме тамошний жильтец
 4930 Ему подаст какую-нибудь весть.
 С большим трудом поднялся по тропе,
 Весь запыхавшись, на вершину влез
 И молвил: «Тот был не в своем уме,
 Кто скит воздвиг на этой крутизне.
 4935 Он, видно, к богу ближе быть хотел,
 Коль скоро на такой вспорхнул насест».
 Тут Ансеис отважный и узрел
 Того, кого искал так много дней.
 Сидел Гильом у входа на скамье,
 4940 И, не узнав его, гонец срубел —
 Так был могуч и росл анахорет.
 Подумал Ансеис: «Господь вовек
 Не создавал здоровяка крупней.
 Коль в рай он вознесется, померев,
 4945 Святых оттоль повыпихнет он всех».
 С Гильомом поздоровался пришлец
 И в пустынь попросился на ночлег.

Ответил граф: «Вы кров найдете здесь», —
Учило распахнул пред гостем дверь.
4950 Теперь о том расскажет наша песнь,
Как взялся граф в последний раз за меч
И сбил с неверных под Парижем спесь,
И дал Бернар, что жил у рва, ночлег
Гильому перед схваткой с Изоре.

LXXXIV

4955 Граф Ансейсу предоставил кров.
Употчевал он гостя своего
Всем, что послал ему на бедность бог,
И задал наконец гонцу вопрос:
«Откуда вы, мой друг, и родом кто?»
4960 «Из Франции я прибыл,— молвил гость.—
Людовик, государь мой и сеньор,
Находится в опасности большой.
Король неверных Изоре пошел
На Францию прекрасную войной.
4965 Людовик им в Париже осажден,
Не может выйти ни на шаг оттоль.
Поэтому приказ мне отдал он
Узнать, где граф Гильом Короткий Нос,
И в поисках провел я целый год,
4970 Прошел немало городов и сел,
Но так и не добился ничего.
Коль граф скончался, пусть он в рай войдет,
Коль жив — да сохранит его господь,
А я за этот год так сбылся с ног,
4975 Что возвратиться мне пора домой
И дать во всем Людовику отчет,
Хотя, быть может, мой король и мертв,
А с ним его вассалы заодно,
Спаси нас от того Рикард святой!
4980 Когда я только уезжал еще,
Уже в Париже голодал народ,
Хлеб иссякал, и шло к концу вино.
Спасти способен город лишь Гильом,
Но нет его, боюсь, в живых давно».
4985 Не удержался тут гонец от слез,
И граф Гильом стал увещать его:
«Брат во Христе, умите вашу скорбь.
Отчаиваться — грех перед творцом.
Вы мните: мертв Гильом? Что из того?
4990 Сам царь небес Людовика спасет.
Откройте имя лучше мне свое».
А гость: «Я Ансейсом наречен.

Я рыцарь из Оверни, хоть пришлось
 Мне на год стать бродягой-голяком,
⁴⁹⁹⁵ Чтоб вызнать, где Гильом сейчас живет:
 В нем очень мой нуждается король,
 С которым я едва ли свижусь вновь».
 «Да внимет вам господь,— сказал Гильом,—
 И помошь королю скорей пошлет:
⁵⁰⁰⁰ Людовик впрямь погибнет без нее».
 Тут удержаться граф от слез не смог:
 Был гость им узнан наконец в лицо.
 Взял пришлеца он за рукав потом,
 Спросил: «А прогуляться вы не прочь?»
⁵⁰⁰⁵ Ответил тот: «Согласен всей душой»,—
 И граф с собою в сад гонца повлек.
 Вот что там было им учинено.
 Схватил он толстый заостренный кол
 И все, что насадил своей рукой:
⁵⁰¹⁰ Оливы, груши, сливы, кущи роз,
 Шалфей, шиповник, шпажник и иссоп.
 Целебных трав несметное число,
 Обилием которых был так горд,—
 Все поуничтожал своим колом
⁵⁰¹⁵ И, выполов с нещадностью такой,
 С какою прежде сорняки полол,
 Снес в яму, где копился перегной.
 Хоть Ансейн был этим поражен,
 За все богатства Монпелье — и то б
⁵⁰²⁰ С хозяином он не затеял спор,
 Ему не молвил слова поперек,
 Не помешал чинить в саду разгром,
 Боясь, что скитник и ему воткнет
 Свой кол тяжелый в горло, грудь иль лоб.
⁵⁰²⁵ Когда ж цветущий сад стал пустырем,
 Анахорет засеял землю вновь
 Наивреднейшими из сорняков,
 Повсюду насадил в числе большом
 Волчцы, вонючую пупавку, терн,
⁵⁰³⁰ Лопух, крапиву с конским щавелем,
 Мокрицу, лебеду, чертополох
 И после столь бессмысленных трудов —
 Промолвил: «Не пора ли на покой?» —
 На что гонец ответил: «Я готов».
⁵⁰³⁵ Затем вернулись в скит они вдвоем.
 Там застелил пустынноожитель пол
 Душистым сеном и сухой листвой,
 Наполнил добрым сидром жбан простой
 И этот жбан, куда сетье вошло,

5040 Дал Ансейсу выпить перед сном.
 Гонец проспал без просыпа всю ночь,
 Оделся и обулся вновь с зарей,
 К хозяину проститься подошел.
 Граф накормил его, снабдил казной,
 5045 Вручив сто су, что в скит когда-то внес
 Проезжий рыцарь от своих щедрот.
 Промолвил гость: «Спасибо вам за все»,
 А граф его к груди прижал и рек:
 «Ступайте с миром, ибо от врагов
 5050 Бог короля спасет в свой час и срок».
 Гонец спустился по тропе крутой
 И снова к милой Франции побрел,
 Куда ему велел вернуться долг.
 Мне дням его пути неведом счет,
 5055 И я скажу для краткости одно:
 Направился посланец прямиком
 В Париж, что Изоре был осажден.
 Взял нехристъ город в тесное кольцо,
 Закрыл туда подход, пресек подвоз,
 5060 Людовика поверг в нужду и скорбь.
 Пробрался в город Ансейс тайком,
 Когда окутал землю мрак ночной,
 И тотчас во дворец был отведен,
 Где короля с баронами нашел.
 5065 Обнялся с ним Людовик горячо,
 Спросил, что за известья он привез.
 Гонец в ответ: «Не скрою ничего,
 Хоть радости вам мало будет в том».

LXXXV

Рек Ансейс: «Я не жалел труда,
 5070 Гильома всюду тщился разыскать,
 Бродил по многим странам и краям,
 Ломбардию обрыскал по Милан,
 В Испании и Риме побывал,
 Всю Францию прошел по Уссан.
 5075 Год отдыха я не давал ногам,
 В покое праздном не провел ни дня,
 Так много крепких замков повидал,
 Скитался столько по густым лесам,
 По рекам быстрым плавал столько раз,
 5080 Что и жонглер не смог бы описать.
 Увы, никто мне не сказал, где граф.
 Забрел я в пустынь как-то, государь,
 И оказался скитник, живший там,
 Столь рослым, что таких я не видал.

- 5085 Я крова попросил ради Христа,
И он охотно приютил меня,
Стал о моих расспрашивать делах.
Ему поведал без утайки я
О том, как Изоре напал на нас,
5090 Как много он стране чинит вреда,
Как вас гнетут унынье и тоска
И как вам нужен граф Гильом сейчас.
Святой отшельник внял моим словам,
От жалости к вам горько зарыдал,
5095 Затем повел меня с собою в сад,
Взял в руки острый кол и принялся
Плодовые деревья корчевать,
Не пощадил ни одного куста.
Потом настал черед цветов и трав.
5100 Стал розы он и лилии топтать,
А я пришел в такой безмерный страх,
Что поперек не молвил ни словца —
Уж больно был высок, широк в плечах
И грозен видом этот здоровяк.
5105 Взамен целебных трав им были там
Посажены крапива, лебеда,
Терн, на котором счету нет шипам,
И сорняки другие без числа;
А вот где граф — отшельник не сказал,
5110 И мне сдается, это неспроста:
Гильома нет в живых наверняка».
Король послушал, помрачнел с лица,
Но был там некий герцог Галеран,
Старик, проживший лет не меньше ста.
5115 Дослушав Айсеса до конца,
Тряхнул он головой и молвил так:
«В чем дело тут, король, я разгадал
И объяснить сумею без труда.
Клянусь усами, скитник-великан
5120 И есть Гильом Железная Рука.
А истребил храбрец свой вертоград,
Извел в нем и траву и древеса,
Чтоб вот что дать тебе, король, понять:
Своей страной ты плохо управлял,
5125 Тех притеснял, кто знатен, мудр и храбр,
В изгнанье отправлял их без суда,
Детей их на сиротство обрекал.
Вассалы — это сила короля,
А их и оттолкнул ты от себя.
5130 Твой произвол нелепый виноват
В том, что сейчас так бедствует страна.

Отшельник свёл свой сад любимый в знак
Того, что осудил твои дела.
А всяческая сорная трава —
⁵¹³⁵ Болиголов, крапива, лебеда,
Что муж святой понасадил в сердцах,
Клянусь всевышним, означать должна
Тех выскочек ничтожных, чья душа
Завистлива, жадна, коварна, зла,
⁵¹⁴⁰ Кто низко потакал твоим страстям,
Кого ты приближал к себе всегда,
Превозносил, казною осыпал.
Вот что маркграф хотел тебе сказать.
Признай же, государь, что ты не прав,
⁵¹⁴⁵ Пока тебя господь не покарал.
Кто чересчур охоч до льстивых враг,
Тот платится за это первым сам».
Вняв герцогу, Людовик впал в печаль.
Он понял, как вина его тяжка,
⁵¹⁵⁰ И молвил: «Ваша правда, Галеран.
Советников дурных я слушал зря».
Тут короля оставим мы опять
И о Гильоме поведем рассказ.
⁵¹⁵⁵ Смелчик через короткий срок, бог даст,
В Париж прибудет короля спасать.

LXXXVI

Пришел Гильом и в ярость и в тоску,
Проведав, что король попал в беду,
Что и его и весь крещеный люд
Вверг Изоре в опасность и нужду,
⁵¹⁶⁰ Что бродит он в Париже по дворцу
И нету в поле выхода ему.
Граф именем творца клянется вслух,
Что, брось его враги сто раз в тюрьму,
Он и тогда приспел бы к королю.
⁵¹⁶⁵ «Ужель в Париж я позже попаду,
Чем турки на копье его возьмут?
Увы, Людовик, мой сеньор и друг,. .
Зачем так засиделся я в скиту,
Не спас тебя, не спас свою сестру?
⁵¹⁷⁰ Ах, Бланшефлер, какие муки ждут
Тебя у диких басурман в плена!
Нет, лучше уж узреть тебя в гробу.
Но я еще достаточно могуч,
К тому же здесь изрядно отдохнул.
⁵¹⁷⁵ Мне б лишь коня, оружье да броню,
И я врагам Христовым докажу,

Что до сих пор владеть мечом могу». Решил он силу испытать свою, Отбросил руку вбок и мышцу вздул,
 5180 Но угодил при этом по столбу, Который кровлю подпирал в углу. Не отыскался б вплоть до Монтагю Виллан, способный этот столб качнуть, А граф его переломил, толкнув,
 5185 Хоть и задел-то кулаком чуть-чуть, И рухнула на землю кровля вдруг, И рек Гильом: «Я в строй еще гожусь». Без промедленья он собрался в путь, Оделся живо, обувь натянул,
 5190 Покинул пустынь, вышел на тропу, С вершины вниз спустился по холму И молвил: «Боже, клятву я даю, Что послужить тебе еще вернусь — В последний раз я в руки меч беру». 5195 Ночь на земле проспал он не одну, То шел полями, то блуждал в лесу И прибыл в Аниану поутру.

LXXXVII

Маркграф Гильом вернулся в монастырь. Его приезд всех чернецов страшит.
 5200 Одни вздыхают: «Граф-то не погиб! Что к нам его за черти принесли? Коль даст аббат ему сюда войти, То сам же и не сносит головы». Другие молвят: «Грех так говорить!
 5205 Граф господу немало послужил, Безмерно велики его труды. А что до ваших слов, то знаем мы: Кто добр, тот не в чести у тех, что злы. По счастью, слишком наш аббат труслив,
 5210 Чтоб в чем-нибудь маркграфу возразить». Итак, Гильом вернулся в монастырь, И весть о том аббату принесли, А также и монахам остальным — В обители немало было их.
 5215 Сказал один сержант: «Отцы мои, Пришел Гильом, и вы решить должны, Как вам с ним подобает обойтись». Аббат послушал, головой поник, Капитул тоже сильно приуныл.
 5220 Задумались монахи, как им быть, Такие речи тихо повели:

«Будь проклят тот, кто графа подучил
Придти сюда и наш покой смутить.
Мы ни за что не уживемся с ним.
5225 Услал бы бог его на край земли!
Когда же он свои окончит дни?»
Вот граф вошел в господень монастырь.
Вскочили с мест аббат и чернецы.
Поклон пришелцу всяк из них отбил.
5230 Прибывший тоже поклонился им,
Уселся, про свою поведал жизнь,
Без врак и без утайки изложил,
Как на холме себе построил скит,
И как семь лет в тюрьме палермской гнил,
5235 И как его оттуда спас Ландри,
И как разбил Людовик сарацин.
«А ныне короля теснят они,
Пытаются осадой взять Париж,
Громят страну, глумятся над людьми
5240 И смерти предают их без вины.
О короле душа моя скорбит.
Меня он тщетно силится найти,
Но я его спасу, коль хватит сил,
Не изменю ему, покуда жив,
5245 Не дам позорить честь родной страны,
Закон Христов сумею защитить —
Не зря себя я Богу посвятил.
Напрасно Изоре войска свои
Повел в поход на наши рубежи,
5250 Напрасно обо мне он позабыл,
Решив, что нет меня давно в живых!
Но повторяю вам без похвальбы,
И в том порукой мне святой Денис,
Пока я жив, французов не сломить.
5255 Отец аббат, велите привести
Коня, что вам я на сохран вручили.
Мои доспехи также мне нужны.
От вас уеду я еще до тьмы:
Не осенят меня покой и мир,
5260 Покуда Изоре я не сразил
И мой король язычником тесним.
Людовиком спасен я из тюрьмы,
И жизнь моя ему принадлежит.
А коль паду я, тот, кто создал мир,
5265 Дозволит в рай душе моей войти».

LXXXVIII

«Раз в путь вы собрались,— сказал аббат,—
 Мы вам вернем доспехи и коня
 И господу помолимся за вас,
 Но подкрепиться вы должны сперва».

⁵²⁷⁰ Гильом ответил: «Буду очень рад».
 Накрыли стол, велели подавать,
 И граф Гильом употчевался всласть:
 Давно уж он так вкусно не едал,
 Не пил такого доброго вина.

⁵²⁷⁵ Но вот к концу трапеза подошла,
 И возблагодарил аббат творца,
 А графу приказал коня подать,
 Но оказался конь так худ и слаб,
 Так неухожен и заезжен так,

⁵²⁸⁰ Как будто камни на себе таскал.
 Давай его монахи оттирать,
 А граф промолвил скорбно, весь в слезах:
 «Как мне тебя, скакун мой добрый, жалы!
 Как отощали у тебя бока!

⁵²⁸⁵ Сверх меры ты трудился здесь, видать.
 Не знаю я, снесешь ли ты меня,
 Хоть всех коней и был резвеен встарь».
 Услышал конь Гильомовы слова,
 По голосу хозяина узнал,

⁵²⁹⁰ Хоть не видал его семь лет сполна,
 Копытом землю взрыл, поразбросал
 Всех, кто его пытался удержать,
 И с ним не сладил ни один сержант,
 Пока к Гильому он не подбежал,

⁵²⁹⁵ Заржал и взрыв песок в последний раз.
 Старик-аббат воскликнул: «Чудеса!
 Сеньор Гильом, скажу всю правду вам:
 С тех самых пор, как вы ушли от нас,
 Скакун ваш головы не поднимал,

⁵³⁰⁰ Ушами не запрядал никогда».
 А граф: «Знать, божья воля такова».
 Отменино оседлали скакуна,
 Граф на него с любовью бросил взгляд,
 В седло уселся с одного прыжка,

⁵³⁰⁵ Хоть вес его доспехов был не мал,
 Во весь опор промчался вокруг двора
 И на скаку аббату прокричал:
 «Святой отец, пока я жив и здрав,
 Пока могу рукой сжимать булат,

⁵³¹⁰ У нашего найдется короля
 На сарацин и на славян узда.

Они себе на горе вторглись к нам.
 Коль с Изоре сведет меня судьба,
 Ему, кем мой обижен государь,
⁵³¹⁵ По шлему так сумею грохнуть я,
 Что череп цел останется едва ль».
 Послушали монахи храбреца,
 И тот для них еще страшнее стал.
⁵³²⁰ Гильом проворно соскочил с седла,
 Свои доспехи отчищал полдня,
 В дорогу для себя еды запас
 И попросил коня перековать,
 Пока еще не наступил закат.
 Отужинал до сумерек смельчак.
⁵³²⁵ Стариk-аббат не пожалел добра —
 Нашел для графа дорогой наряд,
 И весь Гильомов воинский припас
 Велел к седлу пристроить в торока,
 И предложил: «Коль вы не против, граф,
⁵³³⁰ Сержантов я пошлю десятка два
 С оружием вас в путь сопровождать».
 «Благодарю сто раз,— Гильом сказал,—
 Но никого с собой не склонен брать:
 Моя охрана — сам небесный царь».
⁵³³⁵ «Да будет так,— сказал аббат и дал
 Гильому двадцать марок серебра.—
 Вот на расходы с деньгами киса.
 Свидетель мне блаженный Грациан,
 Не хватит — я еще пришлю всегда».
⁵³⁴⁰ Ответил граф: «Обязан вам весьма.
 Коль скоро жизнь продлят мне небеса,
 Я постараюсь вам добром воздать».
 В дорогу все, что нужно, граф собрал,
 Сел на коня и молвил: «Мне пора»,
⁵³⁴⁵ И братия пошла молиться в храм —
 Да сохранит Гильома бог от зла.
 Граф только отбыл из монастыря,
 Как день померк и лег на землю мрак.
 Ночь безмятежна, и луна светла.
⁵³⁵⁰ К Парижу граф Гильом летит стремглав.
 Ему неведом пред врагами страх —
 Господня над ним простерта длань.
 Но о Гильоме мы прервем рассказ
 И возвратимся к королю опять.
⁵³⁵⁵ Не важны у Людовика дела:
 Жестокий голод мучит парижан,
 А выйти им из города нельзя:
 Их Изоре в кольцо осады взял.

- Вседневно подъезжает он к стенам,
 5360 Кричит: «Людовик, долго ли мне ждать?
 Коль склонен ты отречься от Христа
 И веру Магометову принять,
 Владения тебе вернут назад;
 А если нет, казнят всех христиан:
 5365 Содрать я кожу прикажу с тебя
 И головы с твоих французов снять.
 Ты на подмогу уповаешь зря:
 Мертв граф Гильом Железная Рука,
 Спасать тебя он не придет сюда».
- 5370 Французы слышат, их берет тоска,
 О смерти графа горько все скорбят.
 Король вздыхает, слезы льет из глаз:
 «О боже, всеблагой спаситель наш,
 Ужель Гильома не увидеть нам?
- 5375 Когда б его могила не взяла,
 Меня б, я знаю, спас он от стыда».
 Рыдает с королем его жена.
 Но удалось баронам их унять,
 И приказал король трубить в рога —
- 5380 Пускай берется за оружье всяк.
 «Смерть все же лучше, чем позор и срам!»
 Исполнен тотчас был его приказ.
 Все пэры снарядились в бой, вся знать.
 Готов десятитысячный отряд.
- 5385 Из Сен-Дени его аббат к бойцам
 Выносит гвоздь с господнего креста,
 Король пред ним склоняется во прах,
 Смыкаются вокруг него войска.
 Построиться и нехристи спешат.
- 5390 У них в три раза больше нашей рать.
 Кричит им Изоре, возликовав:
 «Язычники, настал заветный час.
 Король французский воевать устал,
 Приносит нам свои святыни в дань».
- 5395 Но гроши надеждам Изоре цена,
 И все не так, как он предполагал.
 Брываются к нему французы в стан,
 Палаток разом валят больше ста.
 От гнева чуть не сходит он с ума,
- 5400 Скликает сарацин, зовет славян,
 За саксами шлет на Монмартр гонца.
 Людовик им летит наперехват,
 Кричит французам: «Бей их! Монжуа!» —
 Обрушивается на саксов сам,
- 5405 Им к бою приготовиться не дав.

И смерть приносит натиск христиан
 Четыремстам свирепым дикарям.
 Видать бы вам, какая там резня!
 Обломки древков сыплются, как град,
 5410 Стальная разрывается броня,
 Отрубленные головы летят,
 Со скакунов свергает враг врага,
 И падает мертвец на мертвца.
 Вот сарацины подаются вспять,
 5415 Что Изоре выводит из себя.
 На выручку велит он турок звать.
 По милости небесного царя
 Успех французов в этот день немал:
 Убито десять тысяч басурман
 5420 И саксов ровно тысяча мертвла.
 Людовик видит — время отступать,
 Кричит своим: «Отходим, господа,
 Иначе нас числом задавит враг.
 Немало нам добычи бог послал,
 5425 И было бы грешно ее бросать».
 «Что ж, вам видней», — французы говорят,
 В Париж обратно направляют шаг.
 Добыче, взятой ими, нет числа:
 Достались им и кони, и казна,
 5430 Вино, и хлеб, и мясо, и мука.
 Не может ярость Изоре сдержать,
 Клянется Магометом, что на казнь
 Людовика пошлет, Париж заняв,
 Но так, бог даст, не будет никогда,
 5435 А мы о графе вам споем пока.
 Хотя Париж и кончил голодать,
 Ворота все равно закрыты там,
 Подъемные мосты спустить нельзя
 И людям надо на стенах стоять,
 5440 Чтоб в город вражья рать не ворвалась:
 Осаду Изоре отнюдь не снял.
 Своей родне отправил он указ,
 Чтоб сорок тысяч человек она
 К нему на помощь под Париж вела.
 5445 Но прежде чем они придут туда,
 Все турки Изоре успеют пасть,
 О чём я вскоре спеть вам буду рад.
 Коль бог Гильома погубить не даст,
 Большая ждет язычников беда,
 5450 Затем что граф уже несется вскачь
 Людовика от нехристей спасать,
 И расскажу я, как ему Бернар
 Дал кров в своей лачуге возле рва.

LXXXIX

Гильом Рука Железная в дороге.
⁵⁴⁵⁵ Минует он леса, холмы и долы,
 И в зной, и в бурю мчит без остановки,
 Он молится: «Творец людского рода,
 Наставь меня и подскажи мне способ,
 Как с нечестивым Изоре покончить,
⁵⁴⁶⁰ Людовика избавить от позора,
 Спасти от истребления люд крещеный.
 Коль догадаться ты меня сподобишь,
 Как Изоре сломить оружьем можно,
 Обратно я вернусь в Прованс привольный,
⁵⁴⁶⁵ В скиту от суеты мирской укроюсь,
 Оттуда никогда не выйду больше,
 И, коль твоя на это будет воля,
 Дурные песни обо мне не сложат.
 Тебе, кто древле спас в ковчеге Ноя,
⁵⁴⁷⁰ Я посвящу оставшиеся годы,
 Забуду о турнирах и походах
 И доживу в покое век свой долгий».

XC

Мчит граф, куда его ведет всевышний,
 Минует чащи, горы и равнины.
⁵⁴⁷⁵ Я дней его пути вам не исчислю.
 Язычникам он дать мечтает битву,
 От них избавить край французский милый,
 Но сильно за Людовика страшится.
 Скакал так много дней бесстрашный рыцарь,
⁵⁴⁸⁰ Что наконец во Францию явился
 И двинулся дорогой самой ближней
 Через Осерр, Лоррис, Этамп к Парижу,
 Куда на скакуне своем мастистом
 Однажды в ночь на воскресенье прибыл,
⁵⁴⁸⁵ Однако в город не сумел проникнуть
 И начал думать, где остановиться.

XCI

Так много дней в пути Гильом провел,
 Трудов потратил, претерпел тревог,
 Что прискакал в Париж в конце концов.
⁵⁴⁹⁰ В воскресную туда он прибыл ночь.
 Не увидали нехристи его:
 Они врага не ждали ниотколь,
 И не было дозорных у шатров;
 А парижане спали крепким сном,

- 5495 Хотя со стен и не ушел никто:
 Так лют был враг, что в городе любой
 Из богатеев иль из бедняков,
 Из горожан иль из дворян-юнцов,
 Из рыцарей простых иль из вельмож
 5500 Боялся распуститься с головой.
 Встревожен сильно был и сам король,
 Затем что ни советом, ни мечом
 Никто ему доселе не помог
 Дать нехристям урок и укорот.
 5505 О графе он скорбит на дню раз сто:
 «Боюсь, что нету вас в живых, Гильом,
 Не то, куда бы вас ни занесло,
 Вы знали бы, что я в беде большой,
 И помогли бы мне уже давно.
 5510 Нет, не утешусь я теперь по гроб».
 Так скажет он — и без сознанья грох,
 Бароны отолывают его водой,
 А он давай опять твердить свое:
 «Будь граф Гильом, как прежде, жив-здоров,
 5515 Вовек бы Изоре так не был горд
 И не дошел до дерзости такой,
 Чтоб осадить Париж и взять в кольцо,
 Зарекся б он на нас ходить в поход
 И попирать святой закон Христов.
 5520 Сомненья нет, Гильом отважный мертв».
 Глаза и у баронов полны слез,
 И у девиц, и у дворян-юнцов.
 Они считают, мертв боец лихой,
 Не ведая, что их за радость ждет.
 5525 А граф уже достиг парижских рвов,
 Стоит как раз насупротив ворот,
 В свою броню двойную облечен,
 Шлем на челе, и на боку клинок.
 Под ним горячий и могучий конь.
 5530 Гильом взирает на подъемный мост.
 Привратник сверху голос подает:
 «А ну-ка, отвечай, кто ты таков
 И не шпионить ли сюда пришел;
 А не ответишь — убирайся прочь,
 5535 Не то — ручаюсь головою в том! —
 Гостинец я тебе пошлю такой,
 Что ты уйдешь с поломанным ребром.
 Прочь, нехристы, да сразит тебя господа!
 Послали за Гильомом мы гонцов.
 5540 Он явится и всем вам даст урок.
 Довольно вам нас изнурять войной!»

У графа слезы полились ручьем.
 Он молвил: «Друг, я, как и ты, крещен.
 Наемный воин из страны чужой,
⁵⁵⁴⁵ Я к вам на службу прибыл для того,
 Чтоб помогать французам бить врагов
 И с вами вместе, где бы ни пришлось,
 Громить безбожный сарацинский сброд».

Сказал привратник: «На ответ ты скор,
⁵⁵⁵⁰ Да что нам от тебя, пришлец, за прок?
 У нас и без того пятьсот бойцов,
 Таких, что ты в подметки им не гож,
 Но и они не смеют сесть в седло —
 Да выйти в чисто поле из ворот —
⁵⁵⁵⁵ Всем Изоре внушает страх большой».

А граф ему: «Меня послушай все ж.
 Пренебрегать не надо бедняком.
 Иной хотя и не богат казной,
 Зато в бою всех за пояс заткнет.

⁵⁵⁶⁰ Не мерка человеку кошелек:
 У храбреца и грош — что золотой;
 У труса же и золотой — что грош.
 Нередко малодушье губит трон.
 Мост опусти и мне войти дозволь.

⁵⁵⁶⁵ Себе найти я должен на ночь кров».
 А страж: «Не отворю я ни за что.
 Людовик, мой сеньор, вкушает сон,
 А я поклялся в том, что без него
 Никто не будет в город впущен мной,

⁵⁵⁷⁰ Покамест от заутрени народ
 К себе домой не повалит валом».

Тут стала разбирать Гильома злость.
 Восклинул он: «В Париж открой мне вход.
 Тебе за это бог воздаст с лихвой,
⁵⁵⁷⁵ А я десяток су вручить готов».

Сказал привратник: «Ты городишь вздор!
 Скорей меня убьют, чем ты войдешь.
 Придется утра ждать тебе за рвом.
 Но раз ты чтишь святой Христов закон,
 И заклинал меня благим творцом,

⁵⁵⁸⁰ И вел со мной учтиво разговор,
 Я дам тебе совет — и неплохой.
 Под стенами, отсель недалеко,
 Проходит старый пересохший ров,
⁵⁵⁸⁵ А близ него один бедняк живет.

Сбывать на рынок хворост ходит он,
 А здесь себе кой-как построил дом:
 В Париже слишком дорого жилье;

К тому ж, бывать на людях не охоч
 5590 Тот, у кого и хлеба нет порой.
 Родителей, таких же бедняков,
 Лишился горемыка с давних пор
 И поселился в хижине за рвом.
 Снесет на рынок он вязанку дров,
 5595 Получит малость денег за нее
 Да купит из съестного кое-что
 И ночевать идет к себе домой.
 Вот у него приют ты и найдешь».
 Граф молвил: «Прогонять меня грешно,
 5600 И в этом ты раскаешься еще.
 Впусти меня, молю тебя Христом.
 Наткнусь я здесь на вражеский дозор —
 И голову мне снимут с плеч долой».
 А страж в ответ: «Бесцелен этот спор.
 5605 Не вправе я тебя впустить — и все».
 Гильом совсем разгневался: «Ну что ж,
 Раз от ворот дают мне поворот,
 На родину я возвращаюсь вновь».
 Смягчился тут суровый страж душой
 5610 И рек: «Прошу вас подождать, сеньор,
 Пока поговорю я с королем».
 Гильом в ответ: «Поговори, друг мой.
 Я подожду ответа от него».
 Спустился с вышки страж, не чуя ног,
 5615 И во дворец направился бегом.

ХСII

Привратник подбегает ко дворцу,
 Проходит прямо в спальню к королю,
 Слова такие говорит ему:
 «Вот, государь, что я вам доложу:
 5620 Подъехал рыцарь на коне ко рву —
 По всем статьям хорош под ним скакун.
 Откуда он и кто — я не скажу,
 Но он паемник, судя по всему,
 Приехал вам помочь вести войну,
 5625 В дугу мечтает нехристей согнуть
 И просит на ночь дать ему приют».
 Король в ответ: «Хоть ты и плут, но глуп!
 Не отворяй ворота пришлецу,
 Раз не известно, как его зовут.
 5630 Он соглядатай, служащий врагу.
 На вышку тотчас возвратись свою
 И знай: с тебя я голову сниму,
 Коль в город впустишь ты кого-нибудь,

Покуда утро не рассеет мглу».
⁵⁶³⁵ Ответил страж: «Я так и поступлю,
Хотя, признаться, очень не хочу
Отказывать в приюте смельчаку:
Обидится на это он, боюсь,
И больше не вернется к нам в страну».
⁵⁶⁴⁰ Людовик осердился: «Ну и пусть!
Мне лишний рот в Париже ни к чему.
Я никого на помошь не зову:
Не заменить Гильома никому.
Лишь он мог Изоре сломить в бою,
⁵⁶⁴⁵ Но нет его, французам на беду,
И я венцом за это поплачусь».
Привратник поспешил в обратный путь,
Взошел на вышку, взор вперил во тьму
И выложил пришельцу правду всю:
⁵⁶⁵⁰ «Людовик отказал, а потому
Я никому ворот не отворю,
Покуда утро не рассеет мглу.
Увижу вас в лицо — тогда впущу».
Граф молвил: «Ждать я больше не могу
⁵⁶⁵⁵ И лучше уж на родину вернусь».
Гильом коня обратно повернул.
Пришлось ему весьма не по нутру,
Что поступил Людовик с ним как трус.

ХСII

Граф прочно поехал с горечью в душе
⁵⁶⁶⁰ И положившись на царя небес.
Не знаю, что он предпринять хотел,—
Наверное, вернуться в скит к себе,
Но так как зарысил он по тропе,
Которая вилась в тени дерев,
⁵⁶⁶⁵ То, к счастью, не замечен был никем.
Хоть ехать было не легко во тьме
Вдоль рва, сухого вот уж много лет,
Гильом добрался на своем коне
До хижины Бернара на конец,
⁵⁶⁷⁰ Но так ничтожен был ее размер,
Что граф сперва слегка оторопел:
«Как ночевать в подобной конуре?
Ведь мне в такой дыре ни встать, ни лечь.
Бовек я дома не видал бедней».
⁵⁶⁷⁵ Но все ж с коня он спрыгнул, стукнул в дверь,
К хозяину повел учтиво речь:
«Тебя прошу я, добрый человек,
Ради того, кто умер на кресте,

Дать на ночь мне приют в своем жилье».

⁵⁶⁸⁰ Бернар хотя и крепко спал уже —
Дров натаскался он за долгий день,
Покинул тотчас жесткую постель,
В чем был к порогу побежал скорей,
Осведомился, малость оробев:

⁵⁶⁸⁵ «Святой Денис, кто ломится ко мне?
Антихрист или просто лиходей?
Чего в столь поздний час он ищет здесь?
Коль грабить хочешь ты меня, пришлец,
Знай: у меня в кармане ни денье.

⁵⁶⁹⁰ Коль все ты заберешь, что в доме есть,—
И то не будет прибыли тебе:
Жери, святым епископом Камбре,
Клянусь, на пять грошей добра тут нет».
Над горемыкой сжался храбрец

⁵⁶⁹⁵ И ласково проговорил в ответ:
«Друг, я не вор и не головорез,
Чинить тебе не собираюсь вред.
Солдат наемный я, а здесь затем,
Что послужить хотел твоей стране,

⁵⁷⁰⁰ Да въезда мне в Париж до света нет.
Пусти меня, приятель, на ночлег.
Я расплачусь с тобой, коль буду цел».
Дверь распахнул Бернар, чуть осмелев,
Но увидал, что росту в пришлеце

⁵⁷⁰⁵ Поболее, чем в нем, на пять локтей,
Что тот в стальной броне и при мече,
Затрепетал от страха телом всем,
Белее мела стал, на землю сел
И графу, чуть дыша, сказал затем:

⁵⁷¹⁰ «Сеньор, да сохранит вас бог от бед,
В мое жилье вам ни за что не влезть.
А вашего коня куда нам деть?
Клянусь наистистейшею из дев,
Я человека не видал рослей,

⁵⁷¹⁵ И с перепугу еле не сомлел».
Граф рассмеялся от таких речей.

ХCIV

Смеясь, внимает граф Гильом речам
Того, кого так сильно напугал;
Бернар же глаз не сводит с пришлеца

⁵⁷²⁰ С его брони, и шлема, и меча,
Дивится на длину и блеск клинка,
Промолвить не дерзает ни словца.
Граф повторяет: «Друг, забудь свой страх

И дай мне у тебя заночевать,
⁵⁷²⁵ А я тебе не причиню вреда».
 «Жилье мало для вас», — твердит Бернар.
 А граф ему: «На бога уповай.
 О господи, — взмолился он, — коль я
 Покорен воле был твоей хоть раз,
⁵⁷³⁰ Так сделай, чтобы дом мне впору стал».
 Подпер плечом он балку потолка
 И вверх ее попробовал поднять,
 И просьбе графа внял небесный царь:
 Пол опустился, кровля поднялась,
⁵⁷³⁵ Раздался дом, стал шире раза в два,
 Так, что туда зашел свободно граф
 И даже ввел с собою скакуна.
 Бернар совсем дар речи потерял —
 Молчит и лишь не сводит с графа глаз,
⁵⁷⁴⁰ Потом к его бросается ногам:
 «Скажите, ради господа Христа,
 Святой вы или вроде колдуна?»
 «Друг, — громко рассмеялся граф опять, —
 Свершило это все рука творца,
⁵⁷⁴⁵ И ты теперь приют мне можешь дать».
 «При чем тут я? — в ответ Бернар вскричал, —
 Отныне этот дом не мой, но ваш.
 Ведите как хозяин в нем себя,
 А я исполнить рад любой приказ».
⁵⁷⁵⁰ Снял граф доспехи, расседлал коня
 И вспомнил, что кормить его пора,
 А у Бернара в доме — вот беда! —
 Ни сена, ни овса, ни ячменя.
 «О господи, — промолвил граф в сердцах, —
⁵⁷⁵⁵ Я в жизни не видал бедней жилья».
 Он на постель Бернара бросил взгляд —
 Ни простыни на ней, ни тюфяка:
 Что на себя хозяин надевал,
 Тем он и укрывался по ночам.
⁵⁷⁶⁰ Да не из мягких и постель была:
 На куче стрелолиста спал бедняк.
 Бернар в достатке не жил никогда,
 А в дни войны и вовсе обнищал,
 Лишился и жены своей, и чад,
⁵⁷⁶⁵ Остался без родных и без гроша,
 Жил только тем, что продавал дрова,
 Перебивался, словом, кое-как.
 Тарелки в доме было не сыскать:
 Кувшин да котелок — вот утварь вся.
⁵⁷⁷⁰ В одном носил он воду из ручья,

В другом варил горох по вечерам.
Бернар помог доспехи графу снять,
Кольчугу на пол положил в ногах,
Зеленый шлем и меч повесил так,
5775 Чтоб было при нужде легко достать,
И вымовил не поднимая глаз:
«Сеньор, не стану я от вас скрывать,
Что ваш скакун страшит меня весьма:
Так крупен он и норовом горяч,
5780 Что разнесет мой домик без труда».

Гильом в ответ: «А мне вот страшно, брат,
Что спать придется лечь нам натощак».

Бернар ему: «Не даст мне бог согнать,
Лишь хлеба кус был нынче у меня.

5785 Съел с вечера я половину сам,
Другую же припрятал до утра,
Но вам ее с охотою отдам.
Клянусь творцом, невелика беда,
Коль день придется мне поголодать!»

5790 Несчастного Гильому стало жаль.
Он молвил: «Друг, благодарю сто раз,
Но если можешь ты в Париж слетать
Да раздобыть съестного и вина,
Тебе я денег сколько хочешь дам».

5795 Бернар в ответ: «Я услужить вам рад
И все сумею в городе достать,
Коль даст привратник мне войти туда».

Гильом воскликнул: «Ты, однако, хват!
Ступай же с богом и не мешкай зря».

5800 Ослабил он завязки кошеля,
Сто су Бернару в руку отсчитал
И молвил: «Как тебя, приятель, звать?»

А тот: «Бернаром, что живет у рва.
Рождением я, правда, из дворян,

5805 Но разорен, как видите, дотла,
Хоть все же христа ради чинить не стал».

Исторгла у Гильома вздох печаль,
Но молвил он: «В дорогу, брат, пора.
Прошу я только накрепко молчать

5810 О том, что у тебя сижу сейчас».

Бернар в ответ: «Я не раскрою рта»,—
И что есть духу в город побежал
Съестное и вино раздobyывать.

ХСV

Спешит бедняк достойный что есть сил,
5815 К воротам подбегает городским,
Привратника зовет и говорит:

- «Дозволь, приятель, в город мне войти».
 А страж в ответ: «Кто и откуда ты?»
 — «Бернар я, что живет за рвом сухим».
⁵⁸²⁰ — «Чего тебе не спится, черт возьми?»
 — «По делу надо мне попасть в Париж».
 — «В него, клянусь тебе творцом благим,
 Допущен ты не будешь до зари,
 Да и тогда мне за тебя влетит —
- ⁵⁸²⁵ Вход в город всем король наш воспретил». Бернар не отступает: «Не сердись,
 Открой и мост подъемный опусти,
 А я тебе готов пять су вручить».
 Привратник рассмеялся от души:
⁵⁸³⁰ «Бернар, черт побери тебя, не лги!
 Где ты такие деньги раздобыл?
 Ворота я согласен отворить,
 Но если мне пять су ты не вручишь,
 Год будет для тебя Париж закрыт».
- ⁵⁸³⁵ Ворота не преминул он открыть,
 Бернар ему вручил, что посулил,
 И радостно промолвил страж: «Иди
 Во имя божье по делам своим.
 Тебе ворота будут отперты,
- ⁵⁸⁴⁰ Когда бы ты ни постучался в них,
 Будь то снаружи, будь то изнутри».—
 Бернар ответил: «Бог тебя храни»,—
 И побежал по улицам ночным.
 На Малый мост направил он шаги
- ⁵⁸⁴⁵ И вот что там сумел приобрести:
 Отменно жирных каплунов, а к ним
 И перепелок, и другую дичь,
 Большуший хлеб из сеянной муки,
 Гвоздику, перец, груши, соль и тмин,
- ⁵⁸⁵⁰ И прочее, что нужно, из еды,
 И корм коню, и сальных две свечи.
 Мешок набил он доверху съестным,
 А что не удалось туда вместить,
 Полою обернув, прижал к груди.
- ⁵⁸⁵⁵ Бурдюк с вином он, сверх того, купил,
 Сковороду, тарелок штуки три,
 И кубок, больше всякой ендовы,—
 Все, от чего из-за нужды отвык
 И чем давно мечтал обзавестись.
- ⁵⁸⁶⁰ Изрядный груз он на плечи взвалил,
 Под ним согнулся чуть не до земли,
 Но все ж ворот в конце концов достиг.
 Вскричал мздоимец-страж: «Святой Денис!

Как груз тебя, Бернар, не раздавил?
 5865 Не съест все это даже исполин».
 Бернар в ответ: «Тебе я говорил:
 Случилось тут мне десять су найти,
 И эти деньги я решил спустить:
 5870 Боюсь, что у меня отнимут их».
 Одобрил страж: «Ты мудро поступил.
 Иди. Захочешь в город — не чинись:
 Тебя всегда в Париж я рад впустить».
 Вдоль рва побрел Бернар с трудом большим —
 5875 Груз у него не в меру был велик,
 Но силы в нем удваивала мысль,
 Что гостя всем он ублаготворит.
 Пришел он наконец туда, где жил,
 И кашлянул — мол, здесь я, отопри.
 5880 Услышал граф и на ноги вскочил.
 «Хозяин мой — господь его спаси! —
 Домой вернулся цел и невредим».

XCVI

Бернар, что жил у рва, пришел домой,
 С плеч сбросил груз, дыханье перевел.
 5885 Граф, наделенный силою большой,
 Руками наломал охапку дров,
 Однако раздувать не стал огонь,
 Боясь спалить свои усы кольцом
 И бороду, небритую давно.
 5890 Весьма Бернару стало жаль его,
 И он промолвил: «Встаньте-ка, сеньор,
 Да отдохнуть прилягте на часок:
 В пути пришлось вам, видно, нелегко,
 А я покуда разведу огонь
 5895 Да приготовлю ужин кой-какой.
 Возьмите только прежде мой мешок,
 Который полон сеном и овсом,
 И своему коню задайте корм.
 Пусть десять мне подарят городов —
 5900 К нему не подойду я все равно:
 Такой чужого сразу же убьет».
 Гильом одобрил: «Ты, Бернар, умен».
 Бернар, что жил у рва, и граф Гильом
 5905 Взялись за дело с ловкостью такой,
 Что скоро знатный ужин был готов.
 В тарелке — ступки в доме не нашлось —
 Они растерли перец в порошок,
 После чего, сменяясь чередой,
 Сковороду вертели над огнем:
 5910 Гильом так отдохнуть и не прилег.

- Поужинали всласть они вдвоем
Хоть и без скатерти, но со свечой,
Вина испили перед очагом,
Себе прогрели тело хорошо.
- ⁵⁹¹⁵ Хозяин был радущие само.
С Гильомом так повел он разговор:
«Сеньор, молю вас господом Христом,
Коль хочется чего — берите все.
Даст бог, потом я нагоню свое».
- ⁵⁹²⁰ Ответил граф: «Благодарю, друг мой».
Отужинав, Бернар поднялся вновь,
Творцу благодарение вознес:
«Спасибо тебе, господи, за то,
Что послан мне тобой столь щедрый гость».
- ⁵⁹²⁵ Уже семь лет иль более того
Не баловался я такой едой».
Затем прибрал остатки пищи он,
А их набралось столько, что с лихвой
На четырех хватило б пастухов.
- ⁵⁹³⁰ Граф тоже встал, молитву произнес,
Вином наполнил кубок до краев,
Сказал Бернару: «Выпей, друг, еще».
Тот выпил, кубок повернул вверх дном,
И граф промолвил: «А теперь изволь
- ⁵⁹³⁵ Мне рассказать подробно кой о чем».
Бернар ему ответил: «Я не прочь.
Сто су, сеньор, вы дали мне с собой,
И я не утаил ни одного,
Свидетель в этом мне Денис святой».
- ⁵⁹⁴⁰ Пять взял с меня привратник у ворот,
Святым Омером вам ручаюсь в том! —
Зато теперь открыт мне в город вход.
Потом купил я все, с чем к вам пришел:
Овес и сено, хлеб, вино и соль,
- ⁵⁹⁴⁵ И съеденных здесь нами кашунов,
И тмин, и перец, и перепелов,
А также из посуды кое-что
И свечи, чтоб здесь было нам светло,
Да для поклажи этот вот мешок.
- ⁵⁹⁵⁰ Теперь уж не упомнить мне всего,
Но так вот, покупая то да се
И не торгуясь — было уж темно,
Я ваших денег двадцать су извел,
Четыре ж ливра вам назад принес.
- ⁵⁹⁵⁵ Возьмите их, покуда целиком
Не разошлись они на разный вздор».
Смех графа разобрал от этих слов,

И молвил он: «Брось чепуху молоть!
 Святой Гонорий мне порукой в том,
 5960 Что в голову мне даже не пришло
 С тебя в деньгах потребовать отчет.
 Нет, говорить хотел я о другом.
 На деньги же, коль ты их впрямь сберег,
 Купи, чего тебе недостает —
 5965 Одежду, обувь или утварь в дом.
 Дешевле мне еще не стоил кров,
 И сдачи не возьму я никакой
 С того, что получил ты на расход».
 Не удержался тут Бернар от слез,
 5970 Пал перед графом на землю ничком
 И храбрецу облобыздал сапог:
 «Воздай вам бог, но только до сих пор
 Не верю я, что все это всерьез».
 От смеха удержаться граф не смог
 5975 И молвил: «Не из тех я, кто охоч
 Шутить такие щутки с бедняком».
 «О боже! — рек Бернар, прия в восторг.—
 Вчерашний нищий, стал я богачом.
 Не буду я таскать вязанки дров.
 5980 Тот, кто со мной был прежде груб и горд,
 Быть другом мне теперь за честь почтет».
 Он в кубок снова нацедил вино,
 Граф осушил его одним глотком
 И выпить дал Бернару в свой черед.
 5985 Они погрелись перед очагом,
 И граф спросил: «Видал ты хоть разок,
 Каков собою Изоре-король
 И как себя с французами ведет?»
 «Видал,— Бернар ответил на вопрос,—
 5990 Один к воротам каждый день с зарей
 Он подъезжает и бросает зов:
 «Ну, кто со мной померяться дерзнет?»
 Но так безмерно он силен и росл,
 Что вид его приводит наших в дрожь
 5995 И не желает драться с ним никто,
 Людовика включая самого».
 Осведомился граф: «А есть расчет
 Мне подождать его в дому твоем?»
 Бернар ему ответил: «Да, прямой.
 6000 Он будет здесь, как только рассветет.
 С ним у ворот встречаюсь я порой,
 Но гордый нехристь лишь отводит взор —
 Не ставит, видно, бедняка ни в грош».
 Гильом воскликнул: «Боже всеблагой,

- 6005 Меня столкнуться с Изоре сподобь,
Дабы, покончив с этою войной,
И возвеличив твой святой закон,
И Францию избавив от врагов,
Вновь мог я стать смиренным чернецом».
- 6010 Добавил он: «Хозяин дорогой,
Мне надо хоть на час забыться сном,
Но подними меня любой ценой,
Чуть нехристь наших звать на бой начнет».
- Бернар в ответ: «Ступайте на покой.
- 6015 Вас разбужу, сеньор, я в должный срок».
Копю подсыпал корму граф — и в сон,
Хозяин же сел рядом с пришлецом,
Стал мышцы растирать ему рукой,
Но вскорости оружья дальний звон
- 6020 К себе его внимание привлек.
Домчись тот звук из города до рвов,
Бернар не шелохнулся б ни почем,
Но шум раздался в стороне другой —
В расположенье сарацинских войск.
- 6025 Встал Изоре до третьих петухов,
Велел неверным снаряжаться в бой:
«За мною вы поскакете вдогон,
Чтоб при нужде немедля мне помочь.
Коль нас судьба с Людовиком сведет,
- 6030 В куски я изрублю его мечом.
К тому же, мне приснилось в эту ночь,
Что здесь маркграф Гильом Короткий Нос,
И он мне дать намерен укорот.
Посмотрим, правда это или ложь».
- 6035 Вот помолились нехристи толпой,
Чтоб Магомет их короля сберег,
И турок поскакал во весь опор,
Взять город замышляя на копье.
К воротам добрый конь его привез,
- 6040 И громко закричал язычник злой:
«Король Людовик, ждет тебя позор,
Коль ты со мной сразиться не дерзнешь».
В Бернаре вся похолодела кровь,
Гильома он толкнул поспешно в бок:
- 6045 «Сеньор, вставайте и скорей в седло!
Примчался Изоре сюда в галоп».
- Гильом вскричал: «Да славится господь!» —
Вскочил с постели, грудь броней облек,
И завязал хозяин шлем на нем,
- 6050 И на бок граф повесил меч стальной.
Затем он вывел скакуна во двор,

Уселся на него одним прыжком,
Послушал крик язычника и рек:
«Да он, о боже, тронулся умом!
 6055 Пречистая, будь мне в бою оплот!»
Бернар сказал: «Клянусь благим творцом,
Я вас готов сопровождать пешой».
Граф молвил: «Нет, со мной ты не пойдешь:
Я у тебя и так в долгу кругом.
 6060 Спасибо за ночлег и за любовь.
Коль буду жив, воздам тебе добром».
Бернар ему: «Сеньор, храни вас бог,
Да только очень страх меня берет,
Что с вами не увидимся мы вновь:
 6065 Уж больно этот сарацин силен.
Коль вас убьют, мне горевать по гроб».
Полились слезы у него ручьем,
И тяжкий из груди исторгся стон.
Гильом ему в ответ: «Будь духом бодр.
 6070 Дасть бог, меня язычник не убьет».
Тут он коня пришпорил во всю мочь,
И на четырнадцать шагов вперед
Конь всадника унес одним скачком.

ХC VII

Граф шпоры дал, коня пустил карьером,
 6075 И хоть щита нет у него на шее,
Зато в руке меч обнаженный блещет.
Мчит к Изоре он, гневом подогретый,
И объявляет нехристю надменно:
«Трус, пусть тебя накажет царь небесный!»
 6080 Не поднимай Людовика с постели.
И без того ты столько зла наделал,
Что ждет тебя от рук моих возмездье.
Коль в схватке мне господь пошлет победу,
Тебя я обезглавлю непременно.
 6085 Французам причинил ты вред безмерный:
С огромным войском вторгся в наши земли,
Пожег аббатства, многих смерти предал,
Париж и короля в осаде держиць.
Но я ручаюсь Власием блаженным,
 6090 Что ты меня себе на горе встретил
И кары по заслугам не избегнешь».
Рукой провел красноречиво нехристъ
По лезвию — длиной в два локтя целых —
Секиры, на груди его висевшей:
 6095 Мол, не страшат его угрозы эти,
И в свой черед спросил высокомерно:

«Христианин, будь проклят Магометом!
 Кто ты таков и здесь с какою целью?»
 «Чтобы с тобой сразиться», — граф ответил.
 6100 Воскликнул турок: «Глупая затея!
 Будь двадцать пять бойцов с тобою вместе,
 Я и тогда бы всех вас предал смерти».
 Подумал граф: «Как он в себе уверен!
 Не время ль перейти мне в наступленье?
 6105 Я скрыться должен до утра отселе,
 Чтоб обо мне Людовик не проведал.
 Коль Изоре падет — конец неверным!»
 А вслух врагу сказал: «Бахвал презренный,
 Угроз я не боялся от рожденья.
 6110 Коль ты и впрямь не трус — со мною бейся».
 И бросился на сарацина первым.
 Чуть не рехнулся Изоре от гнева,
 Секири над собой занес мгновенно,
 По шлему графа грохнул ею сверху,
 6115 Отбил от шлема всю его отделку —
 Топазы, лалы, прочие каменья,
 Но капюшон не прорубил подшлемный —
 Секири по нему скользнула влево.
 Граф молвил: «Боже, бьет язычник крепко,
 6120 И коль удар направит он пометче,
 Мне век свой не дожить в скиту наверно.
 Но я — святой Иаков в том свидетель! —
 Его сейчас по шлему так огрею,
 Что сталь на части разнесет железо».
 6125 Граф шпоры дал, к язычнику подъехал,
 Удар на шлем обрушил карфагенский,
 С него каменья посыпал на землю, —
 Но вбок язычник откачнулся резко,
 И оказалось лишь плечо задето.
 6130 Однако граф был так остервенело,
 Что меч кольчугу все-таки прорезал,
 И вся она от крови заалелась.
 Смекнул король: пред ним боец умелый,
 И молвил: «Рыцарь, ты искусный мечник.
 6135 Откуда принесли тебя к нам черти?
 Средь парижан рубак подобных нету.
 С твоим удары их нейдут в сравненье,
 В чем я признаться должен откровенно.
 По хватке судя, родом ты не здешний,
 6140 А из того нарbonнского семейства,
 Что граф Гильом прославил повсеместно, —
 Другой со мной сразиться не посмел бы».
 На графа наседает нехристъ дерзкий,

Взывает к Магомету в исступленье.
⁶¹⁴⁵ Привратник с вышки этим крикам внемлет,
 Французам говорит недоуменно:
 «Друг с другом у язычников сраженье».
 А наши молвят: «Нам-то что за дело?
⁶¹⁵⁰ Всех на суку одном бы их повесить!»
 Противники сражаются все злее,
 Затем что нет им больше отступленья:
 Один из них кончины не избегнет.

XCVIII

Секири поднял Изоре опять,
 Вновь на Гильома гонит скакуна,
⁶¹⁵⁵ В шлем норовит противнику попасть,
 Но успевает граф отбить удар,
 Над нехристем заносит свой булат,
 По шее бьет им недруга сплеча,
 Кольцо кольчужных прорубает сталь.
⁶¹⁶⁰ Отвага Изоре не помогла —
 С плеч голова его слетела враз.
 Не станет нос он больше задирать.
 Берет ее со шлемом вместе граф,
 Оставив в луже крови мертвеца
⁶¹⁶⁵ С секирий бесполезною в руках,
 И едет на коне своем в обрат,
 Благодаря за милость небеса:
 Пал Изоре, а значит, и вождя
 Отныне больше нет у басурман.
⁶¹⁷⁰ Когда Гильома увидал Бернар,
 Он пылко возблагодарил творца,
 С почтеньем графу стремя придержкал.
 «Сеньор, добро пожаловать назад!
 Язычник вам не причинил вреда?»
⁶¹⁷⁵ — «Нет, невредим я, господу хвала!»
 Бернар считал, что спрыгнет граф с седла,
 Но рассудил Гильом совсем не так
 И молвил: «Вот что я надумал, брат.
 Отсюда удалиться мне пора,
⁶¹⁸⁰ Но Изоре со мною голова,
 И я тебе ее оставлю в дар,
 Небесполезный для тебя весьма.
 Как только к службе в храмах зазвонят,
 Заголосит от горя вражий стан,
⁶¹⁸⁵ И весть о том дойдет до короля.
 Людовик тотчас двинет в поле рать
 На добрых и горячих скакунах.
 Французы всех язычников сразят,

- Возьмут в бою добычу без числа
 6190 И в город с нею явятся назад,
 И тут солжет какой-нибудь бахвал,
 Что Изоре пал от его меча,
 А ты перед лицом всего двора
 Возьмешь да и осадишь хвастуна.
- 6195 Возврятся все с презреньем на тебя,
 Начнут тебя чернить и оскорблять,
 Пред королем глупцом изобразят,
 И голову предъявишь ты тогда,
 И замолчать придется крикунам,
- 6200 И наградит тебя наш государь.
 Затем, как я могу предполагать,
 Посыплются вопросы без конца:
 «Кто это сделал? Где смельчак сейчас?» —
 А ты на все молчанье отвечай».
- 6205 «Но как мне быть, сеньор, — спросил Бернар, —
 Коль повелит меня король пытать
 За то, что я не раскрываю рта?
 Как должен я тогда вести себя?
 Как объяснить, где голову я взял?
- 6210 Наставьте же меня, ради Христа,
 Затем что поплачусь жестоко я,
 Коль не скажу Людовику про вас».
 Несчастного Гильому стало жаль,
 И вот какие молвил он слова:
- 6215 «Свидетель мне отец небесный наш,
 Что я тебя на пытку или казнь
 И за мешок безанов не отдам
 Запомни ж, как тебе себя держать».

ХСIX

- Граф молвил: «Вот как должен ты держаться.
- 6220 Коль донимать тебя Людовик станет,
 Ответь ему немедля без утайки,
 Что Изоре убил Гильом Оранжский,
 Приехавший из пустыни в Прованс,
 Чтоб Францию от нехристей избавить.
- 6225 Поведаешь ему ты без утайки,
 Что в доме у тебя заночевал я
 И сразу же, в Париж не заезжая,
 К себе вернулся в скит на покаянья.
 Добавь, что я прошу одной награды
- 6230 И ожидать ее имею право —
 Пусть он тебе такой доход назначит,
 Чтоб до могилы мог ты жить богато.
 Тебя уважив, он меня уважит.

А чтобы не сочли, что ты обманщик,
⁶²³⁵ Скажи, что слышал от меня рассказы
 О том, как я им и Ландри отважным
 Спасен в Палермо из темницы грязной.
 Затем Ландри он в городе оставил
⁶²⁴⁰ И сам ушел во Францию с войсками,
 А я не захотел сопровождать их,
 Вернулся в свой прованский скит обратно».
 Бернар сказал: «Все понял я прекрасно».
 Граф со своим хозяином расстался
⁶²⁴⁵ И помолился богу за Бернара,
 А тот о нем погоревал изрядно.
 Граф едет в скит на скакуне испанском
 И обещает весь припас свой ратный
 В дар принести святому Грациану.

С

С Гильомом здесь расстанемся мы вновь,
⁶²⁵⁰ О нем расскажем вам в свой час и срок,
 А ныне о Людовике споем
 И тех, кто с ним в Париже осажден.
 В лучах зари алеет небосвод.
 Приходят сарацины в страх большой,
⁶²⁵⁵ Такой ведут друг с другом разговор:
 «Великий Магомет, что с королем?
 Он о себе вестей не подает.
 Не слишком ли его мы долго ждем?
 Что, если Изоре Славонский мертв?
⁶²⁶⁰ Пойдем посмотрим, не погиб ли он».
 Коней пустили нехристи в галоп,
 Увидели, что на земле сырой
 Безглавым трупом возлежит король.
 У турок из груди исторгся стон,
⁶²⁶⁵ В беспамятство повергla многих скорбь —
 Семь тысяч человек на землю грох.
 Язычники клянут своих богов,
 Рыдают громко: «Изоре, сеньор,
 Зачем покинул ты своих бойцов?
⁶²⁷⁰ Теперь нам нет возврата в край родной».
 Весь лагерь вскоре узнает о том,
 Что арагонец Изоре сражен.
 Разносится по стану горький вопль.
 Об Изоре стенают все кругом,
⁶²⁷⁵ Пронзает все сердца такая боль,
 Что тридцать с лишним тысяч смельчаков
 Не в силах вымолвить хотя б словцо.
 Французы, что собрались у ворот,

- Глядят на замешательство врагов,
 6280 Докладывают королю о нем.
 Трубить велит король Людовик сбор,
 Его французы прыгают в седло,
 Спешат бретонцы и бургундцы в бой,
 И лотарингцы, и фланандцы тож.
 6285 Отряд десятитысячный готов.
 Над головами реет шелк знамен.
 Людовик первым скачет через мост,
 На недругов своих людей ведет,
 Им клич бросает: «Монжуа! За мной!»
 6290 На турок наши мчатся, как поток,
 Берут их на копье, разят мечом,
 А нехристи не в силах дать отпор:
 От страха каждый стал с бараном схож.
 Пускаются злодеи наутек,
 6295 Чтоб смерти избежать любой ценой,
 Бегут в расстройстве к Сене прямиком,
 Пытаются спастись кто вплавь, кто вброд,
 Но так река быстра и брод глубок,
 Что гибнет десять тысяч беглецов —
 6300 Все захлебнулись и пошли на дно.
 А кто хотел уйти сухим путем,
 Тот иль убит, иль угодил в полон.
 В подробности входить нам не расчет,
 И скажем мы для краткости одно:
 6305 Не спасся из язычников никто.
 Французы взяли множество шатров,
 Ларцы и скрynи с золотой казнью,
 Коней, и мулов, и парчу, и шелк —
 Таких богатств не видел мир дотоль.
 6310 Они забрали все это добро
 В Париж, где шумно ликовал народ,
 И поделили без обид и ссор,
 И не нашлось в Париже никого
 Из взрослых и детей, мужей и жен,
 6315 Кто бы сполна не получил свое.
 Людовик тоже не был обделен.
 К себе в донжон сзывает он вельмож
 И говорит: «Дивлюсь я, отчего
 Эмира мне узреть не довелось.
 6320 Тому, чьим Изоре сражен клином,
 В мангонах дам я ливров десять сот».
 Тут к трону некий плут и пустозвон,
 Который Ганелону был родней,
 Отрубленную голову принес:
 6325 Не Изоре — племянника его,

- Что звался Матамаром-королем.
 Он молвит: «Государь, у ваших ног
 Прямое доказательство того,
 Что Изоре убит моей рукой».
- ⁶³³⁰ Король и с ним весь многолюдный двор
 Заглядывают нехристю в лицо:
 Зубаст он, плосконос, рыжебород,
 И закрывают космы хмурый лоб.
 Французы восклицают: «Вроде он!
- ⁶³³⁵ Дать за него награду не грешно».
 Но вскоре по-иному все пойдет:
 Бернар явился во дворец тайком
 В своем плаще, проношенном пасквозвь.
⁶³⁴⁰ Под ним он вражью голову несет,
 Так и не сняв с нее шишак стальной.
 Пробрался он через толпу молчком,
 Схватил рукой Фукара за плечо —
 Стоял пред троном на коленях тот.
 «Встань! Объявляю я тебя лжецом.
- ⁶³⁴⁵ Не знаешь ты, каков эмир собой,
 С ним рядом не стоял спокон веков
 И хвастаешься головой чужой.
 Мне тот, кто Изоре убил, знаком.
⁶³⁵⁰ В моем дому проспал он эту ночь
 И нехриста обрек на смерть с зарей.
 Вот голова язычника, залог
 Того, что все твоё бахвальство — ложь».
 Французы на него со всех сторон
⁶³⁵⁵ Глядят, как будто он медведь лесной.
 «Где голова? — кричит ему весь двор.—
 Мы сами опознать хотим ее».
 Таким обстали бедняка кольцом,
 Что рек Людовик: «Отайдите прочь!
⁶³⁶⁰ Любой, кто причинит Бернару зло,
 На рель отправлен будет мной, как вор.
 Порукой в этом мне Факунд святой!»
 Буяны унялись, и шум умолк.

СІ

- Бернар стоит перед троном в зале пышном,
 И говорит король слова такие:
⁶³⁶⁵ «А голову ты все же покажи нам».
 Бернар в ответ: «С охотой превеликой», —
 И голову в павийском шлеме вынул.
 Вокруг шлема обруч золотой унизан
 Был множеством топазов и рубинов,
⁶³⁷⁰ А над наносьем изумруд искрился

Так, что и ночью все вокруг светилось,
 И письмена на обруче гласили,
 Что звать владельца Изоре Коимбрский.
 Людовик их прочел, потом воззрился
 6375 На шлем, что принесен Фукаром лживым,
 Вгляделся в надпись и от смеха прыснул:
 Покойник, имя Матамар носивший,
 Был лютичей король и приходился
 Племянником могучему эмиру
 6380 И Синагону родственником близким.
 Король Фукару бросил: «Удалитесь! —
 Уличены вы в хвастовстве постыдном», —
 И тот ушел, осмеян и унижен.
 Король трофеи приподнял горделиво,
 6385 Велел французам подойти поближе,
 Снял с головы эмира шлем павийский.
 Весьма хорош собою был убитый:
 Не волосы — доподлинная грива,
 Усы и борода совсем седые,
 6390 Прямой точеный нос и рот красивый,
 Ноздрей широких безупречный вырез,
 Румяное лицо и лоб открытый.
 Все говорят: «Породу сразу видно!»
 «Бернар,— владыка Франции воскликнул,—
 6395 Скажи нам, кто эмира победитель,
 И жить в богатстве будешь до могилы;
 А нет,— клянусь сполетскими святыми! —
 Предать тебя я казни не премину».
 Бернар в ответ: «Нет, тайны я не выдам».
 6400 Король озлился, челядинцев кликнул,
 И те одежду с бедняка сташили.
 В одних штанах он вздернут был на дыбу,
 Хоть возмущался: «Что за чертовщина!
 Я с добром вестью, а меня — под пытку!»
 6405 Король ему: «Клянусь святым Денисом,
 Не скажешь правду — с головой простишься».
 Бернар в ответ: «Солому ломит сила.
 Я все открою вам — лишь не казните.
 На кой мне черт лишаться этак жизни!»
 6410 Король послушал, скрыть не смог улыбки.
 Бернара отвязали челядинцы,
 Одели вновь и к трону подташили.
 Встал на ноги Бернар, и распрямился,
 И молвил так, чтоб каждый в зале слышал:
 6415 «Король, клянусь вам судией всевышним,
 И пресвятою девою Марией,
 И той купелью, где меня крестили,

Что Изоре убил на поединке
 Гильом Короткий Нос, бесстрашный рыцарь.
⁶⁴²⁰ Взять верх в войне он пособил вам нынче,
 Дабы за службу с вами расплатиться,
 Что вы ему в Палермо сослужили,
 Спася его из плена и темницы.
 Он вновь надел доспехи боевые
⁶⁴²⁵ И свой безвестный дальний скит покинул,
 Чтоб трон ваш не достался сарацинам,
 И чтоб конец войне вы положили.
 Минувшей ночью он в наш город прибыл
⁶⁴³⁰ Во всеоружье, на коне сирийском;
 Когда ж был прогнан от ворот Парижа,
 Явился на ночлег в мое жилище,
 Хоть для него оно так тесно было,
 Что он сперва не смог туда проникнуть.
⁶⁴³⁵ Но чудом бог мой домик увеличил —
 Теперь пятнадцать человек вместит он.
 Граф — да хранит его от зла зиждитель! —
 Решил обратно в пустынь удалиться
 И больше в руки меч не брать отныне».
⁶⁴⁴⁰ Король послушал, сердцем умилился,
 Лицо слезами оросил обильно,
 Бернара обнял дружески и пылко.
 Взирал на них с волнением зал притихший.
 Никто промолвить слова не решился —
 Так новость всех глубоко поразила.

СII

⁶⁴⁴⁵ «Клянусь благим творцом,— сказал Бернар,—
 Что правду всю я выложил сполна.
 Одно добавлю — что пришел сюда,
 Дабы от графа дар доставить вам,
 Не то бы много месяцев меня
⁶⁴⁵⁰ Никто в Париже и не увидал:
 Я от щедрот Гильома стал богат.
 Четыре ливра он мне дал вчера —
 На что захочешь, мол, на то и трать.
 Он всепокорно просит также вас,
⁶⁴⁵⁵ Коль вы к нему питаете приязнь,
 Какой-нибудь доход мне приискать
 И быть со мной щедрей, чем был он сам:
 Ведь в день, когда вас разверла судьба
 И отбыл из Палермо он в Прованс,
⁶⁴⁶⁰ Всем запретив его сопровождать,
 Не прихватил с собою в пустынь граф
 Ни золотых безанов, ни добра».

Король в ответ: «Клянусь душой, ты прав.
Чего же ты желаешь, друг Бернар?»
 6465 Элигием святым ручаюсь я,
Мне ради графа ничего не жаль.
Получишь столько ты, что никогда
Твои сыны нужды не будут знать».
 Бернар послушал, пал к его ногам,
 6470 Четыре раза их облобызal
И вымолвил: «Спасибо, государь,
А вот за что — в толк не возьму никак».
Смех разобрал дворян и горожан,
И рек король: «Бернар, ты прав опять.
 6475 Я улицу тебе в Париже дам —
Одна из трех красивейших она.
Ты на нее получишь все права,
И пусть в моей стране запомнит всяк:
Кто ущемить посмеет в них тебя,
 6480 Иль обойтись с тобою свысока,
Иль сделать хоть на грош тебе вреда,
Того, клянусь всевышним, ждет петля».
Всем по душе пришлись его слова,
А он указом подтвердил свой дар,
 6485 Одел Бернара в бархат и шелка,
Ему вручил отменного коня,
Чему бедняк был несказанно рад.
Бернар вознес молитву: «Отче наш,
Гильома огради от бед и зла,
 6490 Ему отверзни по кончине рай.
А кров-то дал ему я в добрый час!»

CIII

Бернар ликует: стал он богачом.
Велел его одеть в бесценный шелк
И улицу дал в лен ему король,
 6495 А чуть позднее и жену нашел —
С ней народил детей Бернар потом,
Их род досель во Франции живет.
Король повел с ним разговор такой:
«Что, друг Бернар, сказал тебе Гильом,
 6500 Когда прощался на заре с тобой?
Ужель в скиту он скроется по гроб?
Когда б его вернуть назад я мог,
За ним послал бы пятьдесят гонцов.
Мне в мире так, как он, не люб никто».
 6505 «Клянусь святым Рикардом,— молвил тот,—
Что граф, хоть золотом осыпь его,
К вам не вернется больше ни за что.

Наскучило ему ходить в поход,
 Носить оружье, лить рекою кровь.
 6510 Творцу служить он жаждет день и ночь,
 Но шлет наинижайший вам поклон:
 Не любит так, как вас, он никого.
 Из тех, над кем сияет небосвод».
 Король в ответ: «Как я скорблю о нем!
 6515 Он столько принял для меня трудов,
 Так много раз спасал французский трон
 И даже ныне нам успел помочь
 Неверных истребить до одного.
 Принес он милой Франции покой,
 6520 Дал пахарю за дело взяться вновь.
 Пускай воздаст ему сторицей бог —
 Он край родной избавил от оков».
 Король и двор ликуют всей душой,
 Велят трубить в рога, и звать за стол,
 6525 И воду подавать перед едой.
 Но песню длить нам больше не расчет.
 Бог Францию очистил от врагов.
 Без страха в путь-дорогу всяк идет —
 Пресечены разбой и воровство.
 6530 Пора оставить короля и двор,
 Бернара тоже — получил он все,
 И спеть вам, как Гильом Короткий Нос
 Обратно ехал на коне лихом.
 В свой монастырь сперва явился он.
 6535 Патроном был там Грациан святой.
 Граф скакуна и воинский убор
 Оставил братье на условье том,
 Что их получит, коль нужда придет
 Вступиться за святой закон Христов.
 6540 С аббатом распрощался он тепло,
 И снова в путь пошел, уже пешой,
 И много миновал полей и гор,
 И до скита добрался своего.
 Граф скоро в прежний вид его привел,
 6545 С великим тщанием починил жилье,
 Старательно возделал сад кругом.
 Холм, где стояла пустынь, был высок,
 И обрывался он в глубокий дол,
 А там шумел поток, стекавший с гор,
 6550 И вел лишь конный брод через него.
 Пошел Гильом однажды за водой
 И увидал опасный этот брод,
 Где погибали путники порой.
 Граф рассудил, что было б хорошо

- 6555 Там возвести из камня прочный мост
Для тех, кто путешествует верхом,
И для пешком бредущих бедняков,
Чтоб не пересекать им вплавь поток.
Подумал он: «Тогда уж прямиком
6560 Паломники пойдут, а не в обход
К Сен-Жилю и к другой святыне тож —
В Рокамадур, на тот крутой утес,
Где храм пречистой Деве возведен».
- 6565 Граф принялся за труд безмерный свой,
Глыб десять сотен с лишним приволок,
Но только арку первую возвел,
Как стал чинить ему препоны черт.
Все, что пустынножитель строил днем,
Нечистый разрушал ночной порой.
- 6570 Пришел на место граф, чуть рассвело, —
Глядь, все уже дотла разорено
И камни, как дотоль, лежат вразброс.
Так с месяц или даже больше шло:
Граф выполняет свой дневной урок,
- 6575 А труд его к заре на нет сведен.
Не диво, что пришел он в гнев большой
И помолился: «Боже, кто тайком
Наносит стройке по ночам урон?
Наверно, дьявол этому виной.
- 6580 Но я ручаюсь тем, кто Рим блюдет,
Что буду месяц, позабыв про сон,
Сидеть в засаде ночи напролет,
А вызнаю, каков мой враг собой».

CIV

- Решил Гильом, придя в немалый гнев,
6585 С тем, кто постройку рушит, счеты свесть
И ночью у моста в засаду сел.
Он помолился: «Всеблагой творец,
Коль впрямь угоден сей мой труд тебе,
Столкни меня с тем, кто чинит мне вред».—
- 6590 А дух нечистый тут как тут уже.
Стал мост ломать он, всячески шуметь,
Заглазно графа поднимать на смех
И хвастаться, что разнесет к заре
Все, что воздвигнутъ за день тот успел,
6595 Но черт не знал, что граф невдалеке.
Гильом перекрестился поскорей
И ринулся вперед что духу есть,
И за руку им пойман был во тьме
Не ожидавший нападенья бес.

6600 Граф молвил: «Лучше б ты в аду сидел!
 За все я отплачу тебе теперь».
 Крутнул он черта трижды, а затем
 Низринул в омут, что внизу чернел,
 И раздался такой громовый всплеск,
 6605 Как если б в воду башню граф низверг.
 Гильом воскликнул: «Господи Христе,
 Не попусти, чтоб этот лиходей
 Дерзнул вторично появиться здесь,
 А ты, лукавый, в бездну кань навек!»
 6610 И внял творец Гильомовой мольбе:
 Из волн нечистый выплыть не сумел,
 Да не сумеет, видимо, и впредь —
 Такая там бушует круговерть,
 Так круто берега уходят вверх.

CV

6615 Когда в волнах нечистый утонул,
 На месте том возникла водокрутъ.
 До дна там не добраться никому.
 Пройдет паломник, глянет в глубину
 И помянет строителя, вздохнув:
 6620 «Здесь жил святой Гильом, господень муж».
 Граф мост соорудил, свершил свой труд
 И много лет еще служил Христу,
 А после испустил смиренно дух,
 И упокоил бог его в раю.
 6625 Живут досель монахи в том скиту,
 Что пустынью Гильомовой зовут.
 Вот песнь о графе и пришла к концу.
 Пусть нам грехи простятся, как ему,
 О чём мы и помолимся творцу.

